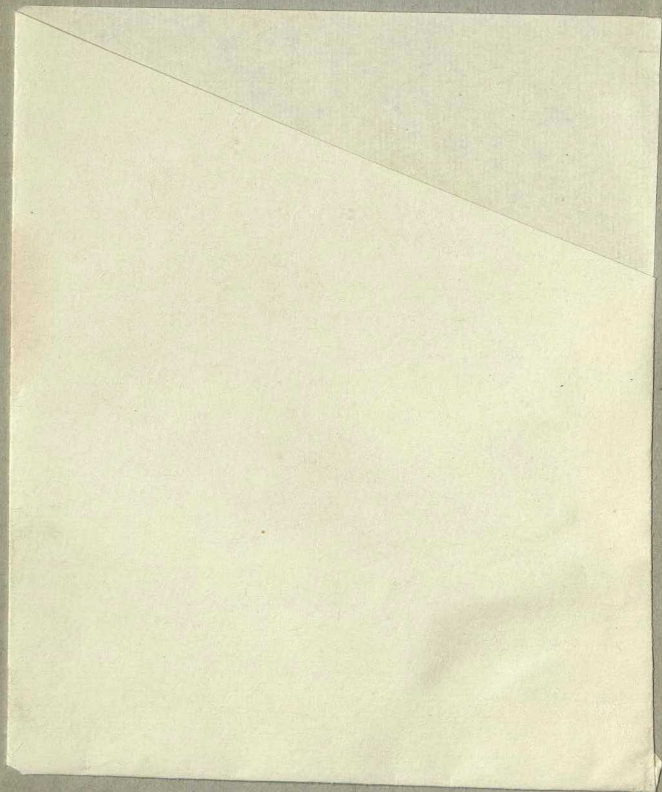
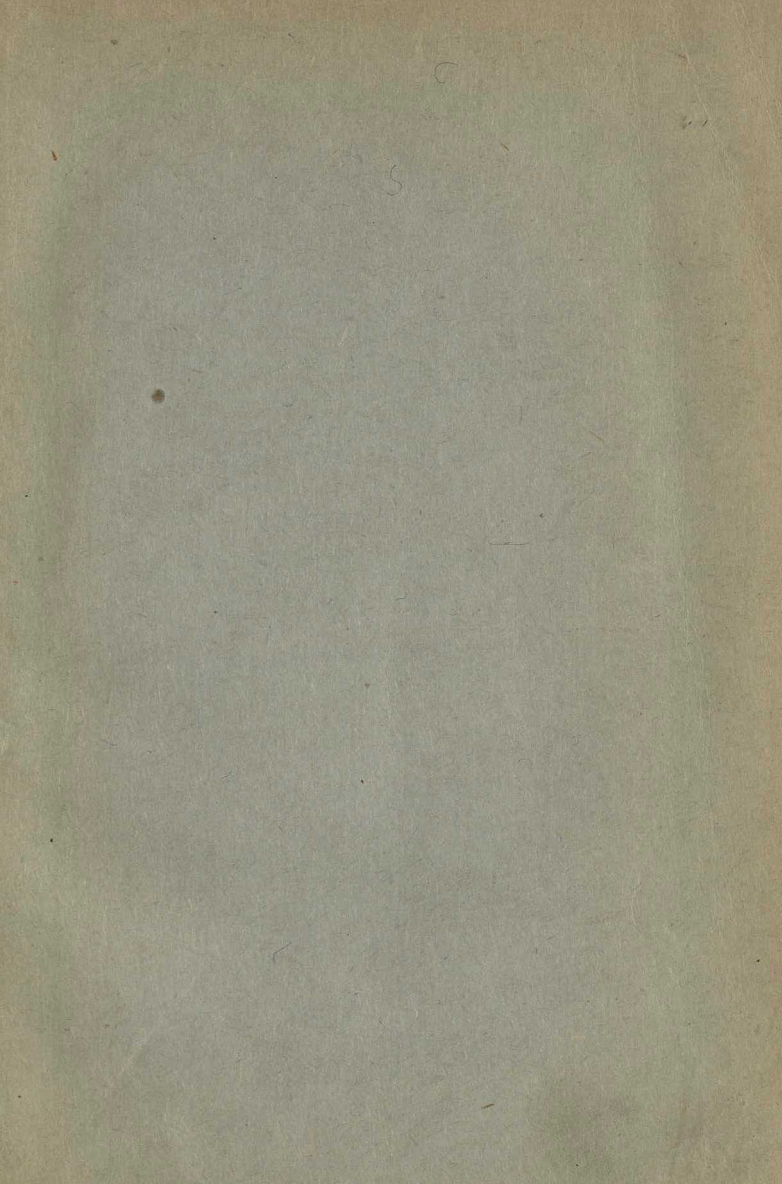
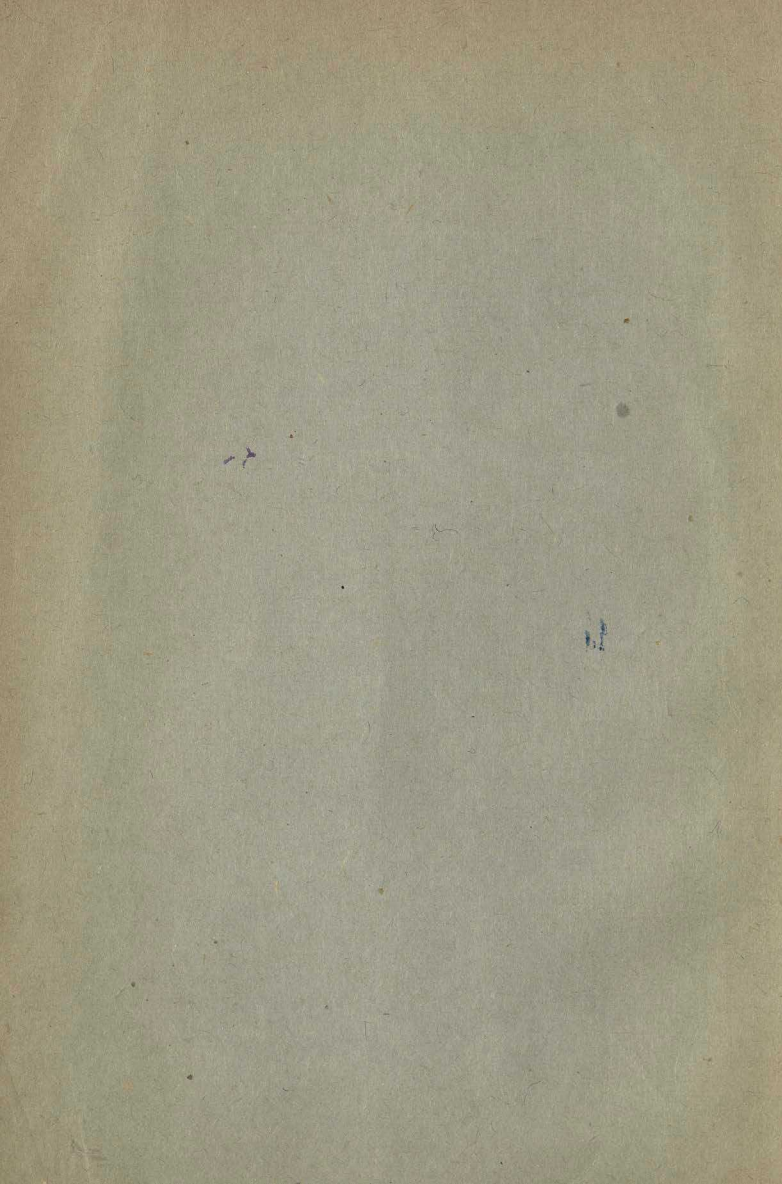

C 81
126
1948

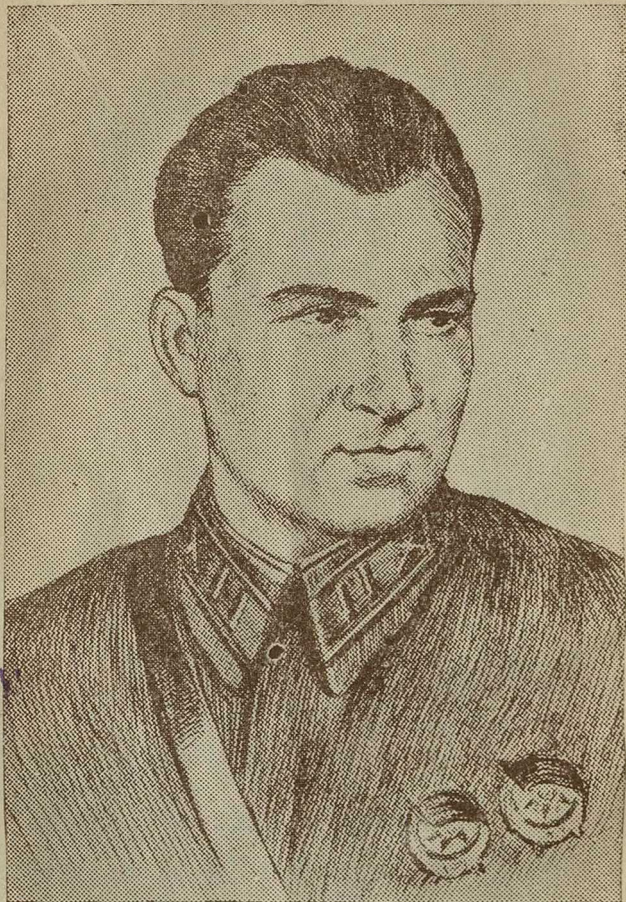

С $\frac{81}{126}$

Александр Поляков

БЕЛЫЕ МАМОНТЫ

Пензенское областное изд-во
1948

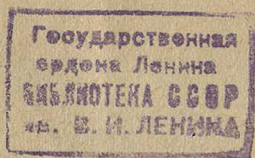
А. Ф. ПОЛЯКОВ

АЛЕКСАНДР ПОЛЯКОВ

С $\frac{81}{126}$ [портр.]

Б Е Л Ы Е
М А М О Н Т Ы

ПЕНЗЕНСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1948

49-99826

2020037236

ПРЕДИСЛОВИЕ

Талантливый советский писатель-большевик Александр Филатович Поляков родился в 1908 г. в с. Александровке (ныне Соседского района, Пензенской области). В родной Пензенской области он рос, учился, вступил в комсомол, начал общественную деятельность. Получив военное образование (окончил Московское Артиллерийское училище имени Красина), А. Ф. Поляков до 1932 г. был в рядах Советской Армии. Демобилизованный по болезни, он продолжает учиться, одновременно работает заведующим клубом Дома правительства в Москве. В 1936 году А. Ф. Поляков заканчивает Коммунистический Университет имени Свердлова и направляется на работу начальника агитмассового отдела агитэскадрильи имени Максима Горького. На самолётах агитэскадрильи он побывал в одиннадцати республиках нашей страны, выступая на массовых митингах с горячим словом большевистской правды. Один из первых его полётов был в Пензу. К этому же времени относятся первые литературные труды А. Ф. Полякова. В 1936 г. выходит его книга «Подруги крылатых», написанная по живым впечатлениям от полётов с агитэскадрилей. Уже эти первые очерки говорят о зоркой наблюдательности автора, его умения искренне и увлекательно показывать новые черты нашей советской действительности.

С 1938 года и по день своей смерти А. Ф. Поляков работает корреспондентом газеты «Красная Звезда». Он принимает участие в боях с финской бело-гвардейщиной и за воинскую доблесть награждается

орденом Красного Знамени. В этих боях рождается и его новая книга «Разведчики в бою».

С первых же дней Великой Отечественной войны военный журналист Поляков находится на передовой линии огня. 27 июня 1941 г. он уже делает записи в своём фронтовом дневнике.

Войсковое соединение генерал-майора Галицкого, в рядах которого сражается с гитлеровскими захватчиками А. Ф. Поляков, одним из первых принимает на себя удар германских танковых колонн и отражает его, уничтожив 265 немецких танков. Прорвавшиеся на соседних участках немецкие войска окружили соединение. Советские бойцы и командиры, вырываясь из кольца, доблестно сражались в тылу фашистских войск. Вместе со всем соединением А. Ф. Поляков с оружием в руках дрался с немцами, был ранен, перенёс все тяготы борьбы в окружении. Его подвиги отмечены вторым орденом Красного Знамени. Корреспондентский дневник Полякова стал его новой книгой — «В тылу врага». Это — живой и правдивый документ одного из этапов Великой Отечественной войны, волнующий рассказ о стойкости и силе духа советского человека-патриота, о воинском искусстве командиров и бойцов, организующей роли коммунистов. Оторванные от всего советского мира, под постоянной угрозой истребления превосходящими силами врага, советские воины проявили большую моральную стойкость, организованность, сплочённость. «Чувствуешь, что все стали как-то ближе друг к другу... и постепенно проникаешься спокойствием и уверенностью в благополучном исходе... С такими людьми не страшно никакое окружение», — записывает Поляков в своём дневнике.

День за днём находила отражение в этом дневнике беспримерная борьба советских людей, движимых любовью к Родине. Ни численное превосходство гитлеровских орд, ни превосходство в вооружении на первом этапе войны не могли принести победы врагу, потому что против солдат-автоматов стоял человек, воспитанный советской действительностью, «полный той чистой внутренней страсти, которая отличает наших людей». И среди них первые из первых — коммунисты и комсомольцы — «те самые люди, которые

беззаветно выполняют все приказы командования, первыми идут в атаки, увлекая за собой остальных. Лучшие из лучших. За Родину, за партию, за Сталина отдают они свою кровь». Образы коммунистов, нарисованные писателем-воином, привлекают своей внутренней душевной красотой, которая отмечает людей высокой идейности.

На простых жизненных примерах показывает писатель основной источник несокрушимой силы Советской Армии — единение её с народом. Оторванные от «Большой земли», в кольце вражеских войск отряды наших бойцов не остались одинокими. О них думали, за них болели сердцем, им, как умели, помогали рядовые советские люди. В каждой деревушке, в каждом посёлке находились друзья и усердные помощники.

О трогательных встречах рассказывает А. Ф. Поляков. Возле занятой немцами белорусской деревни наш разведчик повстречал крестьянского мальчугана. Узнав, что бойцы голодают, тот помчался в деревню. А через несколько часов женщины, старики, ребятишки с кринками молока, хлебом и всякой снедью направились в лес. Крестьянка Агафья Степановна — сама мать фронтовика, пронесшая под одеждой 10 бутылок молока, сало, масло, угощая бойцов, рассказывает: «Сквозь огонь и воду пройду, но дорогим сыночкам отнесу небогатый гостинец». И для каждой из этих женщин наши воины — дорогие сыночки.

Как живого, видит читатель надёжного друга бойцов — колхозного конюха деда Куприяна. «Он сидит под елью, положив на колени крупные жилистые руки — могучие руки пахаря... Вот такой, верно, был русский былинный богатырь Микула Селянинович». Дед Куприян — деятельный разведчик отряда. Он ходил по деревням, разузнавая «всё на свете о немцах», потом, отыскав двух-трёх своих «корешков», направлял их в соседние деревни, «те в свою очередь посылали ещё кого-нибудь в деревни дальше. Таким образом, разведкой с помощью населения охватывался сразу целый район»...

Техник телеграфа приходит к бойцам, чтобы помочь совершить налёт на занятый немцами городок. И

сколько героизма, любви к Родине, веры в неё в этом старом, немощном человеке. В городке оставаться ему опасно, бойцы зовут с собой.

— Нет, я стар. Ноги дрожат. Останусь здесь. Я знаю — наши придут, а я ещё помогу таким же, как вы.

Бескорыстное служение Родине, высокое чувство долга перед ней, столь свойственное советскому человеку, присуще героям книги Полякова — сражаются ли они на передовой, или живут на захваченной врагом земле.

Знаменательны строки, заканчивающие дневник «В тылу врага»: «Буря событий не утихла. Она попрежнему бушует с ожесточённой силой. Но я ясно ощущаю: главный удар буря принесёт тем, кто её посеял... Враг, конечно, ещё силён, жесток и коварен, но он будет сломлен нашей силой, нашей волей к победе. В войне с фашистами победить можем только мы — наша Родина, наш народ». Не следует забывать, что эти уверенные слова писались в июле 1941 года.

Зимой 1941 года писатель едет на Урал, знакомится с работой крупнейшего оборонного завода и с пятёркой созданных на этом заводе мощных танков отправляется на фронт, участвует в танковых сражениях. История рождения и боевой жизни пяти танков легла в основу книги «Белые мамонты». Эта книга — вполне зрелое в художественном отношении произведение. Если дневник «В тылу врага», с почти лаконическими записями происходящего, дорог своей жизненной правдивостью, правильным освещением и анализом событий, своей партийной целеустремлённостью, то «Белые мамонты» — очерки, выдающиеся и по художественному мастерству. Рассказывая, например, о рождении танка, автор рисует прямо-таки зримую картину: «...Вскоре машина оживает, начинает рычать своими могучими моторами, моргать электрофарами, подавать робкий голос сигналом, прося людей расступиться в стороны — сейчас она пойдёт...».

В книге нет «мёртвого» безучастного пейзажа, природа живёт волнениями, тревогами, радостями людей. Кировцы — рабочие и инженеры — создатели могучих машин, провожая их на фронт, собрались на перроне.

Последние приветствия, люди машут отъезжающим на фронт танковым экипажам шапками, платками. Поезд уходит всё дальше, и вот уже провожающих не видно, но «длинные рукава чёрного дыма из заводских труб ещё долго-долго махали нам вслед».

Сердечная взволнованность, с которой пишет автор о людях, действиях, событиях, умение заметить и выделить главное, типичное, обобщить основные черты нового отличают книгу «Белые мамонты». Читатель не только видит людей, которые в боях и в труде завоёвывают победу, но и успевает полюбить их, почувствовать великую движущую силу советского патриотизма. Тыл и фронт, армия и народ предстают как монолитное целое. И те, кто создавал танки, и те, кто на них сражался, живут в книге едиными мыслями, единым устремлением. Высокая идейность, присущая советскому воину на передовой и советскому труженику в тылу, руководит всеми поступками, всем поведением людей. Писатель не произносит пышных фраз, не навязывает читателю готовых суждений, он показывает своих героев в будничной трудовой обстановке, в военной страде, и за каждым простым обычным делом читатель сам видит великое и главное, что решило победу — моральную сплочённость советского народа, ведомого партией Ленина — Сталина.

Книги Полякова были одними из первых значительных художественных произведений о Великой Отечественной войне советского народа и являли собой новую ступень в развитии литературы социалистического реализма. Правдиво показывая новый этап в жизни страны, осмысливая его в свете передовых прогрессивных идей, умея разглядеть сквозь настоящее завтрашний день, писатель включился своим творчеством в общую борьбу советского народа, осуществляя на практике ленинский принцип партийности литературы — основной принцип социалистического реализма. Ценное качество очерков Полякова и в том, что правдивость содержания слита воедино с правдивостью формы: сюжета, композиции, с чистотой, ясностью, точностью языка.

Жизнь писателя оборвалась в октябре 1942 года в самом расцвете его творческих сил и таланта. Незадолго до смерти он участвовал в боях на Западном и

Калининском фронтах. Последние его очерки «Под Ржевом» посвящены советской артиллерии. До последних дней А. Ф. Поляков не порывал связи с родным краем. Один из его очерков «Трофей», вошедший в книгу «Белые мамонты», был написан для пачелмских школьников и впервые появился в рукописном журнале пачелмской железнодорожной средней школы.

Имя талантливого советского писателя, его произведения широко известны во всём мире. На выставке произведений советской литературы, изданной за рубежом (была открыта в Центральном Доме литераторов в ноябре 1947 г.), книги А. Ф. Полякова «В тылу врага» и «Белые мамонты» были представлены на 14 языках.

З. ГУСЕВА.

В ТЫЛУ ВРАГА

ДНЕВНИК
ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

27 июня

Прошло пять дней войны! Моя родина, мой народ ведут Великую Отечественную войну с гитлеровскими ордами. События проносятся бурей. В эти дни я не вёл подробных записей, кроме мелких пометок в блокноте, и чем грандиознее события, тем короче мои записи.

Утром 26-го я записал: «Опушка леса. Тригонометрическая вышка. Танковый бой. Марков бил в упор. Щука сказал: «Прищемить им хвост».

Вот и всё, что я успел записать в этот день. Только сегодня вечером я получил, наконец, возможность взяться за дневник.

...22 июня застаёт меня в командировке в одном из гарнизонов Западного особого военного округа.

Вот и удобно. Теперь я ближе всех моих товарищей-корреспондентов к фронту. Лётчики, например, очень дорожат самым первым и самым глубоким ударом по противнику. Пользуясь близостью к фронту, я передам в газету одну из первых корреспонденций с войны.

Весь день я в штабе авиационного соединения, которым командует тов. Аладинский.

Вокруг меня в эти минуты творится великое дело.

Полковник Аладинский — ловкий, красивый лётчик — ползает с цветными карандашами по громадной карте, разостланной на полу.

Радисты то и дело докладывают полковнику новые цели, полученные от разведчиков с воздуха. Полковник «налетает» на эти обречённые цели острым кончиком синего карандаша и тут же отдаёт приказания.

Одна за другой вылетают девятки бомбардировщиков. Проходят минуты, десятки минут, и вот уже радируют на обратном пути прямо с воздуха: «Цель — танки — уничтожена».

Эскадрилья Карагодова только что разстрепала колонну танков возле Гродно, разорвала её на части, рассеяла. В воздушном бою подбили пару истребителей. У нас не потеряно ни одной машины.

Немедленно передал об этом в Москву. Я страшно рад — моя корреспонденция самая первая в Москве, о чём сообщил мне по телефону начальник отдела.

В памяти моей ещё свежи все подробности войны с белофиннами. Но эта война — я чувствую — будет ожесточённой во сто раз...

Прошу у редакции разрешения выехать с частями на передовые позиции фронта. Через 3 минуты получаю приказ редактора:

«Выехать на фронт».

Ну, вот, товарищ Поляков, и гордись, и дерись, дорога открыта!

Вечером я выехал с воинской частью на фронт.

23 июня приближаемся к фронту. Восторгаемся железнодорожниками. Здорово работают! Мчат, как на крыльях. Остановок почти нет...

Площадками я пробрался на тендер паровоза и в самую будку. Ехал часа два с бригадой. Записал фамилии, передал телеграфом в Москву, в «Гудок», вместе с благодарностью от имени всего эшелона.

Едем весь день. Меня охватывает нетерпение, — когда же фронт?

24 июня с рассветом выгрузились. За 15 минут эшелон точно вывернулся наизнанку со всеми потрохами — пушками, радиостанциями, лошадьми, боеприпасами, провиантом... На учебной погрузке такие сроки показались бы невероятными.

За эти дни сдружился с генерал-майором Закутным и полковником Регблгт. Закутному уже пятьдесят, но для своих лет он совсем молод. Закалялся и молодел в боях. Воюет с 1914 года. Был солдатом.

— Немцы — наши старые знакомые. Знаем, в каких местах их надо щупать нашим русским штыком, — посмеиваясь, говорит Закутный.

Днём мы заехали на командный пункт командира дивизии генерал-майора Галицкого. В первый день войны дивизия выступила навстречу прорвавшемуся противнику, сделала

более чем стокилометровый марш и теперь развернулась для встречного боя с гитлеровскими полчищами, прорвавшими нашу границу.

Кругом густые сосновые и лиственные леса Белоруссии, пересечённые множеством просёлочных дорог и двумя шоссейными, идущими на восток, на столицу Советской Белоруссии — Минск. Это важнейшие магистрали, по которым движутся фашисты.

Наши войска скрыты в лесах. На опушках — орудия, повернутые на запад. Перед каждой батареей — 2 — 3 километра открытого безлесного пространства, — есть где разгуляться при прямой наводке нашим снарядам.

Командный пункт Галицкого — глубоко в лесу. Мы с трудом пробираемся сквозь плотное кольцо охранения, машин, — отовсюду тянутся пучки телефонных проводов.

Галицкий совещался с группой своих командиров, давал им указания... В каске, маскхалате, накинутом поверх генеральской формы, командир сидел за раскладным столиком. Скатертью свесилась со столика зелёная карта. Генералу лет сорок пять, у него крупные правильные черты лица, прямой нос, узкие глаза, прикрытые суровыми бровями.

Я вижу вдохновение на этом строгом лице.
— Раскрыть карты! Линия фронта: деревня «С» — деревня «Д». Обе включительно. Полк Украинского: деревня «К» включительно, тригонометрическая вышка исключительно...

Галицкий вдруг поднимает гневные глаза.

— Кто там делает пометки карандашом?!

Никаких карандашей! Карта сегодня же может попасть противнику. Память иметь надо.

Короткими, сжатыми фразами генерал излагает план операции. Резко звучит его голос:

— Записать!

И командиры торопливо делают в блокнотах пометки.

— Не записывать!

Карандаши замерли.

Чувствуется, что все здесь подчинены воле этого сурового генерала, который стремится личным общением с подчинёнными командирами добиться ясного понимания поставленных им задач.

Я решаю остаться у Галицкого. Закутный одобряет это решение.

Представляюсь Галицкому. Пожимает руку. Добродушно переспрашивает:

— Корреспондент, говорите? Ну, что же, воюйте с нами.

И уже попрежнему сурово, тоном приказа:

— Начальник штаба, с нами будет корреспондент.

Я понял, что со мной разговор окончен.

Вечером узнал: дивизия имеет богатую боевую историю. «24-я Железная Самаро-Ульяновская дивизия» — зовётся она в документах. Создавал её В. В. Куйбышев, будучи в 1918 году политкомиссаром 1-й армии, в которую входила дивизия.

В папке с наградными документами мне попала историческая справка о том, как ди-

визия готовилась к взятию и взяла героическим штурмом Симбирск — родину Ленина.

8 сентября 1918 года по 1-й армии был отдан приказ взять Симбирск. В частях прошли митинги под лозунгом, выдвинутым товарищем Куйбышевым: «Освобождение Симбирска — родного города Ильича — будет ответом на ранение Ленина».

12 сентября в Симбирске было водружено красное советское знамя.

В Москву к Ленину полетела телеграмма от бойцов 1-й армии:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие вашего родного города — это ответ на вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Ильич прислал бойцам и командирам ответную телеграмму, текст которой хранится в дивизии, как святая реликвия, как знамя, осеняющее бойцов на новые победы, на новые подвиги.

Вот она:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и силы. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все жертвы. Ленин».

За освобождение Симбирска, ныне Ульяновска, дивизия имеет первый орден Красного Знамени, за бои в Финляндии — второй.

Генерал-майор Галицкий — опытный, боевой командир. Был солдатом в империалистическую войну. Немцев знает ещё с тех пор.

Участник гражданской войны. В Красной Армии ровно столько лет, сколько и ей самой.

25 июня. Мы продолжали марш к границе навстречу немцам. Непрерывно действуют наши разведывательные подразделения. Стычки происходят каждый день — идёт разведка боем. Генерал Галицкий, по всему видно, хочет взять боевую инициативу в свои руки. Данные разведки говорят о том, что на этом направлении фронта неприятель не ждёт большого сопротивления. Видимо, Галицкий готовит им «сюрприз». Но у меня ничего не записано.

С утра я прямо направился к палатке генерала. Он сидел за картой, продумывая донесения начальников разведки.

Вот удобный момент. Сейчас сразу узнаю всё на свете...

— Доброе утро, товарищ генерал-майор!

— Доброе утро! — хмуро ответил генерал, не глядя на меня.

— Можно около вас немного ориентироваться?

— Оставьте меня! Мне надо воевать, а не корреспондентов ориентировать. Ступайте!

Ошеломлённый, я пробормотал, что хочу поближе познакомиться с частями, с обстановкой...

— Я вам повторяю: ступайте! — грозно взглянув на меня, отрезал генерал.

Я решил немедленно уехать от Галицкого. Я чувствовал себя несправедливо обиженным... Нет, ни минуты больше не останусь здесь! Поеду к Закутному и Регблат...

Сейчас уже вечер, а я ещё не уехал. Не с кем... Без Галицкого на узле связи мне удаётся узнать всё, что надо. У Галицкого поздно вечером будет краткая летучка командного состава.

Так и подмывает попасть на неё. Но идти мешает самолюбие. Из-за куста я подслушиваю всё, что происходит на летучке.

...26 июня наши передовые отряды столкнулись с фашистами. Этот день нельзя забыть. Перед моими глазами рисовалась грандиозная картина встречного боя. Дивизия быстро развернулась и полностью ввязалась в бой, нанося удар на фронте в 6 километров и разведывая фронт шириной в 30 километров. На нас напоролась средняя колонна армейской танковой группы генерал-полковника Гота, имеющая во главе 19-ю панцирную дивизию генерала Клопенсдорфа. Позади шли 12-я и 18-я мотодивизии немцев.

Закованные в железо и сталь, фашистские банды ведут наступление в направлении города Минска — столицы Советской Белоруссии. Боевая задача — любой ценой сдержать, грудью закрыть столицу Белоруссии, на её дальних подступах отразить натиск танковой колонны. От бойца к бойцу, от сердца к сердцу пролетел приказ:

— Ни шагу назад, вперёд, на врага!

С разведки вернулся командир разведывательного батальона майор Щука. Он рослый, широкоплечий, с обветренным лицом и грубоватым голосом. От всей его фигуры веет силой и уверенностью. Глаза его поблёскивают весе-

лой хитрецей. Майор докладывает: впереди на шоссе и грунтовой дороге остановилась тысяча фашистских танков. Машины не движутся. Нет горючего.

Щука предъявляет и «вещественное» доказательство — захваченного в плен германского унтер-офицера, а также документы и карты убитого нашими разведчиками офицера штаба генерала Гота, показывающие группировку, маршруты и задачи дивизии. Двадцатилетний Вебер Херст служит в 19-й панцёрной дивизии. Он одет в чёрную куртку и чёрные брюки на выпуск, ботинки на стальных шипах — обычная одежда фашистских танкистов. В чёрных петлицах — белые металлические значки: череп и кости.

Вебер Херст в большом недоумении. 25-го они должны были занять своей колонной Минск, а через пятнадцать дней быть на подступах к Москве.

Был выработан строгий план: движется первая колонна, за ней вторая, потом третья... А сегодня уже 26-е число — и все стоят на одном месте. Вебер Херст подтверждает: да, тысяча танков стоит без движения из-за отсутствия горючего.

— Вот и прекрасно! — оживляется генерал-майор Галицкий. — Сейчас вам будет горючее. С избытком! Ко мне всех артиллеристов!

— Ваш праздник, ваша работа, — обращается генерал к командирам-артиллеристам. — Первые разведывательные данные — у Щуки, остальные — добыть самим. Медлить нельзя. О

готовности огня доложить. Впрочем, кто хочет со мной воевать дальше — приготовить огонь через тридцать минут.

Да разве найдётся в частях хотя бы один человек, который не хотел бы воевать с генералом Галицким?!

Начальник артиллерии полковник Добронравов, такой же суровый, как и сам генерал, докладывает:

— Товарищ генерал, ваш приказ будет выполнен в срок.

И немедленно затрещали телефонные звонки из штаба артиллерии. Артиллерийские части тт. Бородина, Галкина, Иванова получили приказ. Командиры штаба на машинах быстро выехали в части дублировать его. Генерал Галицкий и полковник Добронравов отправились на свой наблюдательный пункт.

Точно в срок более ста орудий разных систем начали ураганный огневой налёт по фашистскому танковому лагерю.

...Первые же снаряды наших батарей и дивизионов вносят смятение в ряды вражеских танкистов, точнее — в табор бронированных бандитов. Они переливают наспех остатки горючего из всех машин в головные и бросают их в контратаку на нас пачками по 30 — 50 штук.

Фашистские танки выскакивают из леса и мчатся на нас мимо тригонометрической вышки. С десятков батарей бьёт по ним прямой наводкой.

Впереди меня, в 300 метрах, гаубичная ба-

тарей кинжального действия Попова. У неё самая жаркая работа, она — на дороге. К ней мчится танков штук тридцать.

— Беглый! Прямой наводкой! — еле успевает командовать Попов.

Орудия заглушают его команду...

Фашистский стальной дракон мчится со скоростью свыше 30 километров. Разрыв нашего снаряда прямо под гусеницей — и дракон со всего разгона вдруг вертится юлой на одном месте... Два-три оборота — и танк замирает. Нет, это не танк, а стальной гроб, и из него, как черви, уползают фашисты. Стрелки заканчивают работу артиллеристов.

На батарею Попова прорвалось около двух десятков танков. Они прочёсывают огневую позицию Попова, и Попов прочёсывает их. Батарейцы поворачивают орудия, бьют в упор...

Прибегаю к ребятам. Несколько человек ранено, убит наводчик Галкин. Остальные бойцы, закопчённые дымом, опалённые огнём, с запекшейся кровью на лицах, стоят среди кладбища танков. 18 чёрных обгоревших танковых скелетов валяется между орудиями. Брожу и считаю.

— Чья это работа, кто сколько сбил? — спрашиваю у Попова.

Старший лейтенант не спускает глаз с дальней опушки леса, откуда должна выскочить очередная группа фашистских танков. Его смуглое лицо горит возбуждением боя.

— Счёт у нас общий, — не оборачиваясь, отвечает Попов.

Наводчик Шишков раздолбил пять танков подряд, и каждый — первым выстрелом. Младший лейтенант Марков поразил один из танков в упор с двух метров. Честь и слава командирам орудий Хапову, Зотову, Панфилову, лейтенантам Самсонову, Большакову, наводчикам Галкину, Парфёнову, Филиппову, Женжерову и всем остальным!

Нет, никуда я не уеду от Галицкого, от этих чудесных людей!

...Танковый бой продолжается и сегодня, 27 июня. Фашисты бросают против нас все новые и новые группы танков. Но и майор Щука получил подкрепление — 8 мощных танков, советских крепостей, каких фашисты ещё не видели

— Теперь буду давить им на хвост, — пробасил он, влезая в одну из этих «крепостей».

Щука ворвался в авангардный эшелон 19-й дивизии и начал давить вражеские танки, как орехи...

Ночью я ездил в редакцию нашей газеты «Красноармеец», помогал редактору тов. Плетнёву выпустить первый номер. Радостно было увидеть первый номер своей газеты! Сверху крупный аншлаг: «Вчера наши подразделения уничтожили 97 танков врага. Метким огнём нашего оружия до конца уничтожим фашистских гадов!»

Весь день стоял непрерывный грохот орудий, лязг железа... Клубится чёрный дым, — это горят фашистские танки. Среди наших трофеев — много яркокрасных полотнищ с белым кру-

гом. В середине круга — чёрная паучья фашистская свастика. Это — сигнальные полотнища фашистских танкистов: когда в воздухе появляются немецкие самолёты, танкисты накрывают свои машины этими полотнищами, что означает: свои.

— Эту штуку следует приберечь, — говорю я товарищам.

— Правильно, полезное пособие, — соглашается Щука, хитро подмигивая.

Вечером подвели итоги двухдневного, за 26 и 27 июня, боя: в поле зрения на кладбище танков насчитали 265 фашистских машин; убито и ранено свыше 400 танкистов... Гитлеровцы будут долго помнить генерал-майора Галицкого!

Фашисты, бессильные взять нас в лоб, начали обходный манёвр, окружая нас со всех сторон. Вражеские самолёты сбросили листовку: «Вы окружены со всех сторон. Ваше положение безнадёжное. Сдавайтесь в плен...» На обороте листовки напечатана схема нашего окружения.

Галицкий внимательно изучает немецкую схему.

— Ну, что ж, за ориентировку спасибо, — говорит он спокойно. — Товарищ майор, проверьте эту схему разведкой.

Поздно ночью Галицкий собрал командный состав на летучку.

— Мы оказались во вражеском тылу, — жёстко прозвучали его слова. — Прямо и открыто сказать это сейчас же всем бойцам. Никакой паники! Коммунисты и комсомольцы задают всем тон своим примерным поведением...

Мы в тылу у врага... Я повторяю про себя эти слова, стараясь освоиться с неожиданной новостью.

Светлая ночь. Я вглядываюсь в лица. Командир артполка Бородин не спускает глаз с генерал-майора. Этот темпераментный человек весь день громил из орудий фашистские танковые колонны, — он навалил целую гору из гусениц, колёс, продырявленной брони... О чём думает он сейчас? Спокойно лицо подполковника Пасюкова. Этот расчётливый, предусмотрительный командир что-то про себя подсчитывает, прикидывает, его не застанешь врасплох... Майор Щука горит от нетерпения, — вот когда придётся поработать его разведке! И постепенно я проникаюсь спокойствием и уверенностью в благополучном исходе... С такими людьми не страшно никакое окружение.

— Мы с честью сражались во имя нашей Родины, — продолжает генерал-майор, — неужели мы дадим себя истребить проклятым фашистам?

— Ни за что! — дружно отвечаем мы все.

— Так слушайте! Мы будем с боями отходить в сторону фронта на соединение с Красной Армией. Сегодня мы переходим на положение части, действующей в тылу врага. Отныне мы будем действовать партизанскими методами. Будем вредить фашистам, не давать им покоя ни днём, ни ночью, изматывать и бить нещадно! А для этого необходимо...

Галицкий пункт за пунктом излагает законы

нашей новой жизни — «законы генерала Галицкого», как мы называли их потом.

...Никто не имеет права употреблять слово «говорят», а только «сам видел». Беспощадно бороться с болтовнёй и паникёрскими слухами.

Пищу делить поровну. Кормить в первую очередь раненых и разведчиков. Этот закон особенно нравится Шуке...

За курение ночью под открытым небом — расстрел!

Экономить патроны, стрелять только по видимым целям и в упор!

...Выходим из блиндажа. Чувствуется, что все стали как-то ближе друг к другу.

Ночь на исходе. Шумит лес...

Укладываюсь на землю, лицом к звёздному небу, и долго не могу уснуть...

28 июня

Просыпаюсь от сильного грохота... Появились самолёты врага. Укрываюсь в блиндаже. Наши зенитки отгоняют фашистских разведчиков, но, видимо, не случайно кружатся вражеские самолёты над командным пунктом. Кто-то наводит их...

Рассвет. Сквозь деревья розовеет зарево восхода.

Снова укладываюсь, но теперь спать не дают комары. Все руки и лицо в волдырях и расчёсах. Те, кто курит, спасаются от комаров дымом самокруток. Вот сидят трое под деревом. Один, жадно затягиваясь, выпускает густую

струю дыма, а двое с наслаждением вдыхают в себя этот «отработанный дым», — табаку мало...

Многие ещё спят, положив голову на пенёк или бугорок. Каждый избрал себе дерево или куст. Это его дом: здесь человек спит, укрывается во время бомбёжки, читает старую газету. Одному лишь Вайниловичу нет дерева по его росту — так высок этот самый длинный человек в нашей дивизии. Над ним шутят:

— Ты во время бомбёжки становись во весь рост и замри, — сверху трудно будет отличить тебя от дерева. Сам — сосна!

Возвращаются разведчики из ночных поисков. Шука выслушивает донесения.

«Петушина часть», — так в шутку называем мы разведывательный батальон майора Шуки. Назначение этого батальона — затевать драку с фашистами и боем выявлять их силы и огневые средства. Шука любит ворваться в расположение врага, наделать шуму орудиями своих танков и с добычей вернуться домой. Весь день и всю ночь Шука пропадает в разведке. Он не станет есть до тех пор, пока не добьётся успеха.

Отправляясь в разведку, он сказал начпродовольствия Шафрану:

— Вернусь — чтоб был хороший обед!

— Будет, товарищ майор. Я угощу вас сегодня куриным бульоном, — пообещал Шафран.

Не очень храбрый Шафран отправился с тремя поварами в соседнюю деревню добывать провизию. Все консервы он тщательно запрятал в лесу, полагая, что теперь мы хотя и ре-

гулярная часть, но борьбу ведём партизанскими методами, поэтому и пищу должны добывать таким же образом. Кормить же отряды из складских фондов Красной Армии, по его мнению, не полагается... Мы, разумеется, быстро рассеяли заблуждение Шафрана.

От майора Щуки поступило донесение, что на станции Б. много оружия, снарядов, есть танки, горючее... Немедленно снаряжается отряд для разгрузки станции. Нужно из-под носа фашистов быстро увезти в лес всё это богатство. Ответственным за операцию назначен тов. Плохов. Командиру роты связи Зиновееву поручено обеспечить связь со станцией и порядок во время разгрузки.

Здесь хочется сделать небольшое отступление и рассказать о семье Зиновеевых.

Вся семья Зиновеевых — отец, воентехник 1 ранга, мать, машинистка штаба, и сын, 14-летний Анатолий, — хорошо известна всем бойцам и командирам наших частей. Когда началась война, Зиновеевы — отец, как военнослужащий, и мать, как вольнонаёмная, — вместе с частями должны были выступить на фронт. На «семейном совете» решено было добиваться, чтобы командование разрешило их сыну Анатолию участвовать в священной Отечественной войне с германским фашизмом. Командир долго не давал разрешения. Семья утверждала, что Анатолий не только не будет обузой в походах, но сумеет принести пользу. Да, ему 14 лет, но это боевой, закалённый паренёк. Он прекрасно умеет водить мотоцикл, стрелять, он отличный связист...

Был произведён короткий «инспекторский смотр». По винтовке, мотоциклу и установке связи Анатолий сдал экзамен на «отлично».

И он поехал на фронт.

Я каждый день встречаю этого русого молчаливого паренька в брюках на выпуск, гимнастёрке и пилотке. Спокойный, смелый — весь в отца, — он прекрасно держится под выстрелами. Анатолий из тех упорных советских ребят, которые любят возиться с электричеством, устраивают всякие опыты с приёмниками, придумывают усовершенствования.

...Воентехник Зиновеев поручил бойцу Анатолию Зиновееву следовать за отрядом на станцию Б. и по мере продвижения отряда устанавливать проволочную связь со штабом.

Пять часов хозяйничали мы на станции. Боеприпасы и железные бочки с горючим погружались на автомашины и исчезали в глухом лесу.

Надежда Николаевна Зиновеева в штабе соединения принимала донесения «коменданта» станции Зиновеева:

— Товарищ Зиновеева, доложите командованию, что приказ выполнен. Боеприпасы и горючее вывезены. Остатки будут уничтожены, станция и пути будут выведены из строя. Передайте мою благодарность Анатолию Зиновееву и всему взводу за организацию бесперебойной связи...

Когда фашистские бомбардировщики снова прилетели к станции, они увидели лишь дымящиеся развалины.

Проголодавшиеся участники разгрузки вернулись в свой партизанский лагерь с богатой добычей, а куриного бульона и жареных кур, обещанных Шафраном, не оказалось. Не было и самого Шафрана.

А тут явился разведчик-лейтенант Никифоров. Он совершил удачную вылазку на шоссе. Спрятавшись в канаве у развилки дороги, Никифоров стал терпеливо ожидать. Вскоре на шоссе появился германский мотоциклист. Дальше всё пошло так, как и предвидел лейтенант. Мотоциклист задержался на повороте дороги и стал рассматривать карту. В руках у него, таким образом, оружия не было. Это только и надо было разведчику. Лейтенант выскочил из канавы на дорогу и направил на фашиста наган.

— Руки вверх!

От неожиданности немец выронил карту.

Лейтенант завязал ему глаза и повёл в гущу леса. В штабе нашей части из сумки германского связного извлекли ценные пакеты с документами, раскрывающими направление движения немецкой танковой группы. Сведения были весьма ценны и полезны нам.

По «закону генерала Галицкого» следовало в первую очередь накормить храброго разведчика, но мы не могли отыскать даже консервов, запрятанных Шафраном.

И вдруг он появился. Смущённо разводя руками, Шафран сообщил, что куриный бульон разлили.

— Как же это вы прошляпили суп? Какой же вы начпрод? — съязвил Щука.

— А какой же вы командир разведки, если не могли меня предупредить, что в этой деревне фашисты?! — отпарировал Шафран. — Они наскочили на нас, и пришлось вылить суп на землю...

— Как? В этой деревне фашисты?! — вскричал уязвлённый Щука. — Много?!

Щука исчез, а Шафран начал рассказывать нам трагикомическую историю... Шафран спокойно готовил обед в трёх избах. Повара варили, жарили, пекли при активном содействии крестьянок. В полдень Шафран вышел на крыльцо и вдруг увидел, что в деревню вползает фашистская колонна на машинах и мотоциклах. Он бросился в избу... Крестьяне переодели Шафрана и поваров в свою одежду и помогли им выбраться из деревни с жареными курами, но без супа...

Уже брезжил рассвет, когда майор Щука вернулся с вылазки. Он был весел, глаза его задорно блестели. Он потребовал себе ужин.

Шафран торжественно преподнёс ему аппетитно зажаренную курицу.

Щука ест! Это был верный признак, что майору попалась хорошая добыча.

29 июня

Генерал ещё вчера вечером принял очень осторожное решение. Его не опьянили наши частичные успехи.

Авангарды 19-й панцырной дивизии разгромлены. Дивизия вынуждена отойти, а затем продолжать путь по другим направлениям. Но

вместо танковой дивизии против нас брошены 12-я и 18-я дивизии мотопехоты. Первые пленные сообщают: дивизии развёртываются.

Кольцо окружения сжимается всё теснее. Слышен фланговый артиллерийский огонь. В 15 километрах позади нас река стометровой ширины. Генерал приказал скрытно отойти, за ночь переправить в лес, за реку, артиллерию, остатки боеприпасов и специальные машины. На реке подготовиться и дать бой немцам.

Драться на реке, это я знаю, мы умеем особенно искусно. Если же пойдём ко дну, то не иначе, как на шеях тонущих гитлеровцев.

У меня большая работа. Днем я заехал в полевой госпиталь — очень знакомое мне по Финляндии учреждение. Там лежало семьдесят тяжело раненных красноармейцев. Почти половина раненных прибыла к нам в первые дни из других частей.

Я заявил начальнику политотдела тов. Корпяку, что хочу помочь эвакуировать госпиталь.

— Даже возлагаю на тебя всю ответственность за это, — ответил Корпjak.

Ночь тёмная, дождливая. На горизонте беспрерывные вспышки: и молния и разрывы снарядов.

60 повозок, выделенных под раненых, куда-то к чёрту провалились. Наверно, заплутались в лесу...

Госпиталь в лесу, в 200 метрах в стороне от дороги. Время не ждёт. Решаю: раненых вытаскивать пока на дорогу, выкладывать вдоль неё и в случае, если не будет повозок, погру-

жать на проходящие автомашины, на оружейные лафеты.

У меня шесть красноармейцев и два командира — Мельников и Мизин. Они, правда, сами легко ранены. Пришли в госпиталь для перевязки, а я их объявил санитарями.

Ребята горячо взялись за дело. Через два часа мы вытащили из леса на дорогу всех семьдесят человек. Санитары от усталости и изнеможения падали около раненых, но я сказал, что они — орлы, герои, переписал их фамилии. У людей нашлось ещё немного силы, и мы начали подкладывать раненых на проходящие машины.

Подъехал генерал-майор Галицкий. По его приказанию из пяти машин были тут же выгружены какие-то запасные части и продукты. Эти машины были предоставлены раненым.

Когда все раненые и санитары были отправлены и я остался один на дороге, ко мне подошёл Галицкий и ласково взял за плечо:

— Ну, как, товарищ Поляков? Теперь, я надеюсь, вы и без моей помощи прекрасно ориентируетесь в обстановке?

— Отлично ориентируюсь, товарищ генерал, — вспоминая наш недавний неприятный разговор, смущённо проговорил я.

С генералом в его машине мы отправились к переправе.

Немцы заранее позаботились отрезать нам пути отступления.

Большой, так называемый «Горбатый мост»

они взорвали авиабомбой, но переправа полным ходом шла по временному мосту и вброд.

Пушку за пушкой, машину за машиной мы перетягивали тракторами или конной тягой по дну реки на безопасный берег.

По горло в воде или верхом на брёвнах, погружённых в воду, работают сапёры капитана Башкирова. С топорами, привязанными бечёвкой к кистям рук, чтобы не потерять их в реке при случайном падении, бойцы-сапёры не прекращают работы и во время бомбёжки. Время дорого!

Зенитный дивизион капитана Мачульского, прикрывающий переправу, устраивает в воздухе настоящий ад каждой новой стае фашистских налётчиков.

Вся тяжесть обороны переправы от надвигающегося к реке наземного врага легла на часть тов. Украинского и противотанковый дивизион капитана Иванова. Наших погибло одиннадцать человек, но зато все части дивизии переправились в полном порядке.

Заслуга успешного отражения противника и спасения материальной части на переправе принадлежит ещё одному подразделению... многотиражной газете!

Редактор газеты Плетнёв, прибыв со своими двумя автобусами к берегу, узнал, что его очередь переправляться ещё не подошла.

— Это хорошо! Успеем газету выпустить, — обрадовался он.

Уже была набрана первая страница, где

приводились цифры фашистских потерь и сообщения Советского Информбюро.

Кто-то подал мысль: подкинуть в прикрывающие переправу части одну первую страницу. Будет как листовка.

Пачки газет-листовок были немедленно отправлены на позиции, но к бойцам газета не попала. Она досталась... немцам. Мотоциклист, подвозивший газеты, прибыл к расположению арьергардных частей в момент, когда неприятель открыл сильный артиллерийский огонь.

Взрывная волна опрокинула мотоцикл нашего связного. Пачки с газетой рассыпались по дороге. Ветер рванул их в разные стороны, и бумажный смерч завертелся над неприятельской пехотой. Это немедленно привлекло внимание немецких солдат. Они набросились на листовки, забыв об атаке. Немецкие офицеры кинулись к солдатам, стали обыскивать их карманы, отбирать газеты. Видимо, офицеры готовы были пожертвовать атакой, лишь бы уберечь своих солдат от советских листовок. Но солдаты продолжали подбирать летящие газеты и засовывать их в мундиры.

Случай с газетой задержал немецкую атаку на 30 минут! За это время наши части закончили переправу. Последним двинулся на тот берег со своими автобусами редактор Плетнёв. Перепачканный типографской краской, он удовлетворённо рассматривал свою газету, не подозревая, что она натворила у немцев.

К утру части дивизии рассредоточились в лесах. Наша артиллерия на предельно больших

дистанциях через реку громила колонны мотопехоты противника, не давая им приблизиться к самой реке.

В течение дня я по поручению генерала остаюсь на переправе с капитаном Казакевичем. Организуем переправу буксировочным трактором отставших и застрявших машин.

Над нами непрерывно летят с визгом и рёвом артиллерийские снаряды. Раз десять налетала и бомбила вражеская авиация.

Но что это за лётчики! Котята слепые! Груз, сброшенный ими на переправу, равен десяткам тонн, но от этого не пострадала ни одна наша полуторатонка.

От бомбёжки убегаем в поле, в рожь. Приветливо кланяются нам золотистые тяжёлые колосья.

А василёчки, эти вечные спутники хлебного моря?! Десятками тысяч голубеньких глаз проглядывают они сквозь ржаные былинки.

Лёжа в борозде и ожидая конца налёта, я люблю сорванным васильком. Как-то машинально засунул цветок в пряжку наплечного ремня, да так и проходил с ним до вечера.

Почти совсем созрела нива. Со дня на день надо бы приступать к уборке, а тут эта проклятая, затеянная фашистами война, обрекающая хлеб на гибель, людей на голод и истощение!..

Но всё равно, вам, гадам, фашистам, хлеба ни колоса не оставим. Сами сожжём его. Подыхайте с голода, несущие голод!

...К вечеру на переправе меня ранило. Осколком авиабомбы вырвало вместе с куском

сапога кусок мышцы из верхней части стопы, на самом сгибе. Быстро закрутили бинтами. Сгоряча совсем не чувствую боли. Вот черти, думаю, с белофиннами, что ли, сговорились, угодили опять в правую ногу, в которую был ранен в Финляндии.

Опять вытягиваем машины. Я поправлял железный трос у трактора. Обрыв. Удар тросом по той же ноге, немного выше раны. Теперь уж и прыгать не могу. На одной из машин уехал в лес, во власть медиков.

Какой же из меня теперь вояка с одной ногой! Вот я всё жаловался, что записи делать некогда, а теперь пиши сколько угодно. Сегодня я только и способен воевать карандашом на бумаге. Но кому и зачем это здесь надо? Оставят меня где-нибудь в деревне лечиться, а там и немцы подойдут да «вылечат»...

Подошёл Галицкий.

— Загрустили, вижу? Напрасно. Чую, о чём думаете. Никто вас не оставит. Любая машина, любой конь — для вас. Вы и в таком виде для нас очень нужный человек.

Растроганный вниманием и чуткостью генерала, я бормочу что-то несвязное.

В который раз я убеждаюсь в высоких человеческих и командирских качествах генерала Галицкого! Каких замечательных людей вырастила наша страна!

30 июня

Переправившись через реку, мы заняли район для обороны в лесу. Наши намерения

остаются прежние: неуклонно идти на восток, в сторону фронта, на соединение с основными частями Красной Армии.

Просыпаюсь на рассвете в машине...

В тылу, в 5—6 километрах к востоку, слышался гул тяжёлых самолётов. К машине подбегает начальник штаба. Галицкий приказал ему выехать в район, над которым появились фашистские самолёты, и точно выяснить обстановку. В этом месте ещё с вечера патрулируют броневики и бойцы мотострелковой роты батальона майора Шуки.

Шука накануне предупредил командование, что на пути нашего следования замечен вражеский самолёт, с подозрительной настойчивостью крутившийся над одной из лесных полян.

Предположив высадку фашистского десанта, Шука приказал командиру мотострелковой роты Кашееву и командиру бронероты Леонову окружить эту поляну и вести за ней и за воздухом наблюдение.

Наша машина помчалась. На горизонте я увидел несколько фашистских самолётов, кружащихся на высоте 500 метров. Останавливаем машину...

Воевать не могу, так буду записывать всё происходящее. Вынимаю свой изрядно потрёпанный блокнот. Оглядываюсь по сторонам. Невдалеке от себя скорее угадываю, чем вижу искусно замаскированных бойцов подразделений Леонова и Кашеева, расположившихся по опушкам вокруг поляны в ожидании непрошенных воздушных «гостей». У разведчиков ушки на макушке.

Но вот гул самолётов становится сильнее. Впереди летит вчерашний разведчик, а за ним 9 транспортных машин. Они считают себя хозяевами положения, смело идут на малой высоте.

Транспортные фашистские самолёты представляют весьма неприятное зрелище. Громадные, пузатые двухмоторные машины размазаны чёрной и жёлтой краской. Фашистские кресты и свастика и на плоскостях, и на хвостовом оперении, и по бокам раздутого фюзеляжа.

Разведчик делает разворот над поляной. Транспортные машины повторяют его эволюции.

— Будет десант! Приготовиться к уничтожению! — негромко командует Кашеев.

На высоте 300 — 400 метров, немного не доходя поляны, разверзлось чёрное брюхо первого самолёта. И, точно взрыв под фюзеляжем, появилось клочковатое облако грязного дыма. Но это не дым. Это грязнозелёные парашюты и комбинезоны парашютистов. Из нижних люков самолёта вывалилось десятка полтора десантников-фашистов. За ними выбросилась вторая группа...

Каждый из вражеских парашютистов в первый миг, в силу инерции, летит ещё вместе с самолётом. Но вот надулись купола, натянулись стропы. Диверсанты болтаются в воздухе.

— Огонь! — с ожесточением, на весь лес, выкрикнул Кашеев и сам дал первую очередь из автомата по парашютистам.

Огонь десятков автоматов и пулемётов сотряс воздух.

Что творится в небе?! Пули, как ножом, распарывают вражеские парашюты. Точно лопнувший пузырь, парашют сразу превращается в сморщенную плёнку и быстро падает на землю вместе со своим «грузом». Но некоторые диверсанты уже достигли земли. Вот они касаются ногами зелёной луговины. Но что это? Ноги у бандитов подламываются, точно глиняные: на поляну, подвешенные к парашютам, опускаются трупы фашистов.

Считанные минуты длится воздушный бой. Самолёты выбрасывают диверсантов, как горох. Многим из них удалось опуститься живыми... Идёт наземный бой. Фашисты яростно защищаются. Приземляясь, они тут же залегают и мгновенно открывают огонь из автоматов. Но безвыходно их положение! Проклиная своего неудачного поводыря-разведчика, офицеры пытаются организовать на поляне круговую оборону. Ведь сброшено около 150 человек.

Но какая цена круговой обороне, когда здесь почти за сутки отлично подготовлено круговое нападение!

Со всех опушек леса, из травы, из кустов, с деревьев ведут ожесточённый прицельный огонь шукинские стрелки и пулемётчики. Потери есть и у нас. Я вижу, как, обливаясь кровью, падает невысокий смуглый боец. Командир стрелкового взвода младший лейтенант Калмыков получает ранение в челюсть. Бедняга! Он не может говорить, командовать. Хочется бро-

силь блокнот и стать на место Калмыкова. Слежу за ним. Оказывается, его и не нужно замещать — младший лейтенант продолжает разговаривать с врагами языком своего автомата.

Немцы падают на поляне, как дохлые мухи. В отчаянии они пытаются броситься в атаку и тут же натываются на пушечный и пулемётный огонь броневигов Леонова и Лося.

Гады почувствовали неминуемую гибель. В ядре оставшихся в живых парашютистов утрачено всякое управление. Бросая оружие, с диким приглушённым воем они бегут врассыпную.

Лишь несколько десятков фашистов прорвалось сквозь засаду и разбежалось по лесу. На поляне валяется 80 трупов вражеских парашютистов. Попытка врага отрезать нам пути отхода, нанести внезапный удар ножом в спину потерпела крах.

Мы возвращаемся на командный пункт. Вслед за нами на грузовиках шукинские разведчики везут богатые трофеи: автоматы новейшего образца, ручные пулемёты, гранаты, оптические приборы, взрывпакеты, несколько миномётов. В сумках и карманах убитых парашютистов оказалось много фальшивых документов на имя советских граждан и бойцов Красной Армии.

На бритвенных приборах, париках, зеркальцах, припасённых фашистами, — клейма французских фирм. Видимо, это были опытные десантники, побывавшие с таким же «визитом»

во Франции. Им легко было прыгать над «Елисейскими полями» и шарить на полках парижских косметических магазинов. На наших советских полях они нашли свою могилу.

Пока шло уничтожение парашютного десанта, Линько и Лукач вели телефонную линию к одному из наших фланговых подразделений. Связисты пересекали шоссе и раздумывали: закопать или подвесить провод? Но вдруг невдалеке показался немецкий мотоциклист.

— В канаву! — крикнул Линько.

Связисты спрятались, не успев как следует натянуть провод, висевший на метр от земли.

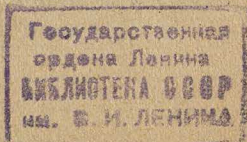
Мотоциклист приближался во весь опор, но вдруг резко затормозил машину и разразился ругательствами. Провод болтался на уровне руля мотоцикла и мешал ехать. Фашист, считая провод своим, приподнял его и продвинул вперёд машину. Но, видимо, ему предстояло ехать по этой дороге обратно. Он вынул тетрадь, вырвал из неё несколько листов бумаги и повесил их на кабель. После этого мотоциклист укатил.

— Вот видишь, немец недоволен нашей работой. Провод плохо натянули, — промолвил Линько.

Лукач сосредоточенно смотрел на подвешенные немцем бумажки.

— Вот вернётся — доволен будет, — сказал он и с хитрой улыбкой добавил: — Давай попробуем его поймать. Совсем нетрудно.

— А как?

— Как диких лошадей — мустангов — ловят. На них индейцы петли накидывают. «Лассо» называется. И мы наподобие этого сделаем.

Включившись в провод, связисты попросили разрешения задержаться минут на двадцать. Разрешение было получено.

С провода сброшены немецкие бумажки. Лукач ложится в канаву по одну сторону дороги, Линько — по другую. Провод они положили поперёк шоссе и взяли его в руки.

Началась репетиция: по сигналу Лукача они быстро вскидывали провод метра на полтора вверх, вниз. Так проделали десятки раз, вслушиваясь, не возвращается ли мотоциклист.

Вскоре послышался треск мотора.

Мотоциклист всё ближе и ближе. Он едет на большой скорости. Сейчас промчится над чёрной ниткой провода, но провод вдруг молниеносно вырастает на уровне его шеи. Удар. Вскрик. Седок срублен с машины и кубарем летит на шоссе. Далеко откатывается его каска, подпрыгивая и звеня. А мотоцикл с прикреплённым к рулю пулемётом, пролетев вперёд, опрокидывается в кювет. Мотоциклист стиснут за горло железными руками отважных связистов...

1 июля

Запишем о «будильниках».

Они появились ровно в 6 часов утра, зелёные, с чёрными крестами на концах плоскостей. Пятёрка бомбардировщиков начала делать разворот для атаки над территорией лагеря.

С обычного прямолинейного полёта фашисты бестолково швыряют мелкокалиберные бомбы. Люди просыпаются, торопливо протирают глаза.

— Прямого попадания в меня не было? — спрашивает шутник.

— Кажется, нет, — серьёзно успокаивает сосед.

Некоторые продолжают ещё крепко спать. На них не действует никакая бомбёжка. Человек ко всему привыкает.

Пятёрка улетела. На командном пункте снова спокойно, в отрядах тоже.

— Кабы опять не вернулись, — опасливо говорит боец с забинтованной рукой.

— Ну, и что же, со страху помирать, что ли? — замечает другой. — В поле вон мужики безо всякой опаски пашут. Давеча бомбы летят, а один дядька в белой рубашке пашет и пашет...

Генерал Галицкий вышел из машины после трёх часов сна. На кителе сверкает боевой орден Красного Знамени.

— Обстановка? — обращается он к оперативному дежурному.

Это и приветствие и начало работы.

Пока докладывается обстановка, генерал успевает умыться, почистить зубы...

— За два дня мы немало насолили немцам, — говорит он начальнику артиллерии полковнику Добронравову. — Они наверняка постараются расквитаться с нами с воздуха.

В самом деле, позавчера мы их обманули с переправой, уйдя без больших потерь. Вчера истребили вражеский десант.

Галицкий отдаёт приказание всем начальникам служб и командирам частей об особой тщательной маскировке.

— За полтора часа всем глубоко зарыться в землю. Враг знает контуры нашего лагеря. Ему даже известен мой командный пункт. Огонь по самолётам вести только снайперам и зенитным подразделениям. Патроны экономить.

...А вот припожаловали и воздушные гости. В небе над нами появляются на большой высоте 32 фашистских бомбардировщика. Мы сначала думали, что эскадра летит мимо нас на бомбёжку какого-нибудь крупного объекта.

Флагманский корабль воздушной эскадры вдруг делает резкий клевок. Какой-то сигнал...

Самолёты девятками и звеньями разворачиваются над нашим лесом.

— В укрытия!

Самолёты с пикирования набросились на лагерь. Наших войск немало, но и лес велик. Он гостеприимно укрывает нас своей густой листвой. А главное, что спасало, — щели, укрытия.

Фашисты около часа бомбили, стреляли из авиапушек, прочёсывали лес пулёмётными очередями. Всё кругом замерло, лишь на дальних опушках с ожесточением рывкали орудия зенитного дивизиона капитана Мачульского.

Сбросив весь груз бомб, самолёты улетают назад. Из блиндажа выходит Галицкий.

— Донесения о потерях? — требует он у пункта связи.

Первым донесениям о потерях Галицкий просто не верит: единицы убитых, десятка два раненых.

— Ещё раз проверить и снова доложить!

Проверка ничего не изменила. Но вот чем дополнились донесения по телефону:

«...Снайпер части тов. Пасюкова, красноармеец Семинеев двумя выстрелами из винтовки сбил двухмоторный бомбардировщик. Самолёт валяется около нас. Экипаж убит. Все бойцы очень рады. Смотрят сейчас машину, качают Семинеева...»

Да как же тут не радоваться! Я тоже кричу направо и налево:

— Сбит самолёт из винтовки! Сбит самолёт!

«Что-нибудь натворил и Мачульский», — думаю. Но донесения от него пока нет. Куда поехать? Хочется и к самолёту и о зенитчиках узнать что-либо.

Подвернулась машина. Еду к Мачульскому. Всюду закопчённые медные гильзы, снаряды, разорванные на куски маскировочные сети. У орудий нет никого. Что за чудо?

Под одним из орудий нахожу окровавленного бойца. Живой, ранен в ногу, перевязан. Фамилия Гужва. Наводчик орудия.

— Где народ?

— Убежали к самолётам, — тихо отвечает наводчик.

Из небольшого перелеска выходят весёлые, возбуждённые и все чумазые от пороховой

копоты зенитчики. Они горячо обсуждают вопрос: какие же из батарей сбили самолёты?

— Идёмте, покажем вам нашу работу, — говорит Мачульский.

В километре друг от друга на земле догорают два фашистских бомбардировщика. Экипажи убиты.

— Кто сбил? — спрашиваю.

— Да разве разберёшься! — Мачульский разводит руками. — Запишите командиров орудий: Бражник, Павлов, Белоусов, Змейков; наводчики — Гужва, Кружно, Петрик, Степанов...

В дивизионе ранен один Гужва. А ведь это был поединок дивизиона с 32 вражескими самолётами!

Вечером на командном пункте появился тот, кому мы обязаны посещением вражеской эскадры.

Перед батальонным комиссаром Демажировым, под конвоем двух разведчиков, стоял со связанными назад руками пожилой худощавый человек в новой ослепительно белой льняной рубашке. Глаза его дико бегали по сторонам.

Разведчики поймали его за очень странным занятием во время авиационной атаки. В то время как все крестьяне укрылись от фашистов в лесах, этот «труженик», надев праздничную белую рубашку, выехал в поле. В километре от нашего командного пункта он пропахивал картошку.

Пропашку он начал ещё до появления вра-

жеских самолётов и с подозрительным бесстрашием продолжал её во время бомбёжки.

Как только кончился налёт, разведчики Корпейчук и Плахта, наблюдавшие за работой «пахаря», подбежали к нему.

— Дядька, ты чего не укрываешься? Разбомбить могут.

— Они, сыночки, всё равно целиться не умеют. А картошка-то не ждёт.

Разведчики, разглядывая картофельное поле, вдруг заметили: свежие борозды проложены не только вдоль картофельных гряд, но и поперёк их и наискось. Все они тянулись в сторону роши с командным пунктом, лучами шли и в направлении огневых позиций артиллеристов.

— Что это за борозды?

— Так у нас пропахивают.

Бойцы переглянулись. Подозрительное дело. Нужно доставить «пахаря» к командиру.

Но он и идти наотрез отказался. Пришлось применить силу.

И вот он стоит теперь перед нами — презренный шпион, продавший фашистам Родину.

Припёртый к стене, кулак Гончарук откровенно во всём признался. Работает агентом немецкой разведки четыре месяца. Специальность — «наводчик». Это он утром наводил фашистскую пятёрку. По его же целеуказаниям действовала и эскадра. Он работает уже несколько дней. Белая рубашка — условный опознавательный знак. Небольшой, 20-метровый,

рейс за сохой на виду у самолётов — направление на цель.

Наводчик фашистских самолётов расстрелян.

Расположение нашего лагеря точно известно врагу. Больше, чем сама бомбёжка, взволновал нас этот случай.

Командиры и политруки призывают бойцов к ещё большей бдительности. Галицкий отдаёт приказ:

— К утру нас здесь не должно быть!

Все готовятся к ночной перебазировке.

Солнце медленно ползёт к закату, разбрасывая золотистые лучи. Но нам сейчас не до восхищения небесным светилом. Оно мешает нам.

— Скорей бы за лес завалилось, — нетерпеливо говорят командиры.

Нам позарез нужна ночь. Она длится всего четыре часа, а мы должны к утру быть в 30 километрах отсюда.

Кончаю запись. Сейчас уезжаем. Поесть бы теперь хорошенько! Очень хочется есть. Но у нас нет продуктов. Уже двое суток, как мы все, бойцы и командиры, ничего не ели.

Но никто не жалуется, все заняты боем. На эту тему можно было бы очень длинно разглагольствовать в блокноте в назидание человечеству. Но трудновато, как говорится, «на желудок петь голодный».

2 июля

Всю ночь передвигались без огней, без шума, без разговоров.

Артиллерийские колонны пошли по грунто-

вым дорогам, чтобы меньше было грохота. При пересечении шоссе и железнодородных переездов орудия тихо перекатывались по разостланным красноармейцами шинелям.

После тщательной разведки района начальник штаба Подорванов вместе с командирами, делегатами связи, регулировщиками выбрасывается вперёд. К подходу колонн всё готово. Колонны прямо с марша, без малейшей задержки на дороге, занимают в лесу свои места. Строго продумана система охранения. Непосредственно с марша расставляются силы для круговой обороны.

Рассвет. Воздушные разведчики врага ещё не появлялись, а мы в утреннем тумане уже заканчиваем последние маскировочные приготовления. Нас ведь такая махина: много людей, машин, коней, орудий... И всё это, благодаря опыту истекших дней, вырастает в лес, сливается с ним быстро, незаметно, искусно.

Доносится гудение самолётов-разведчиков. Но пусть попробуют они сегодня что-нибудь заметить в лесу, — видны лишь деревья, пни да кусты. Казалось безвыходным положение с конями — они всегда и везде нас выдают. Но и тут нашлись изобретатели: часть лошадей загнали в овраг, часть выгнали без сёдел пасть на поле. Обещали же немцы в особых листовках «не бомбить скота на полях». В чём ином, а в этом им верим. Они же заботятся о собственной выгоде.

Только сейчас стало окончательно известно, что задумал командир на сегодня. У Галицкого

все мы о своём ближайшем будущем могли знать только одно: с минуты на минуту начнётся бой. Будь к нему готовым!

Что же касается привала, можно себя не обнадёживать. Будет подходящее время — будет и отдых. Пока рассчитывайте на худшее.

Сейчас Галицкий приказал сделать днёвку, дать возможность отдохнуть уставшим и изголодавшимся за двое суток бойцам. Он приказал во что бы то ни стало раздобыть продуктов у населения или в обозах у врага.

Итак, затишье... Но уже лучше его не было бы! Точно кто схватил тебя за горло. В глазах темно, тошнит. Снова подкатились гнетущие мысли о пище. Третьи сутки во рту никто не имеет ни крошки. Вчера разведчики достали три кринки молока. Его поделили между ранеными красноармейцами, в большинстве разведчиками. До чего хочется молока! Я выпил бы кринку, две, десять...

Далеко на юге в небо вырвалось пламя пожара. Что бы это значило? Никаких стычек, перестрелок... Опять какой-нибудь сигнал «наводчика». Не рубашкой, так огнём!..

Бойцы, посланные к месту пожара, вскоре вернулись оттуда с двумя полуголыми крестьянами — мужчиной и женщиной. Клочья истлевшей от огня одежды еле прикрывают израненные тела, покрытые ожогами, волдырями.

Крестьяне Перлов и Верова чудом спаслись от мучительной казни. Вот что рассказал Перлов.

В деревню Г. въехало на грузовиках свыше 300 фашистов. Они сразу же, как голодные собаки, бросились по домам, требуя хлеба, мяса, яиц. Грабежу подверглись все хаты. В доме Перлова и его соседей было спрятано двенадцать раненых красноармейцев. Фашисты их обнаружили. Бандиты хотели тут же прикончить бойцов, но затем начали ловить крестьян и загонять в эти дома. Потом снаружи подпёрли двери столбами, и офицер что-то скомандовал. Послышался треск разгоравшихся сучьев. Вспыхнуло пламя. Люди пытались выскочить через окна, но звери-фашисты открыли пулемётный и винтовочный огонь. Лишь немногие сумели выскочить из огня, уцелеть от пуль и пробиться сквозь немецкие посты.

— Вот, спаслись и мы, — тихо говорит Перлов. — Схоронились в овраге. Видели, как горела вся наша деревня со всеми людьми. Всё спалили, проклятые ироды!

Перед нами живые свидетели и жертвы средневековых злодеяний немецких извергов. Фашистские инквизиторы сожгли на костре свыше ста беззащитных людей, главным образом детей и женщин.

— Отомстить гадам! — раздался чей-то гневный голос.

— Сегодня деревню уже не спасти, а за местью дело не станет, — сдержанно ответил Галицкий. — Через час об этом узнает всё население округи. Оно будет вместе с нами мстить извергам.

Командиры слышали от Галицкого очень важные соображения о том, как дальше вести войну партизанскими методами. Крепко запомнилась основная мысль: успешная партизанская борьба с врагом даже для регулярной части немыслима без опоры на местное население.

И вот в окрестные деревни отправились специальные разведывательные группы, в состав которых, кроме разведчиков, были включены командиры, политработники, хозяйственники. Уже через несколько часов сказалась деятельность этих групп, особенно политических работников.

Ночью батальонный комиссар Корпьяк рассказал мне, что он со своей группой проник в дырявый сарайчик, приютившийся на одном из огородов деревни Н. В этой деревне были немцы. Корпьяк поманил рукой проходившего мимо мальчонку. Дело было сделано. Спустя некоторое время, в сарайчик приковыляли два старика. Они сообщили ценные сведения о неприятеле, а Корпьяк поведал им наши нужды. Так же действовали и другие разведывательные группы.

Не прошло и нескольких часов после их ухода, как на пункт связи посыпались донесения о задержании «подозрительных» лиц. Поражала одна деталь: все эти люди почему-то застревали в охраняющих подразделениях и не доставлялись на командный пункт для допроса.

Я попросил разрешения проехать по этим подразделениям, чтобы посмотреть на задержан-

ных. Вместе с майором Портновым прибыл в подразделение Галкина. Спрашиваю:

— Где арестованные?

Командиры почему-то мнутя.

— Вот... здесь они... задержанные...

В густом ельнике на лужайке передо мной открылась неожиданная картина. Окружённые большой группой бойцов, сидели крестьяне и крестьянки в белорусских костюмах. Шёл оживлённый разговор, во время которого бойцы то и дело прикладывались к кринкам и бутылкам с молоком, которые целыми батареями стояли на лужайке. В глаза мне бросилась пожилая крестьянка с энергичными чертами лица и крупными загорелыми руками, со сдёрнутым на плечо платком.

Агафья Степановна — мать бойца Красной Армии. Она услышала от надёжного человека в деревне, что красноармейцы в лесу нуждаются в пище, и тотчас же решила:

«Сквозь огонь и воду пройду, но дорогим сыночкам отнесу небогатый гостинец».

Агафья Степановна рассказала, как ей удалось обмануть немецкие патрули в деревне и пробраться к нам в лес. И вот она в окружении «своих сыночков» с «небогатым гостинцем»: кило сала, два кило масла и десять бутылок молока, — всё это было спрятано под одеждой предприимчивой красноармейской мамы, замечательной патриотки нашей Родины. Шесть остальных крестьян и крестьянок были односельчанами Агафьи Степановны,

которых она подговорила пробраться в лес с такими же гостинцами.

В подразделении тов. Горчакова застаю, кроме четырёх взрослых крестьян, целую ватагу загорелых, простоволосых и босых ребятишек. Все они принесли продукты. Ребята оказались очень осведомлёнными разведчиками. Нам было подробно доложено, сколько, по каким дорогам и с каким оружием прошло немецких войск.

Деду Куприяну — крестьянину деревни, в которой побывал Корпак, — удалось вывезти из-под носа немцев целый воз картошки; фашистскому часовому дед Куприян сказал, что едет на немецкий реквизиционный пункт, а сам, подвергаясь нешуточной опасности, свернул в лес, к нам.

Вернулись из глубоких рейдов и другие разведывательные группы. Каждая из них, кроме сведений о враге, принесла с собой запасы продуктов.

Сегодня прекрасный ужин: едим картошку и мясо с хлебом.

Крестьяне удовлетворённо наблюдают за нашим пиршеством. А я смотрю на деда Куприяна. Он сидит под елью, положив на колени крупные жилистые руки — могучие руки пахаря, и, глядя на него, я думаю: «Вот такой, верно, был русский былинный богатырь Микула Селянинович». Тысячи этих Селяниновичей отстаивали свою Родину в борьбе с иноземными завоевателями. Отстоят они её и теперь в Великой Отечественной войне.

3 июля

Дед Куприян расхаживает по нашему лагерю, опираясь на толстую суковатую дубину. Он привык к тому, что во дворе у него всё прибрано, ничего зря не валяется. И здесь он наводит чистоту: подбирает стреляные гильзы, коробки из-под патронов. По нахмуренным бровям его видно, что он что-то обмозговывает.

В батальоне связи, расположенном вблизи командного пункта, было десятка два принесённых крестьянами живых кур. Девать кур пока некуда, а чтобы не разбежались, их кто-то привязал за ноги к радиодвуколке.

— Курятник хороший имеете, а зачем же птицу бедную за ноги привязали? — возмутился Куприян.

— Это радио, а не курятник, — обиженно ответил ездовой красноармеец.

— Я знаю, радио... Только вот, если за ноги курей привязывать, они нестись перестанут. Тогда им хоть какое радио, с музыкой хочешь или с песнями, — всё равно не занесутся.

— Мы их держим не для яиц, а на обед, дедушка, резать будем, — отвечали красноармейцы.

— А, тогда дело другое, — успокоился дед.

Он подходит ко мне и, глядя на блокнот, куда я записываю несколько слов, говорит одобрительно:

— Пиши, пиши... Грамота — штука полезная!

Но я чувствую, что это только вступление к главной теме.

— Что-то я комиссара не вижу, товарища Корпяка! Очень он мне нужен... дозарезу. Обходительный человек. Сурьёзный.

Дед Куприян подружился с батальонным комиссаром при первом же знакомстве в деревенском сарайчике. Они как-то сразу прониклись взаимным уважением и доверием друг к другу.

— А в чём дело? — спрашиваю.

Дед мнётся, покашливает и вдруг торопливо уходит, заведя вдалеке товарища Корпяка. Отойдя в сторону, они о чём-то оживлённо говорят, — дед показывает рукой на восток. Видимо, затевается какое-то новое дело.

...Весь штаб с вечера не ложился спать, — готовится план дневного боя с фашистами: нужно пробиваться дальше, выходить из окружения.

В полночь около полевого столика командира появились из тьмы две чёрные человеческие фигуры. Лишь вблизи я узнал Корпяка и деда Куприяна.

Дед походил на сказочного водяного, только что вылезшего из своего омута. С косматой и непокрытой головы и с плеч свисали клочки мха и длинные водоросли. Насквозь мокрая полотняная рубаша и штаны плотно облегали его ещё довольно крепкое тело. На лице, обросшем негустой окладистой бородкой, даже в ночной темноте выделялись живые, с хитройцей глаза.

Корпяк — тоже мокрый до нитки, но и в

этом виде он не терял своего командирского облика. Вытянувшись, стоял он перед командиром и чётко докладывал ему о результатах разведки окрестных деревень.

— Где так вымокли?

— Пришлось в одном месте вести наблюдения из... пруда, — ответил комиссар.

Корпjak сообщил, что фашисты, спалившие вчера деревню Г., разгромили в соседней деревне винный магазин, перепились, и теперь многие из них спят беспробудно.

— Это очень кстати... В таком случае выступаем не на заре, а немедленно, — решил командир.

Над уснувшим лагерем пронеслась приглушённая, но энергичная команда:

— В ружьё!

Бойцы повскакали, поправляя оружие, противогазы, разыскивая наощупь товарищей по отделению... Через 15 минут после подъёма мы уже двигались под покровом ночи.

Марш-бросок на 7 километров. Командиры подразделений непрерывно, на ходу осведомляются о противнике. Разведчики подтверждают: три батальона мотострелкового полка расположились на ночлег в двух селениях вдоль шоссеной дороги — отдыхают после вчерашних «подвигов». В самом деле, легко ли перестрелять мирных крестьян, спалить деревню, выпить всю водку...

Подойти к этим деревням скрытно нам не позволяет чистое поле. По дороге снуют фашистские грузовики.

Наши подразделения развернулись на опушке леса. Здесь установили артиллерию.

Мне очень досадно, что я не смогу увидеть собственными глазами предстоящий бой. Стоим с машинами в густом лесу, вдали от подразделений. Галицкий с оперативной группой умчался на броневиках вперёд...

В лагере фашистов, застигнутых врасплох, раздались первые беспорядочные выстрелы из автоматов, взрывы гранат. Начали долбить, и наверняка прямой наводкой, наши батареи. Артиллерийских ответов противника пока не слышно. Это уже совсем замечательно...

Мне, артиллеристу, любо слушать этот весёлый гром.

Бой разгорается всё сильнее и сильнее. По затихающим разрывам наших снарядов определяю, что наша артиллерия переносит огонь в глубь расположения противника, — значит, отходят, гады.

Передо мной очевидцы боя. Они рассказали:

— Фашисты, разбуженные нашими снарядами, выскакивали на улицы, не успев надеть сапог. Так и вступили в бой — босые, обалдевшие, полусонные. Но у босых было то преимущество, что они могли быстрее удирать от наших бойцов. Удрали и шофёры на грузовиках, покинув на произвол судьбы пехоту...

Догоняя их, дед Куприян вместе с бойцами бежал впереди, размахивая своей дубинкой. Видели, как он молотил своим грозным «оружием» по голове одного фашиста, отставшего от своей

шайки потому, что в панике успел захватить только один сапог...

Фашисты бежали, оставив нам обоз и свыше 150 убитых и раненых. Мы потеряли не больше 30 человек.

Бой окончился на рассвете. Я видел радостные лица наших бойцов, возбуждённых, счастливых, что им удалось отомстить фашистам за их зверскую расправу над беззащитными крестьянами, за сожжённую деревню Г., за убитых женщин и детей.

Дед Куприян явился после боя с лопаткой в брезентовом чехле, на котором чернели немецкие инициалы владельца.

— Хорошая штука, острая, — сказал Куприян, проведя заскорузлыми пальцами по лезвию. — Картошку ею удобно копать.

Потом я видел Куприяна на улице деревни, очищенной от фашистов. Он стоял перед грудой сапёрных лопаток и никак не мог выбрать самую хорошую — все казались ему прекрасными. Наконец, он отыскал лопатку в кожаном добротном чехле и повесил её на пояс как почётное оружие.

...Хотя мы и основательно всыпали фашистам, однако к полудню они опомнились и стали обстреливать нас из орудий. Кое-где появились их небольшие танковые группы. Пришлось остановиться и занять оборону.

На одном из участков с утра находился батальон капитана Иванченко. Бывалый командир, с двумя орденами на груди, участник финской кампании. Прирождённый строевик. Всегда под-

тянутый. Всё на нём аккуратно пригнано — одежда, снаряжение. Бывало, во время сражения упадёт на землю, а встанет — и непременно отряхнётся, — на костюме ни одного грязного пятнышка. К подчинённым требователен, строг, зато и батальон его выходит с честью из любой переделки.

Так вот, этот батальон вдруг пропал: с двух часов дня о нём ни слуху, ни духу...

— Тула! Тула! — выкрикивал осипшим голосом телефонист, вызывая батальон Иванченко.

Молчание. Опять:

— Тула! Тула!

И вдруг «Тула» заговорила.

— Где же вы пропадали? Почему не отзывались?

Отвечал сам капитан Иванченко. Он говорил какими-то замысловатыми фразами.

— Пошли на базар, попали на ярмарку. Раскупили главный балаган, прицениваемся к остальным. Пусть помогут Бородин и Галкин. Адреса имеются.

Как только он назвал фамилии командиров артиллерийских частей, всё стало ясно: Иванченко попал в какую-то беду, и помогать ему должны Бородин и Галкин своим артиллерийским огнём по вражеским «балаганам».

Иванченко тут же сообщил координаты целей, по которым нужно готовить огонь.

Но что же всё-таки случилось с ним? Очень смелый и решительный, тактически грамотный, командир Иванченко ещё не освоился с новыми, партизанскими методами войны: налетел, раз-

бил — и скрывайся. Развивая успех какой-то стычки с фашистами, он начал их преследовать, увлёкся и очутился в 5 километрах от нас, в самом стане врага, в окружении моторизованной пехоты. По мере продвижения батальона продолжали разматывать телефонный провод, который вскоре перепутался с проводами фашистов...

Даже Галицкий ахнул, когда определил на карте местонахождение батальона.

— И он ещё ухитряется держать с нами связь, разведку вести, давать координаты! Вот Щуке есть чему позавидовать. Немедленно спасти Иванченко, а то его сотрут там в порошок. Кстати, с помощью Иванченко надо побольше напакостить фашистским мотополкам.

Командир артиллерийской части Бородин почувствовал, что сегодня его артиллеристам предстоит горячее дело. Бородин — любитель сосредоточенного группового огня, когда все батареи подчиняются только одному его голосу, только одной его воле, когда земля вздрагивает от оглушительных залпов и чёрные фонтаны поднимаются к небу сплошной стеной...

И вот началась канонада. Первый гром её раздался за два часа до наступления темноты, а в темноте Иванченко должен был уже вывести свой батальон.

Долго будут фашисты помнить эти два часа! Враг не находил места, чтобы укрыться от нашего артиллерийского огня. В течение восьми часов Иванченко вместе с приданной ему лёгкой батареей младшего лейтенанта Якушина си-

дел буквально в пасти врага. Телефонный провод переплетался с фашистскими проводами, но благодаря бдительной охране... немецких связистов ни разу не был порван — связь поддерживалась непрерывно. За день Иванченко и Якушин передали нам координаты десятков важнейших целей. А с открытием огня они просто корректировали его, следя за тем, чтобы самим не попало по макушке снарядами.

Но вот Иванченко условной ракетой подал нам сигнал: «Прекратите огонь. Начинаю действовать сам».

Наш огонь был немедленно прекращён, и тотчас же из темноты по тылам врага начали бить пушки, миномёты и пулемёты батальона Иванченко. Немцы поняли, что они попали в ловушку. Делать нечего — давай бог ноги!

Истребляя на пути фашистов, Иванченко со своим батальоном форсированно продвигался к нам. Через некоторое время мы слышали радостные крики его бойцов: «Ура! Да здравствует Сталин!» Батальон соединился с нами...

Оказывается, немцы в течение всего дня готовили ночное наступление, но Иванченко испортил им всю музыку. До последнего момента, как показали пленные, фашисты и не подозревали, что рядом находится наш батальон.

Иванченко вывел весь батальон, со всей материальной частью, да ещё вдобавок привёл 40 пленных, которые несли на палатках семерых наших раненых бойцов. Убитых в батальоне не было. Огнём же нашей артиллерии, по свидетельству пленных, убито и ранено свыше 400 фашистов.

Я спрашиваю Иванченко:

— Кто самый храбрый?

— Все до одного.

— Ну, а всё-таки?

— Вот старшина Драчук. У него и фамилия подходящая — дрался весь день без отдыха. Ещё с утра ранен в руку. Мог бы в госпиталь смотаться, а ушёл с нами. Герой!

Галицкий очень доволен боем и операцией, проведённой капитаном Иванченко.

— Объявите от меня благодарность батальону Иванченко, — приказал Галицкий начальнику штаба.

Я впервые слышу, что Галицкий объявляет благодарность. Значит, действительно сделано большое дело!

4 июля

Все тяготы походной жизни вместе с нами испытывают наши четвероногие боевые товарищи — кони и связные собаки. Кони отощали, они давно не видели овса, питаются подножной травой, да и той в иные дни не бывает. У многих коней потёрты плечи, и, чтобы уменьшить страдания животных, ездовые сооружают на хомутах подушки вокруг ран на плечах. Давно уже все командирские кони ходят в запряжках, а командиры ездят на потёртых орудийных конях.

Люди в боях сутками не спят, каждые пять минут сна здесь более драгоценны, чем два часа в мирное время. И всё же первая свободная

минута отдаётся прежде всего коню, боевому другу.

Как-то я спросил у командира Галкина:

— А какая-нибудь уборка коней у нас бывает?

— Обязательно бывает, каждодневно. Особых часов или минут никаких, конечно, нет, но бойцы сами находят время. Проверяем.

...Сегодня на рассвете я — в дивизионе тов. Попова. Давно у него не был, с тех пор, как он расстрелял своей батареей в упор 18 немецких танков, прорвавшихся на огневую позицию. Мы с ним тогда вместе ещё пальцами пересчитали эти гробы.

Теперь Попов командует уже не батареей, а дивизионом.

Ездовые забрались с передками в сторонку от дороги, в густой осинник. Человека три охраняли, человек тридцать спали. Но как спали? В обнимку с лошадьми. Бойцы говорят, что это для большей боевой готовности: вскочил по тревоге — и уже на коне, можно мчаться к орудиям. Некоторые откровенно признаются: ско-нём на земле спать теплее...

Ездовой Немов занимается стиркой. Он принёс в каске воды из болота, намочил свои грязные портянки и колотит их палкой на пенёчке, как вальком.

— Вот это добре! Ноги уж никогда не потрёшь, — говорю я бойцу, заинтересовавшись его работой.

— Это я не себе, лошади, — отвечает боец.

— Как, так лошади? — удивляюсь я. — Что она у тебя, в портянках ходит?

— Нет, на плечи, на подушки. Туда чистенькую надо.

— Тебе же самому портянки нужны.

— Самому можно походить и на босую ногу.

Некоторые бойцы на устройство подкладок, подушек для лошадей употребляли свои нижние рубашки.

...Из лесу пришёл, весь мокрый и грязный, с лопатой в руках и санитарной сумкой на боку, ветеринарный фельдшер.

— Ну, как? — спрашивает его командир отделения тяги.

— Готово. Вырыл. Весь дивизион напоить можно.

Вот это медик! Этот не будет отсиживаться, ждать, когда ему доложат о прибытии больного четвероногого пациента. Он сам первый идёт к больным, заботится о них. Забрал вот лопату и пошёл ночью искать источник для утреннего водопоя коней. Пока спали утомлённые за день бойцы, он вырыл близ болота прекрасный колодец для водопоя.

Командир отделения тяги разбудил бойцов:

— Поить коней!

Но передки в любой момент могут быть вызваны на батарею; поэтому на водопой коней отправляют по очереди, запряжками.

Все ездовые, используя минуты ожидания, прохаживаются конской щёткой по тощим и жилистым телам животных. Один боец, не забы-

вая о наставлении по уходу за конём, протирает тряпочкой глаза своему четвероногому другу. Он с ним о чём-то разговаривает... Приближаюсь. На ломаном русском языке боец-узбек говорит коню:

— Не скучай, Колорит! Видишь, никто не скучает. Сейчас воду пить будешь. Хорошую воду, сам твой доктор доставал. Овёс хочешь? Ай-ай-ай! Какой капризный! Потерпи немного — немцев поколотим, овса тебе дам много-много!..

— Товарищ, как ваша фамилия? — спрашиваю.

— Красноармеец Гуссейнов!

Тут я замечаю, что в руках у Гуссейнова вовсе не тряпочка, а носовой платок.

— Что же, вместе пользуетесь?

— Нет, я ему совсем подарил. А мне одна девушка обещала двадцать четыре штуки прислать...

С дороги к нам свернуло в полной запряжке орудие. Вёл его командир огневого взвода Самсонов. Люди возбуждены и чем-то очень довольны, хотя вид у них такой, точно они только что вышли из атаки. Чёрные от пыли и копоти лица с бурыми полосками на висках — следы пота. Гимнастёрки, ставшие вместо зелёных серыми, насквозь мокры, прилипли к телам бойцов.

— А, кочевники! Как дела? — обрадованно встретили мы прибывших.

Они стали рассказывать.

Орудие в прошлую ночь получило приказа-

ние быть «кочующим», т. е. переезжать с одного места на другое и изображать собой действующую батарею.

Зачем это надо? Став на огневую позицию, орудие даёт несколько выстрелов. «Есть батарея», — немедленно запишут звукометрические станции немцев и отметят на карте.

«Нет батареи!» — скажет Самсонов, покидая через пять-десять минут огневую позицию.

Орудие скачет на километр в сторону и проделывает там ту же операцию. Иногда по этому орудью противник даёт несколько выстрелов, но, как правило, безрезультатно.

— Сейчас у противника числится на карте девять наших «батарей». Вот смотрите, какой им погром на заре устроят немцы, — улыбаясь, говорит грубоватым голосом Самсонов.

На всех точках, где побывало орудие, огневой расчёт занимался, кроме того, ещё одним делом — «очковтирательством», как говорят бойцы: нарубались кусты и делалась ложная маскировка огневых позиций батарей.

Это — для авиации, которая «обнаружит» наши «батарей» и этим подтвердит данные звукометрических станций.

— Ну, а пока там немцы будут громить наши «батарей», мы здесь коней попоим, помоемся, оружие почистим, — сказал Самсонов.

Мне не терпится — скорей бы попасть на какой-нибудь из наблюдательных пунктов, чтобы полюбоваться этим занимательным зрелищем: разгромом немцами несуществующих батарей.

...Прибыл на командный пункт майора Бородин. Устраиваюсь в блиндаже, у стереотрубы. Замечательный обзор местности!

Обстановка такая:

Мы заняли оборону. Линия её проходит по оврагу, заросшему густым ивняком. На флангах — лиственный лес с почти непроходимыми болотами.

На данном участке тактическая обстановка не давала повода для жалоб, но в целом обстановка была для нас неблагоприятной. Продвигаясь на восток к фронту на соединение с основными частями Красной Армии, мы безболезненно ускользали от численно превосходящего нас противника, идущего с запада. Но уже вчера мы имели бой с вражескими частями на юге. Разведка встретила с фашистами на севере. Сегодня встречен артиллерийский заслон на востоке.

Кольцо окружения сжимается всё сильнее. Не пробьёшься — не выйдешь...

Генерал-майор Галицкий решает: прежде чем пробивать в лоб этот заслон или прорываться из кольца в ту или иную сторону, выявить огневые средства противника и систему его огня. Где слабее, туда и удар; где тонко, там и прорвать.

Снарядов осталось у нас считанное количество. Они нужны для последнего и решительного боя. А нащупывать, выявлять противника снарядами — большая роскошь.

Ещё и ещё раз на помощь приходят инициатива, военная хитрость и сётка советских людей.

Ложные батареи, «кочующие» орудия и ещё целый арсенал других средств, вводящих противника в заблуждение, пушены в ход.

...По «батареям» немцы дали первые залпы. Одновременно с огнём вражеской артиллерии в небе появился их самолёт-корректировщик. «Недолёты», «перелёты», «прямые попадания» и пр. — всё это цифрами, кодом передаёт по радио корректировщик своим батареям.

Огненным шквалом противник пытается уничтожить наши «батареи», обрушивая на них всё новые и новые тонны снарядов.

Вот уже два часа мы сидим в блиндажах, а яростная артиллерийская стрельба неприятеля не умолкает.

— А ну, ещё немного поддайте! — шутит Бородин, уже составивший себе отличное представление о расположении и системе огня противника.

Бородин готов хоть сейчас обрушиться огнём своих настоящих батарей и дивизионов на фашистскую артиллерию.

— Ничего, пусть поизрасходуется, — говорит он.

А немцы неистовствовали: «Что за чертовщина! Бьём два часа, а все девять батарей продолжают отстреливаться, да ещё появились новые!»

Дело в том, что в районе ложных огневых позиций в это время разъезжали ещё три «кочующих» орудия, которые умели и отлично укрываться и бить по немцам с новых или старых позиций.

Всё реже и реже огонь фашистской артиллерии, — поизрасходовались! Пехоту свою они совсем не пустили в ход, видимо, надеясь истребить нас одной артиллерией.

Наконец, перестрелка совсем прекратилась. На поле боя наступил огневой штиль. Стороны осмысливают положение. В такое время самое лучшее — быть на командном пункте у Галицкого, чтобы представить себе, что же будет дальше.

Галицкий решает использовать всю вторую половину дня на то, чтобы пробить заслон и продвинуться дальше.

Его командный пункт расположился на живописном месте — в густых дубовых зарослях старинного кладбища. Вооружившись биноклем, я залёг вблизи командира за одной из могил, как за бруствером. Впереди обозревалась местность, на которой происходила артиллерийская перепалка.

Удобнее всех в кладбищенской обстановке устроился начальник связи капитан Сосекин — «начальник полевой нервной системы», как дружески зовёт его майор Щука. Это — высокий человек с сухощавым лицом и быстрыми, пытливыми глазами. Он непрерывно двигался по кладбищу, что-то разыскивая, что-то комбинируя. Свой узел связи он разместил внутри могильной ограды: под распутившейся пышной сиренью — телефонные аппараты, а на чёрном мраморном памятнике трёхметровой высоты — коммутатор.

Мне тоже удобно: я пишу, положив блокнот на могильную плиту, как на письменный стол.

Начальник артиллерии Добронравов приказал полкам начать артиллерийскую подготовку. Забухали батареи. Противник отвечает. Бой становится ожесточённой. Над головой снова вражеский самолёт-корректировщик. Впереди уже не отдельные грязные вулканы разрывов, а сплошная завеса из дыма, земли и осколков.

— Жидок наш огонь. В чём дело? — недовольно бросает генерал в сторону начальника артиллерии.

— Заканчиваем подготовку налёта всей артиллерийской группой, товарищ генерал-майор.

— Пока вы закончите, от вас ничего не останется. Торопитесь!

Точно в подтверждение этих слов, раздаётся страшный взрыв тяжёлого снаряда. Нас обдало землёй. От пыли ничего не видно вокруг. На зубах скрипит земля...

Второй взрыв... Правая нога моя проваливается в яму, образовавшуюся там, где только что была могила.

«Одной ногой стою в могиле», — невольно подумал я.

Третий взрыв... Я проваливаюсь в воронку...

«Двумя ногами в могиле»...

Вверху рвутся снаряды, а я в полной безопасности, на дне глубокой воронки. Вокруг бранные остатки истлевших предков. Оказывается, и могила может спасти от смерти...

Генерал на все корки разносит тех, кто плохо замаскировал командный пункт. Он не скупится на злые слова и энергичные выражения.

— А связь? Связь уцелела? — спрашивает он у капитана Сосекина.

— Связь в порядке, товарищ генерал-майор! — рапортует «начальник нервной системы».

Это сейчас самое главное. Вся артиллерия была наготове для группового налёта по противнику. В дивизионы и батареи подана единая команда:

«Огонь!»

Этот огонь был таким дружным и метким, что уже через несколько минут умолкла половина вражеских батарей. Кто-то запустил по самолёту десяток «журавлей», — так называют высокие разрывы шрапнели, — и корректировщик, вынужденный летать на небольшой высоте, покинул поле боя, а за ним убрались и фашистские батареи.

Артиллерийский заслон врага был сбит и уничтожен. Мы продвинулись на 16 километров восточнее. Наша берёт!

Уж на что скуп на похвалы наш генерал, но и он, разговаривая по телефону с Бородиным и Галкиным, сказал:

— Задержку с огнём не прощаю. Но сама стрельба была приятной.

И это прозвучало как похвала.

Капитану Сосекину генерал-майор объявил благодарность за непрерывную, отлично действовавшую в течение всего боя связь. Сосекин весь светится от радости.

— Ну, как помог памятник? — спрашиваю я «начальника нервной системы».

— Изумительно! Не будь его, осколками разбило бы мне всю аппаратуру.

...Очень натрудил ногу. Уже не могу держать её на весу. Приливает кровь к ране. Нет, это не кровь, а огонь... Нет сил удержаться от стога. Лихорадит. Кружится голова, тошнит. Еле дописываю строчки.

Поехал на перевязку в районную больницу. Большое село, только что отбитое у фашистов. Весь медицинский персонал в своё время эвакуировался, остались лишь доктор Х. и операционная сестра Соня.

— А вы почему не ушли? — спрашиваю доктора.

— Нельзя, надо работать.

— На немцев?

Доктор, склонившись к моему уху, шепчет:

— На вас... на красноармейцев...

После первых дней войны в эту больницу привезли 18 раненых красноармейцев. Когда в село вошли фашистские разведчики, красноармейцев в больнице уже не было: доктор и сестра ночью с помощью крестьян перетащили двенадцать человек в лес, к лесничему. Остальных шестерых разместили по сарайчикам в селе. Пять дней фашисты находились в селе. Все эти дни доктор и Соня обходили раненых и тайком оказывали им медицинскую помощь, приносили им пищу.

С нашим приходом раненые снова только что были перенесены из сарайчиков.

После перевязки я вошёл в одну из палат.

— Ура! Командир! — раздались радостные голоса.

Больные, забинтованные люди пытаются подняться с коек. Это красноармейцы, — правда, не нашей части. Меня засыпали вопросами. Все в один голос:

— Наградить нужно доктора и сестру. Они одни остались с нами и спасают от немцев.

Растроганные, они с благодарностью смотрели на доктора Х. и сестру Соню, которые стали для них самыми близкими, самыми дорогими людьми.

5 июля

На командном пункте кипит горячая работа. Берёзовая густая роща, где расположился штаб, проглатывает десятки подъезжающих мотоциклов, автомобилей, броневинов.

Завтра прорыв. Галицкий то и дело подходит к телефону, коротко отдаёт спокойные и чёткие, как всегда, приказания. Генерал исключительно требователен к штабным командирам.

— Я вас спрашиваю, — обращается он резким тоном к коменданту штаба: — что это, по вашему, командный пункт или табор какой-нибудь? Никуда не годная маскировка!

...Восходящее солнце бросает свои первые золотые лучи на обрывки облаков, застрявших на небосводе. Солнце обласкало верхушки берёз нашей рощи и подбирается теперь к земле, чтобы снять с неё легкий покров предутреннего тумана.

Я знаю любовь Галицкого к природе. Он не чужд и лирических переживаний, но не этим сейчас занят генерал. «Разведка, разведка и разведка», — беспрерывно повторяет он.

— Шукинцы прибыли? — спрашивает Галицкий начальника штаба.

Из-за кустов появляется майор Шука.

— Прибыли, товарищ генерал-майор, но ещё не все. Доложу через десять-пятнадцать минут.

Шука возвращается к себе в разведывательный батальон. Иду вместе с ним.

По дороге он сокрушённо говорит:

— Языка бы, самое главное! Эти не достали. Вся надежда на Кашеева.

Надежды Шуки вполне оправдались: на встречу нам бежал сам Кашеев с докладом о результатах разведки противника истекшей ночью.

— А язык? — нетерпеливо перебивает его Шука.

— Достали языка. Только он, товарищ майор, — виновато добавляет Кашеев, — немой...

— Что ещё за новость? Откусил язык, что ли? Давайте его сюда!

Два конвоира приводят немца-ефрейтора. Молодой, лет восемнадцати, с грязным лицом. Глаза потуплены в землю. Чёрный костюм танкиста: похожая на лыжную куртка, брюки на выпуск, грубые ботинки. В чёрных петлицах знакомая нам эмблема танковых войск — белый череп над скрещёнными костями.

— Какой части? — спрашивает Шука через переводчика.

Пленный мотает головой, показывает на язык, на голову.

— Ага! Знаем.

Тот же вопрос задаётся пленному на бумаге. Опять мотает головой.

— Вот жулик! Что он, неграмотен, что ли?

Нет, пленный Отто Гаук грамотен. Это видно из документов, среди которых целый ворох его собственноручных писем своим родным и знакомым.

Я вижу, Шука что-то соображает. Он разложил открытки и какие-то фотокарточки перед пленным, который при этом заметно заволновался.

— Напишите ему: желает ли он что-нибудь сообщить своим родным?

Перед пленным появился лист бумаги, на котором был написан этот вопрос.

Гаук прочёл вопрос и вдруг радостно закивал головой и стал шарить в карманах в поисках ручки.

Шука привскочил, угрожающий, обозлённый. И только здесь ефрейтор Гаук понял, как он глупо попался...

...Пленный рассказал, что на юге от нас по шоссе и железной дорогам расположены отдельными кордонами немецкая пехота, артиллерия. Между ними патрулируют танки. Это и есть окружение, обозначенное на немецкой листовке и схеме чёрной жирной линией.

— Мы думали, — говорит пленный, — что

за вчерашний день вас совсем разбила наша артиллерия. Мы в танках стояли на отдыхе, были совсем спокойны. Спали в машинах с открытыми люками. Вот ваши и взяли меня.

Пробую представить себе, как это было. Мне помогает в этом сидящий неподалёку сам виновник события — здоровенный, с простым широким лицом и громадными руками разведчик Крутко.

— Взял его левой рукой за волосы, а правой за горло, да и вытащил из башни.

Подоспела и другая разведка — глубокая, ходившая на 15 — 20 километров в тыл врага.

На командном пункте вдруг появился дед Куприян. Целые сутки старик пропадал где-то.

Деда обступили — и Щука, и начальник связи Сосекин, и начальник штаба Подорванов. Все отлично знали: пропадал дед не зря, наверняка «наудил» много ценного о противнике.

Но Куприян — знай своё:

— А где товарищ комиссар?

Корпьяк, услышав о приходе Куприяна, немедленно выскочил из машины, где он что-то писал.

— Сюда, дедушка, скорее. Сейчас генералу обо всём доложишь.

— Так уж прямо и генералу? Да мы с тобой наговоримся. Ты же меня посылал...

— Нет, дедушка, он с тобой сам поговорить хочет и познакомиться поближе.

— Поближе? Ну, тогда погоди.

Дед Куприян сбросил с плеча небольшой, чем-то туго набитый мешок — с продуктами,

очевидно. Затем он поднял вверх свою длинную, свисавшую до колен холщовую рубаху и стал снимать с голого живота красноармейский ремень. На ремне у него висела найденная дня два тому назад сапёрная лопатка, с которой он теперь не расставался ни на час и носил под рубахой, — «чтобы немцы не отобрали».

Старик быстро опоясался поверх рубахи, торопливо расправил складки. Лопатку он фассонно передвинул поближе к пряжке и похлопал по чехлу ладонью. Наконец, поплевав на руки, он пригладил свои седые взлохмаченные волосы.

— Вот теперь совсем по форме, — шутливо сказал Корпак.

— Сам знаю, по форме. На третьей войне, чай... Ну, докладдай генералу, что я его жду...

— А мы прямо сразу.

Навстречу деду из-за полевого столика поднялся одетый в полную генеральскую форму и в каске генерал-майор Галицкий.

Видимо, по старой солдатской привычке, дед сразу вытянулся и замер на месте.

— Здравствуйте, дедушка Куприян! — громко приветствовал его генерал-майор.

— Здравия желаю, ваше высокое превос...

Взрыв хохота окружающих командиров не дал деду закончить приветствие.

Генерал улыбнулся, ободряюще похлопал старика по плечу и пожал ему руку.

— Ничего, дедушка, дисциплину хорошо знаешь.

— Обговорился малость, товарищ коман-

дир, — тихо произнёс пришедший в себя дед Куприян.

— Ну, а теперь расскажи, где что видел, слышал? — спросил генерал, приглашая присесть на подножку машины.

Они уселись рядом, близко друг к другу, и я никогда не забуду этой живописной картины.

Они вели деловой военный разговор — генерал-майор Красной Армии Галицкий и белорусский крестьянин дед Куприян.

Дед побывал везде, «куда велел зайти товарищ комиссар». Он посетил несколько деревень, осмотрел участки дорог; везде у него по старой дружбе находились свои люди, готовые для Красной Армии сделать всё, что угодно.

Дед Куприян незаметно для самого себя сделался своеобразным командиром разведки. Придя в деревню и отыскав двух-трёх своих «корешков», он направлял их в соседние деревни «разузнать всё на свете о немцах». Те в свою очередь посылали ещё кого-нибудь в деревни дальше. Таким образом, разведкой с помощью населения охватывался сразу целый район.

— Ещё бы денька два, мы бы тогда всю Белорусь знали, — сказал дед.

Галицкий развернул топографическую карту:

— Где же ваша Болотня? У меня такой деревни нет на карте.

Дед Куприян искося посмотрел на непонятный для него зелёный лист.

— Карта, она, конечно, бумага. Всё на ней не улепится, особливо деревня большая. А в Болотне, в ней, почитай, дворов за сто будет. Да вон же она, вдоль лощины как раз. Даже отсюда видно! Колодезь новый весной поставили.

Болотня найдена генералом на карте под названием Торфянки. Торф — болото. Есть связь, и догадывайся.

Генерал вслушивался в каждое слово Куприяна. Сведения о противнике, принесённые им, были очень ценны.

— Ну, дедушка, за всё большое спасибо, — поднимаясь, сказал генерал. — А теперь тебя покормить хорошенько надо.

— А я сыт. Покорнейше благодарим. Я голодный не бываю. Я — как? Пришёл в избу, сел. Бабы тебе тут всякое снадобие выложат. Ешь — не хочу. Ну, наемся, а уж потом разведку набодить начну. Скажу по совести, там уже больше и делать нечего: пока ем, бабы всё расскажут, старики заходят. Я-то у них вроде бригадира обозначаюсь.

Куприян прошёл солдатом японскую и германскую войны, кстати и в разведках бывал. В боях с немцами был ранен осколком в плечо. Неграмотный, безродный. Имеет свою избёнку. Работал конюхом в колхозе, откуда прихватил оставшуюся там лошадёнку и привёз нам воз картошки.

В первый день дед Куприян собирался только проводить нас до соседней деревни. А вот

уже четыре дня, как он с нами не расстаётся. Ходит в разведку.

Чую я, что старик этот будет скоро не разведчиком-бригадиром, а партизаном-командиром.

...Пришли на пункт спасшиеся от фашистской расправы Перлов и Верова. Их раны от ожогов аккуратно перевязаны, на них крепкая одежда. Этих крестьян мы послали найти какую-нибудь больницу, сделать там перевязку и, если возможно, лечь на несколько дней. Они не только позаботились о себе, но разузнали многое о немцах и с этими сведениями вернулись теперь к нам.

...12 часов дня. Не спим уже двое суток. Галицкий приказал командному пункту по тревоге сниматься и переезжать перекатами, пошелонно на новое место. Части, однако, остаются на прежних местах.

— Что случилось? — спрашиваю у начальника штаба.

Полчаса назад пролетел разведчик и засёк наш командный пункт, а вымпел с координатами, сброшенный им для своих войск, отнесло ветром к нашему переднему краю обороны. Вот всё и выяснилось. А пока самолёт не появился вторично — меняем пункты.

Ближе всего в этот момент ко мне находилась машина делегата связи одной из соседних частей. В ней сидели три незнакомых мне командира, которые согласились подвезти меня на новый командный пункт. Ехать всего 4 километра глубоким лесом. Но мы уже движемся

около часа, никакого пункта не видим. Впереди и сзади ни одной машины, ни одного человека. Остановились. Карта есть, но ориентироваться невозможно. Давно уже съехали с основной лесной дороги на какую-то тропинку, никак не обозначенную на карте.

Несколько раз вылезаем, осматриваемся. Командиры ходят кругом машины, но не могут разобраться в обстановке. Едем дальше, тратим драгоценное горючее. Видимо, окончательно запутались. Так исколесили уже около 30 километров. Бензина осталось всего на 2 — 3 километра.

Командиры принимают решение искать командный пункт или дорогу к нему пешком.

Снова выходят из машины. Один из них почему-то утверждает, что мы давным-давно в расположении противника и что надо поскорее уходить отсюда, пока машина не привлекла внимания немцев.

— А как же с товарищем? — спрашивает другой, кивая в мою сторону.

— Вы все идите, ищите, а я останусь и буду вас ждать. Пройти же я могу самое большее сто метров.

Кто-то предложил нести меня на руках, но я упорно возражаю: долго нести утомительно, а кроме того, если все отойдём, непременно потеряем машину. Наконец, я твёрдо предложил командирам не терять из-за меня драгоценного времени, немедленно идти на поиски своих войск, а затем найти и меня. Кое-как согласились.

Возможно, что мы действительно на территории расположения неприятеля, может быть, друг друга никогда уже не увидим. Распрощались.

...3 часа дня. Сажу в машине. Двигаться не могу. Занялся дневником, это приносит какое-то моральное удовлетворение.

Прошёл час. Нигде никого не слышно. Только лес шумит приглушённо, да изредка раздаётся грустное воркованье горлинки.

Что же делать дальше? Машина может привлечь внимание каких-нибудь бродячих немецких разведчиков. Надо из неё убраться и залечь невдалеке.

При мне пистолет и пара гранат, но в машине находится ещё гранат десять. Я связываю их одной верёвкой и вешаю на себя. Вместе с шинелью и противогазом всего сразу не перетащить. За два рейса переволок я всё это хозяйство на 30 метров в кусты погуще.

Разостлав шинель и зарядив капсулями все до одной гранаты, я стал наблюдать за машиной.

Со времени ухода командиров прошло уже пять часов, а вокруг никаких признаков жизни. С каждым часом всё тяжелее. Гнетёт одиночество. Очень досадно. Столько дней дрались... Наверняка завтра прорыв, а я в самый канун решающих событий попал в такую дурацкую историю...

— Но что же делать? — с нарастающей тревогой спрашиваю себя. — Эх, кабы не нога, наверняка выбрался бы.

Самое главное — не уснуть, быть готовым к защите. Ну, а если это будет длиться не только сегодня, но и завтра и послезавтра? Всё равно ведь усну, а в это время как раз и прикончат.

Долой дикие, трусливые мысли!

Проверяю капсюли у гранат. Всё в порядке. Это радует, — дешево не дамся.

Начинает смеркаться. Я придумал. Может быть, это и глупо, но ползу к машине. Даю несколько сигналов гудком и отползаю скорее в своё убежище. Может быть, меня ищут в это время, вот и услышат.

Но могут же услышать и немцы?!

Нет, всё-таки очень тяжело...

...Я спал и вдруг страшно испугался — неистово ревела машина. В первый момент я обалдел, ничего не вижу. Но сквозь густые сумерки всё-таки рассмотрел группу наших бойцов у «эмки».

— Ребята! — закричал я, и ко мне подбежало несколько человек.

...Галицкий организовал поиски машины. Он опять спасает меня. Найдены и три командира с шофёром. Завтра прорыв. И я снова со своей частью.

6 июля

Сегодня — прорыв... Во что бы то ни стало мы должны вырваться из фашистской петли. Мы должны разорвать кольцо смерти или погибнуть — другого выхода у нас нет...

Немцы снова сбросили листовки: «ваше положение окончательно безнадёжно», «вас окружает наша броневая и огневая стена», «сдавайтесь в плен».

— Старая песня! Смените пластинку! — смеются бойцы, разрывая в клочья фашистские бумажки.

Я брожу по лагерю, вглядываюсь в людей, стараюсь проникнуть в их сердца. Обветренные, закопчённые, заросшие лица. Сказываются многодневные утомительные бои, недосыпание, голодовки, нависшая над нами угроза истребления... Мы оторваны от своего, советского мира... Что там? К некоторым бойцам подкрадывается усталость. Кое-кто начинает хандрить...

Под деревом, затаившись от всех, ведут скрытный разговор двое.

— Пройдём? — спрашивает рыжебородый заросший боец.

— Не пройдем.. Убьют, — мрачно отвечает маленький веснушчатый.

Малодушные (нашлись и такие) собираются по двое, по трое, — им кажется, что маленькими группами легче пробиться, чем всей частью.

Нужно действовать решительно, немедленно. По всем подразделениям проходят партийно-комсомольские «летучки».

С винтовками, автоматами, гранатами на поясах собираются в лесу коммунисты и комсомольцы. Молча, быстро занимают свои места вокруг командного пункта, маскируясь в

воронках от снарядов и бомб, в щелях, в кустах. Вот они, те самые люди, которые беззаветно выполняют все приказы командования, первыми идут в атаки, увлекая за собой остальных. Лучшие из лучших. За Родину, за партию, за Сталина отдают они свою кровь...

Я оглядываю сидящих. Многих не досчитываюсь. Нет большевика капитана Журавлёва. Тяжело раненный в одном из первых боёв, когда своим дивизионом он уничтожил 50 танков, Журавлёв находится в госпитале. Нет жизнерадостного талантливого наводчика комсомольца Галкина. Он героически пал в сражении, расстреляв из своего орудия 7 фашистских танков...

Говорит батальонный комиссар Корпьяк:

— Некоторые из ослабевших бойцов начинают хандрить. Хандра — поганое дело даже в мирной обстановке. Хандра на войне — страшный яд... Её надо уничтожить, и это должны сделать мы, коммунисты и комсомольцы. Сегодня особый день. В сегодняшнем бою мы сдаём экзамен на право жить и на право называться большевиками, комсомольцами, — продолжает Корпьяк. — Всё у нас в руках: и сведения разведки, и автоматы, и снаряды, и живые советские люди. Помножить всё это на героизм, — и мы разрубим кольцо окружения. Так и передайте всем красноармейцам.

Коммунисты и комсомольцы расходятся с «летучки», спешат в подразделение, чтобы последние минуты провести среди бойцов, приготовить их к встрече с врагом...

Из соседней деревни пришли крестьяне, общили:

— У нас появился чужой.

«Чужой» был немедленно доставлен в штаб, — он оказался красноармейцем нашей части. Три дня назад Крякин покинул свою часть, ушёл в деревню и переоделся там в крестьянскую одежду. Он выжидал, что будет дальше с нами: «Если пробьются — и я тут, как тут, гимнастёрка и брюки наготове. Погибнут — тогда я к немцам».

Весть о том, что Крякин позорно сбежал и теперь пойман, мгновенно облетела всю часть. Взволнованные бойцы обступили дезертира, выглядевшего оборванцем. Глаза их горели ненавистью.

— Раздавить эту гниду! — гневно сказал боец с забинтованной головой, сжимая кулаки.

— Опозорил всю нашу часть! — с яростью отозвался другой.

Крякин тупо смотрел в землю, пряча лицо своё от тех, кого он решился предать.

И вот презренный трус стоит перед трибуналом. Ноги его дрожат, голос дрожит...

— Ну и подлец! — выкрикнул маленький веснушчатый красноармеец...

Всего лишь два часа назад он прикидывал с товарищем, не лучше ли прорваться вдвоём. Сейчас это был воин, суровый, полный той чистой, внутренней страсти, которая отличает наших людей.

Приговор трибунала краток и беспощаден.

...Болит раненая нога. Чтобы накопить сил

для предстоящего боя, я стараюсь хоть немного уснуть в машине. Просыпаюсь от лязга оружия и громкой команды:

— Зарядить! Откинуть приклад! Согнуть приклад!

«Начался бой... Сейчас будет команда «огонь», — соображаю я спросонья и вскакиваю с сиденья командирской машины, которая служит мне спальней. Открываю дверцу, оглядываюсь — всё спокойно. Возле машины сидят человек двадцать с немецкими автоматами в руках, а батальонный комиссар Корпьяк демонстрирует перед ними, как нужно обращаться с фашистским автоматом.

Неугомонный комиссар Корпьяк! Он всё время в движении, в работе: то проводит беседу, то в разведке, а теперь вот решил заделаться инструктором-оружейником.

Я не могу не улыбнуться, глядя на Корпьяка, особенно когда он к своим командам «зарядить», «разрядить» неизменно прибавляет:

— Осторожнее обращайтесь с оружием! Оно стреляет даже не заряженное.

Причина этой «сверхосторожности» кроется в следующем. За пять дней до войны Корпьяк чистил пистолет. Браунинг был «не заряжен», и вдруг — выстрел, пуля пробила Корпьяку середину ладони правой руки называет. Так, с забинтованной рукой, Корпьяк и прибыл на фронт. Рана хорошо затягивается, батальонный комиссар прекрасно воюет. Он раньше всех овладел техникой стрельбы из немецкого

автомата, изучил его устройство и теперь передаёт свои знания другим.

Ловко — одной рукой — он заряжает и разряжает автомат, складывает и откидывает приклад. «Ученики» повторяют его приёмы с особым старанием.

Кстати, все мы стремимся обзавестись немецкими автоматами, потому что к ним легче достать патроны, — свои на исходе, а немецкие заполучить нетрудно: налетел на фашистскую колонну, навёл панику там — и подбирай оружие.

...3 часа дня. На берегу заросшего осокой болота, под усиленной охраной, Галицкий проводит командирскую «летучку». Генерал стоит над развёрнутой картой, излагает план прорыва.

— Итак, прорываемся на юг. Возможны два варианта. Первый: идём через шоссе и железную дорогу, всей частью взламываем немецкое окружение в одном месте. Второй вариант: разбиться на три отряда и атаковать врага на тех же дорогах одновременно в трёх пунктах.

Галицкий предлагает командирам высказать своё мнение. Все за второй вариант. Генерал принял решение. У него уже заготовлен план разделения на отряды, и он тут же оглашает их состав и имена командиров.

Всем понятно, что дивизия попала в тяжёлую обстановку, она находится в полном окружении. Но у этих людей — командиров, комиссаров — не опускаются руки. Всю силу ума,

воли они направляют на то, чтобы найти выход из создавшегося положения. Ясное понимание создавшейся обстановки, сплочённость всех бойцов, командиров, политработников вокруг знамени Ленина — Сталина, верность военной присяге — всё это обеспечивало нам успех.

Над лагерем спускается пасмурная ночь. Такая ночь нам на руку. Бесшумно, словно на цыпочках, части оставляют линию обороны и в полной тишине движутся по густому лесу. Нам нужно продвинуться на 4 километра на запад, а потом внезапным ударом прорвать кольцо окружения. Это не значит, что мы уже будем в полной безопасности. Нет, мы лишь прорвём кольцо внутреннего окружения, но будем ещё оставаться на территории, захваченной фашистами. Следующая задача — соединение с Красной Армией.

...Отряды продвигаются вперёд тремя колоннами. Я в среднем отряде, которым командует сам Галицкий. Машины с места отправлены другим путём, а меня посадили на коня.

Конь то и дело проваливается по брюхо в болото и с трудом выскакивает наёмом из трясины. Я доверился его чутью. Темень такая, что не видно ничего в десяти шагах. Только бы скорей, до рассвета, выбраться из леса и этих топей к дороге! Разведка торопит: пока всё спокойно — скорей!

Мы уже в 500 метрах от шоссе, по сторонам которого расположились немецкие пехотно-артиллерийские кордоны. По самой дороге патру-

лируют танки и сплошным потоком движутся машины с пехотой и грузами. Прямо за шоссе — дорогой и параллельно ей тянется железнодорожное полотно. Мы должны пересечь эти дороги стремительным броском.

В час ночи левый отряд подполковника Украинского наносит первый удар фашистам на шоссе. Точно молнией, озарилось небо от артиллерийских вспышек, и вслед за этим ночную тишину разорвали залпы наших миномётов и орудий кинжального действия.

Левому отряду откликнулся правый, подполковника Пасюкова, артиллерийской канонадой и трелью пулемётов. Наш отряд рванулся вперёд и достиг дороги.

Мы вступили в бой. Забрасываем фашистов гранатами, ведём яростный огонь из автоматов и пулемётов. Во всех трёх пунктах немцы застигнуты нами врасплох. Их охранение проворонило наше приближение. Однако, зная своё численное превосходство над нами, фашисты начали бешено отбиваться.

Но в ночное время немцы — плохие вояки. Их неприцельный артиллерийский огонь с дороги не приносил нам никакого урона. Пехота же, отстреливаясь, стала откатываться вправо и влево по дороге.

Мы устремились на дорогу. Гремит красноармейское «ура». На дороге кромешный ад... Наши гранаты зажгли немецкие грузовики с горючим и боеприпасами. Начали с грохотом рваться патроны и снаряды. Вражеские танки, открывшие сначала безалаберный огонь по

тёмному лесу, вдруг заметили бушующее пламя и дали тягу вдоль дороги... Но там пробка из горящих автомобилей. Я вижу, как вспыхивает головной танк, из него выскакивают фашисты, но со всех сторон на них налетают наши ребята и прикладами молотят по черепам... Багровое пламя освещает шоссе. Лица наших бойцов блестят, словно отлитые из меди. Визжат и воют осколки снарядов и мин... Трещит и рушится огневое кольцо окружения фашистов. Оно уже позади... Мы проваливаемся в густую тьму. Мы ничего не видим. Но знаем: впереди железная дорога, а за ней жизнь...

Мы пересекаем железную дорогу. Здесь фашистов совсем нет. С группой бойцов я прорвался через огненную завесу окружения.

Осматриваюсь. Нас всего семь человек. Позади беспорядочная стрельба. Рассеянные в разные стороны немцы, видимо, пытаются снова сколотить своё «броневое» и «огневое» кольцо вокруг... пустого места.

Наступает рассвет. Усталые, грязные, мы облегчённо вздыхаем — самое страшное позади. Но впереди ещё предстоят новые и не лёгкие встречи с врагом.

— Ну, что ж, товарищи, вперёд! — говорю я моим друзьям.

7 июля

Итак, мы прорвались сквозь внутреннее кольцо окружения. Сразу за железной дорогой вышли на грунтовую. Залегает у обочин,

осматриваемся. В утренних сумерках на бешеных скоростях пролетают в разные стороны немецкие грузовики с пехотой, отдельные танки. Всполошились гады...

Мы выбрали большой интервал между движущимися машинами — проскочили. Бежать бы скорее в глубь леса да искать сборное место отряда, но мы запутались ногами в каких-то толстых, скользких канатах. Нашупали резиновые жилы. Электрический кабель?! Видимо, немцы, продвигаясь к фронту, ведут за собой высоковольтную линию...

— Вот бы перехватить! — рождается мысль. — Но как, чем? Есть там ток или нет?

— Ладно, видно будет, — говорит лейтенант Минайлов. — Вы смотрите лучше за дорогой.

Взятым у меня кинжалом он начинает резать более тонкие жилы. Две другие жилы, потолще, лежат тут же. Вдруг Минайлов вскрикивает и падает. Неужели убило? Бросаемся к нему. Дышит. Оттаскиваем в кусты, расстёгиваем одежду. Лейтенант медленно встаёт. Ударило током. Хорошо, что не очень сильно.

Может быть, бросить нам эту затею? Ни за что! Мы случайно наткнулись на «выгодное дело» и не имеем права пройти мимо него.

— Теперь я попробую, — говорит воентехник II ранга Голешев.

Он подбегает к дороге, становится для изоляции ногами на толстые резиновые жилы и со всего размаха разрубает плоским штыком тонкий кабель. Резкая искра, шипенье, запах палёной резины, а Голешеву хоть бы что.

— Сметка важна! — не без гордости говорит он.

— А как же с толстым канатом? — спрашиваю я.

— Рубай тоже, — озлоблённо говорит Минайлов.

— Убьёт, пожалуй, — откликается Голешев.

И вот в одно мгновение возник простой, но остроумный план.

— Я заметил, справа есть мост. Кабель нужно вытащить из кювета на мост, и его раздавит каким-нибудь танком, — говорит военфельдшер Калинин.

Попробуем! Все переползают к мостику. Я оставлен в кювете наблюдать за дорогой. Раза два подавал сигналы — «идёт машина», и ребята залегали в кювет, прерывая своё занятие.

Дело сделано. Кабель закинут на мост, но как нарочно — ни одного немецкого танка. Нет их, а они позарез нужны нам.

— Поджечь, — предлагает Минайлов.

Через 5 минут громадное яркое пламя охватило сухой мост, а с ним и немецкий кабель...

Вся эта история отняла у нас всего 20 минут, но как дорого мы за это заплатились. Мы отстали от своих. Отряды, прорвавшие окружение и вытянувшиеся к сборным пунктам, долго там не задержались. Впереди не было немцев, и наши быстро двинулись дальше на юг. Остались только одиночные бойцы, которые торопились догнать свою часть.

Нужно спешить и нам, но со своей раненой

ногой я — обуза для нашего отрядика. Предлагаю товарищам идти вперёд, но они и слышать не хотят:

— Пойдём только вместе.

Вот какой наш народ! А ведь мы до прорыва никогда друг друга не видели и не знали. На прорыве да на поджоге моста сдружились...

Продвигаемся весь день * лесами и лугами дальше, стараясь не потерять следов наших отрядов. Врагов не встречаем. На одном хуторе наелись доотвала молока с хлебом. Ах, как мы ели!

— Поработали, зная, много, — заметила сердобольная старушка-крестьянка, радуясь нашему аппетиту.

К вечеру в лесу догнали вышедший из окружения один отряд, — правда, не нашей части. Командовал им тов. Закутный. Я был очень рад его видеть. Закутный — мой старый знакомый, вместе ехали на фронт.

— Вы что, пришли ко мне в гости? — шутиливо спросил Закутный.

— Нет, я ваш «гость поневоле». Вот хочу догнать отряды Галицкого.

— Они уже далеко. Не догоните!

— ???

— Да, да! Не удивляйтесь. Нас разделяет сейчас случайная вражеская группировка.

Для меня это известие — большое горе. Потерял, чёрт возьми, свою часть! Что-то делают сейчас товарищи? В какие разведки ходит майор Шука?..

8 ИЮЛЯ

Ночью лесами удачно обошли группировку врага, не вступая с ним в перестрелку. Держим курс на восток с прежней целью — достигнуть фронта и соединиться с основными силами своих войск.

Проделав ночью километров двадцать, с восходом солнца залегли на отдых в лесу. Хорошо замаскировались от нападения с воздуха. Выставили сильное охранение.

С наступлением темноты покидаем свой «однодневный дом отдыха» и по пути, указанному разведкой, продвигаемся дальше.

Перед нами задача: идти 5 километров по глубокому топкому болоту, чтобы выйти в сухой лес, или проскочить километр к тому же лесу большой дорогой, на которой иногда появляются немецкие машины.

Попытались через болото — не вышло. Потеряли только около часа драгоценного тёмного времени. Направились к дороге, проходящей параллельно линии фронта. Но что это?.. В отдалении послышался гулкий треск. Мотоциклы?!

Они двигались большой массой. Стоял сплошной гул. Залегает в 150 метрах от дороги.

Мотоциклисты пронеслись мимо нас. Очевидно, головной отряд какой-нибудь мотомехчасти. Один из мотоциклистов остановился, поставил машину у края дороги, а сам стал прохаживаться взад и вперёд.

Лейтенант Вайнер, возглавляющий одно из подразделений разведки, не выдержал, рванулся

вперёд, когда увидел оставшегося в одиночестве мотоциклиста. Это же очередная добыча! Но к лейтенанту подполз его разведчик, сидевший около самой дороги.

— Здесь развилка дорог, товарищ лейтенант, — шёпотом докладывает разведчик. — От этой большой дороги почти такая же отходит понемногу на запад, в немецкий тыл. А это мотоциклист-регулировщик.

— Значит, пропускать кого-то будут, — заключает командир. — Это хорошо, повторим наш старый приём.

Последние слова лейтенанта звучат для меня загадочно.

Вместе с разведчиком Вайнер уползает к дороге. Вскоре послышался грозный надвигающийся гул машин. Танки!.. Грохот нарастал с каждой минутой. Машины, видимо, мчались на предельных скоростях.

Немецкий регулировщик пробует карманный электрофонарь. Зажигает его несколько раз, посылая лучи навстречу танкам. Это — сигналы.

Танки несутся. Они всё ближе и ближе. Становится немного неприятно. Будто они вот-вот свернут с дороги и ринутся на нас, чтобы раздавить своими гусеницами. На всякий случай у всех наготове заряженные гранаты.

Головная машина, увидев сигналы регулировщика, чуть замедляет ход, а затем, резко проскрежетав своим металлическим нутром, переходит на большую скорость. Танковая колонна явно торопится. Чуть задержится какая-ни-

будь машина — к ней с фонарём и со свистком бросается регулировщик. Неистовые свистки раздаются и с задних машин.

«Перегруппировка частей. Гонят к какому-то особо важному участку фронта», — делаем мы вывод.

Вайнер со своими ребятами зорко следит за тем, что делается вокруг. Вот колонна разорвалась. Догоняющие машины попадают с разгона не на прямую дорогу, а на левую, незаметно отходящую в сторону тыла. Резкие свистки, сигналы — и регулировщик направляет их на основной путь.

— Хороший пост. «Сменить» надо, — говорит Вайнер. — Сидоренко! Приготовиться к замене, — приказывает он бойцу, одетому в форму немецкого мотоциклиста.

Сидоренко — высокий, молчаливый, с красивым лицом парень. В составе разведки он особый специалист. Его дело — разведывать противника на дорогах, через которые должен переходить отряд. Когда дорога разведана, он в качестве регулировщика пропускает мимо себя свою колонну. Со временем он стал мастером регулировки не только наших, но и неприятельских войск. Изучил все их сигналы, приёмы, «достал» форму немецкого мотоциклиста. По ночам, когда по дороге идёт сплошная вражеская колонна машин, а отряду позарез надо пересекать её, Сидоренко появляется с фонарём на пути, сигналист очередному эшелону «стой!», и колонна, строго подчиняясь команде, остано-

ливается. Как только отряд перескочит в ночной тьме дорогу, Сидоренко подаёт сигнал «марш»...

Всего этого я в тот момент не знал и с затаённым дыханием следил за тем, что произошло вслед за приказанием лейтенанта Вайнера.

Выждав большой интервал во вражеской колонне, особая группа разведчиков без выстрела «сняла» фашиста с дороги. В следующий миг на развилке стоял уже другой «регулирующий» — красноармеец Сидоренко.

Сигнал на левую дорогу. Подлетевшая танковая колонна мчится туда, куда ей указали. Машина за машиной, эшелон за эшелonom. Все мы в восхищении от Сидоренко и замираем от страха за судьбу этого изумительного парня.

Свыше часа одурачивал Сидоренко немецких танкистов. Он «отрегулировал» за это время около двухсот фашистских машин, вплоть до последних, заправочных. Никто не мешал его «работе», — так суматошно перебрасывались немцы. Новая колонна... Короткий свисток Сидоренко. Взмах фонарём — и гитлеровские танки снова с бешеной скоростью мчатся... в свой тыл.

Разумеется, «отрегулированные» немцы обнаружат свою ошибку. Но, чтобы вернуться обратно, нужно время и горючее.

Сидоренко на несколько часов отвлёт большую танковую колонну фашистов от какой-то важной операции на фронте.

Мы благополучно продолжаем двигаться по своему маршруту.

9 июля

Сегодня у нас радостный день: мы встретились с нашим советским авиадесантом под командой тов. Левашова. Этот отряд уже несколько дней действует в тылу фашистов.

У меня двойная радость. Оказывается, начальником штаба в отряде майор Сченснович — автор статей об авиадесантах, напечатанных в «Красной звезде», — наш автор! Во мне тотчас же заговорил патриот своей газеты.

— Ну, готовьте для нас статью, — сказал я Сченсновичу.

— Нет, уж пишите сами. Мне теперь некогда, — отрезал майор.

И вот я пишу в своём дневнике о подвигах бойцов авиадесанта, которые и наших людей изумляют своей дерзостью.

...Сумерки. По шоссе мчатся немецкие грузовики с ящиками — фашисты спешат доставить на фронт боеприпасы. Крутой поворот. Шофёр головной машины уменьшает скорость.

В кустах возле самого поворота дороги притаились бойцы с голубыми петлицами, — это группа капитана Лебедева. Её специальность — «работа» с фашистским транспортом.

Капитан не спускает глаз с проходящей колонны автомашин. За поворотом шофёры снова увеличивают скорость до предела. Они гонят машины вперёд, не оглядываясь. К повороту подходят последние три грузовика. Теперь пора начинать, — нужно «отрубить» хвост этой колонны...

По сигналу капитана из кустов вылетают

бойцы и на повороте вскакивают на подножки автомашин. Мгновение — и в кабине грузовика появляется наш боец. С такой гимнастической ловкостью могут действовать только специально натренированные люди. Немецкий шофёр, увидев чёрный пистолет перед носом, резко тормозит машину.

В это время другие бойцы с голубыми петлицами уже вскарабкались на грузовики и проверяют их содержимое. Патроны для автоматов? Очень хорошо! Эти патроны весьма нужны.

Ящик за ящиком спускают на землю, — автомашины быстро разгружаются, и ящики исчезают в лесу. Остальной груз не представляет интереса. Кстати, нужно торопиться, — каждую минуту могут появиться на шоссе другие грузовики...

Среди бойцов с голубыми петлицами есть люди, умеющие водить машины. Они заводят моторы и на ходу прыгают из кабин; грузовики, как слепые, неуверенно ползут по шоссе, потом срываются с насыпи и замирают, задрожав кверху колёса...

«Едут!» — сигналил наблюдающий за дорогой.

Бойцы скрываются в лесу. Из-за поворота показываются лошади в дышловых упряжках; одна за другой тянутся подводы, груженные мешками и ящиками. Возле подвод шагают немецкие солдаты — охрана. Они что-то насвистывают. Мы уже заметили: когда немцы боятся, они начинают успокаивать себя тихим свистом.

Снова из кустов выскакивают бойцы с голубыми петлицами. Передние лошади испуганно шарахаются в сторону — становятся поперёк шоссе и загораживают путь остальным подводам. На шоссе — кутерьма!

Раздаётся несколько выстрелов. Фашистские солдаты растерянно бросаются в лес, но их настигают советские пули. Наши бойцы обрезают построшки, и лошади разбегаются в разные стороны. Через несколько минут на шоссе загорается огромный костёр: пылают возы, облитые бензином. По шоссе мчится обезумевший конь, за ним болтаются обрезанные построшки...

Маршрут десантного отряда совпадает с нашим. Мы делимся опытом. Десантники очень заинтересовались нашим способом ловли немецких мотоциклистов. «Основоположник» этого способа — связист Лукач — рассказывает десантникам:

— Первого мотоциклиста мы срубили телефонным проводом, сейчас натягиваем обыкновенную верёвку. Проще и дешевле.

...У нас сегодня вынужденный отдых: днём продвигаться нельзя, — обнаружит неприятель. Продолжать свой путь и вредить фашистам будем ночью. А пока разжигаем костры.

Мы собираем сушняк, копаем ямы для когров, укрепляем над ними котелки. Тем временем на нашем «мясокомбинате», под густыми елями, идёт разделка туш. Получаем по куску сырого мяса, преисполненные чувства благодарности к нашей подразведке.

Мясо есть, но нет ни соли, ни хлеба... Однако люди не унывают.

— Сейчас будем хороший шашлык кушать, — улыбаясь, говорит разведчик Киквидзе, обстреливая плоским штыком ореховый прут. — Военно-полевой шашлык, — добавляет он, причмокивая языком.

Разгораются бездымные партизанские костры. В воздухе стоит запах жареного мяса. Палка, на которой я жарил свой кусок, обгорела, сломалась. Достāju мясо штыком и пытаюсь есть его с гарниром из свежих берёзовых углей и золы.

— Жаркое по-партизански! — хохочет весёлый Киквидзе, и все смеются.

Ничего, что у нас нет соли и хлеба, зато у нас избыток бодрости, а с этой «приправой», как говорит наш доктор Мац, можно жить долго.

Военврач II ранга Мац — уже пожилой человек. Он небольшого роста, с очень медленными движениями.

Не торопясь, он разбинтовывает мою ногу.

— Ранена, значит, нога? Ах, какая она нехорошая! — приговаривает он, словно имеет дело с ребёнком.

Доктор, прищутив свои добрые серые глаза, разглядывает рану сквозь роговые очки.

— Для вас сейчас самое лучшее лекарство — солнце, — говорит он и, мягко улыбаясь, повторяет: — партизанское солнце. Держите вот так ногу открытой, полежите, но не засыпайте,

а то комары насядут на рану, и это уже плохо... Солнце и воздух — вот вам рецепт.

Я сижу под тёплыми лучами, вытянув ногу, закрыв глаза. Мне хорошо... И мне кажется, что я попал в какой-то благоустроенный санаторий, которым заведует добрый доктор Мац.

10 июля

Мне определённо легче. Ночью я прошёл пешком километра два... Спасибо доктору Мацу!

Мы остановились в густом лиственном лесу. Чудесное солнечное утро. На полянах множество цветов. Гудят пчёлы... Но некому собирать мёд — деревни превращены фашистами в кучи пепла. Люди, лишённые крова, бродят по лесам. Всюду кровь, пожары, страдания...

Неожиданно появились на поляне дети. Даже наше боевое охранение не заметило, откуда взялись эти босоногие, светловолосые ребята.

— Вы откуда? — спрашиваю.

— Из дому, — ответил парнишка с облупленным носом, видимо, вожак.

— А немцы у вас есть там?

— Нету! — хором ответили ребята.

— Их всех дядя Малёк разогнал, — добавил вожак.

— Это кто же, ваш деревенский?

— Да нет! Он — командир... Тут у вас находится. Мы к нему пришли.

— В серенькой рубашке!

— В чёрных штанах... И ходит распояской.

— А сам белобрысый такой!

По этим приметам мы потом отыскиали Малька. Вот что рассказал о нём паренёк с облупленным носом:

— Сидели мы во ржи, немцев глядели. А тут этот парень белообрый подполз к нам. Видим — незнакомый. Но, говорит, из соседней деревни. «Немцы тут есть?» — спрашивает. Мы ему говорим: «А ты сам поди погляди». Повели к дороге, сидим и смотрим. А тут и танки и автомобили с солдатами. От нечего делать мы их считать стали, а особенно старается этот парень. Мы сразу подумали: это, наверное, разведчик — для красноармейцев считает. «Ты разведчик красноармейский?» — спросили его, а он прямо говорит: «Да, разведчик». — «Вот здорово! Возьми и нас в разведчики». — «Идёт», — сказал он, и мы тут уже по-настоящему подружались. Он, оказывается, командир, но только такой маленький ростом. Звать себя велел по-ребячьему — Малёк. По-нашему — дядя Малёк, значит. «Вы будете моим отрядом разведчиков, — сказал он, — и всё, что увидите, мне будете говорить». Сидели мы так в кустах до самого вечера. А к ночи в нашу деревню приехали немцы, грузовики поставили на улице, а сами на них спать легли... Тут дядя Малёк куда-то пропал. Мы спать не ложились, знали, что дядя Малёк к красноармейцам ушёл. В полночь поднялась пальба по деревне. К нам в деревню налетели на мотоциклах красноармейцы и давай лупить фашистов... А те бегут спросонья, кто куда! Смотрим, и Малёк на мотоцикле, за командира... Вот тебе и дядя Малёк!

Малёк оказался младшим лейтенантом Мальковым из авиадесанта.

Я с любопытством разглядываю этого маленького лейтенанта, одетого в ситцевую серенькую рубашку и чёрные брюки. Босой, без пояса, загорелый, он ничем не отличается от своих добровольцев-разведчиков, и лицо у него совсем детское, лукавое, и голос звонкий, ребячий.

Днём он ходит в разведку, открыто появляется в деревнях, занятых фашистами. А ночью подросток Малёк превращается в смелого командира и совершает дерзкие налёты на врага.

В одну из ночей он с группой в 16 человек разгромил фашистскую колонну в 60 машин, из которых уничтожил 18, и убил 40 немцев.

— Это орёл, — сказал начальник штаба.

«Орёл» сидел в стороне под деревом и с таинственным видом говорил что-то ребятам, — видимо, заваривалась какая-то новая каша.

...Целый батальон немецких солдат разделился на отлогом берегу реки для купанья. Ребята и Малёк уселись в сторонке и, болтая в воде голыми ногами, стали с любопытством смотреть на купавшихся. Их хотели прогнать солдаты из немецкого охранения.

Но вдруг со стороны купающихся раздался голос: «Киндер, киндер!»

Кричал и махал руками какой-то толстобрюхий голый человек, купавшийся с небольшой группой в стороне от солдат. «Наверное, офицер», — решили ребята. Солдаты из охранения пальцами и криком дали понять ребятам, что надо подойти к офицеру.

Они подбежали. Толстяк стоял по колено в воде, чесался — чуть не до крови скоблил себя ногтями.

— Мило! Мило! — сказал он на ломаном русском языке.

— Мыло и мочалок, ментом! — скомандовал Малёк ребятам, и те пустились выполнять его приказание.

Сам он, засучив штаны, вошёл в воду и стал услужливо плескать водой на фашистского офицера. Тот заулыбался, подставляя «мальчишке» то бока, то спину. Вскоре появились ребята с мылом и мочалками и немедленно приступили к делу: стали намыливать мочалки и тереть офицерские спины.

Помывшись, офицеры принялись плавать.

— Полевые сумки стянуть — и под рубаху, — скомандовал Малёк.

Не успел он оглянуться — ребята уже тащили из-под белья офицерские сумки.

— Ну, а теперь тикать, — шепнул Малёк.

Охранение немцев они прошли благополучно и доставили в лагерь шесть полевых офицерских сумок с картами и приказами.

— Это мы смылили, — с гордостью заявили ребята, сдавая добычу.

11 июля

Каждый день, каждый час — множество захватывающих событий. Творят их наш отряд и отряд Левашова. При чём, будто соревноваться сговорились: кто больше навредит немцам.

С утра присутствую на докладах командиров отдельных групп десантников, возвращающихся с ночной «работы».

Капитану Антрошенко было приказано уничтожить артиллерийский склад фашистов и базу горючего. Выполнение этого задания было связано с большим риском для жизни — в артскладе находилось несколько десятков тысяч снарядов.

Группа в пятьдесят человек под командой капитана отправилась в лес и стала, крадучись, пробираться к складу. Около него неторопливо расхаживали часовые — восемь человек. Их бесшумно накрыли плащ-палатками и уничтожили. Такая же участь постигла и весь состав караула, который пытался оказать сопротивление. Снаряды оказались и в погребах, и в ящиках, лежавших на земле, и в автомашинах.

Внимательно осмотрев грузовики и убедившись, что они в полной исправности, Антрошенко сказал:

— Я так и знал, что обратно пешком не пойдём!

В главный погреб и на одну из машин заложили мины. Быстро подожгли шнуры. Бойцы вскочили в заведённые машины.

— Фейерверком хорошо любоваться издали! — кричит Антрошенко замешкавшемуся бойцу. Тот одним прыжком перемахнул через борт грузовика.

Скорее обратно, подальше от опасного места! Но не успели десантники отъехать и 2-х километров, как содрогнулась земля, автомашины

застонали от страшного взрыва, и словно чем-то тяжёлым ударило в барабанные перепонки. В следующий момент раздался треск под последним грузовиком. Машина остановилась и заглохла, разбитая в нескольких местах осколками разорвавшихся вблизи снарядов. Пять бойцов ранено. Их быстро пересадили на остальные машины — и дальше... Кругом стоит сплошной гул. Земля — kloкочущий вулкан. Над головами с воем и визгом пролетают артиллерийские снаряды и авиабомбы, разбрасываемые чудовищными взрывами на горящем складе.

Антрошенко лаконично излагал командиру дальнейший ход событий: их продолжали настигать снаряды... Надо было торопиться, чтобы вывезти раненых. Их наспех перебинтовали. Нужна была хорошая перевязка, однако сначала следовало выполнить вторую часть боевого задания — взорвать бензиновую базу, находившуюся по соседству. Это оказалось делом не очень трудным, так как охрана, напуганная взрывом артсклада, сбежала. Бойцы пробрались к цистернам, подожгли их.

По дороге, освещённой ярким пламенем горящего бензина, возвращались к себе отважные бойцы подразделения Антрошенко.

...Докладывает лейтенант Дороганов. В его группе было десять бойцов. Они обстреляли и уничтожили по дороге легковую машину с офицерами. Убито трое фашистов. Одного из них Дороганов описывает особенно выразительно:

— Морда вся в рубцах. Две медали и железный крест. Словом, видно сову по полёту!

Вот всё его барахло, — Дороганов показывает на своей широкой ладони трофеи. — И ещё двух мотоциклистов ухлопали.

— А каким способом? — спрашиваю с любопытством.

— Вашим. На верёвочку! — с улыбкой отвечает Дороганов.

— Вот и обменялись опытом, — говорит мне сидящий рядом майор Сченснович.

Сегодня фашистские самолёты сбрасывали над лесом листовки. Видимо, чувствуют, собаки, что мы где-то поблизости. На квадрате бумаги напечатана фотография. На ней красуются четыре мрачные личности. Они, не мигая, смотрят оловянными глазами в объектив фотоаппарата. На коленях эти молодчики держат котелки с каким-то варевом. Под этим изображением неожиданная надпись: «Красноармейцы, будьте ласковы, сдавайтесь в плен. У нас рай, все едят досыта, не как у вас».

Эта листовка доставила нам немало весёлых минут. Мы вспоминали отошавших фашистских солдат, двигавшихся по дорогам, и смеялись до упада над гитлеровскими горе-пропагандистами. Не думал я, разглядывая вражескую листовку, что через несколько часов «познакомлюсь» с её творцами. Но не будем забегать вперёд...

Идём дальше лесом по своему маршруту. На пути пересекли несколько грунтовых дорог, по которым изредка проходили немецкие машины.

Но вот впереди — шоссе, одна из важнейших автомагистралей, по которой к фронту движутся вражеские машины, тракторы и орудия.

Отряд остановился в 500 метрах от дороги. Решено разведать дорогу и подступы к ней в пяти точках, чтобы в одной из них проскочить всем отрядом.

Разведчиков в отряде очень мало. Закутный старается создать сильные разведывательные группы, но мы ежедневно теряем этих драгоценных людей.

На один из ближайших участков дороги вызвался идти в разведку и я. Закутный разрешил. Со мной послан красноармеец-разведчик Бука.

Оставляю коня. Крадучись по кустам и за деревьями, пробираемся с Букой к дороге, откуда доносится шум машин. Вечереет. Движение на дороге становится всё менее напряжённым.

По всему видно, что разведчик Бука отлично знает своё дело. Он как будто рождён для разведки. Невысокого роста, юркий, остроглазый украинец.

— Ось бисова фашизма! — вырывается у него всякий раз, когда мы переползаем или перебегаем от дерева к дереву. Чтобы нас не услышали, Бука старается передвигаться в те моменты, когда с дороги доносится шум машин. Ползём, прижимаясь к земле так, чтобы слиться с ней, используем каждый пенёчек, каждую травку.

Залегли и наблюдаем за проезжающими мимо фашистами. Едут мотоциклисты. Сейчас, во всём чёрном, с автоматами на рулях, они внушительны. Но посмотрите на них ночью, — это жалкие кролики, которые при первом же

выстреле улепётывают сломя голову, опасаясь налёта партизан или подвижных отрядов Красной Армии.

У края дороги стоят два автобуса, легковая машина. Колонна мотоциклистов проехала. Вокруг тихо. Но это спокойствие может быть обманчиво: надо ещё и ещё раз высмотреть поближе.

Остаётся всего метров тридцать до дороги, отделённой от нас открытой зелёной поляной.

На краю поляны, ближе к нам, обломки двух разбитых немецких танков, один грузовик и пустые зелёные бочки из-под горючего. Видно, подбили их наши артиллеристы прямо при заправке.

— Заправились, та на небо отправились, — шепчет мне Бука.

Осмотревшись вокруг, находим, что это место для перехода нашего отряда самое подходящее: выйдем из леса, бросок в 30 — 40 метров к дороге, а за дорогой сразу густой лес... Вот только мешают эти автобусы — «бисовы шарабаны», как их окрестил Бука. Он усиленно разглядывает их в бинокль.

— Треба ще трошки разведать, — шепчет он, а сам показывает на бочки.

Смотрю на него вопросительно.

— Гляди тильки на меня! — сказал Бука и быстро пополз.

Забравшись за одну из бочек, извиваясь ужом, он еле заметно стал катить её по лугу в сторону автобусов. Покатит, покатит — остановится, посмотрит на меня, а я ему сигналю:

если на дороге безопасно — взмах рукой вперёд, при появлении какой-нибудь машины — взмах к земле. Бочка потихоньку катится. Бука ползёт. Около самого кювета он руками сигнализирует: мол, под автобусом люди.

— Сколько?

Всеми растопыренными пальцами показывает — десять и сигнализирует: «Подтягивай отряд вплотную к дороге». Этот сигнал через меня быстро пошёл по цепочке в отряд, и тот уже стал подходить. Теперь дело за Букой и за мной — мы должны дать сигнал.

Бука показывает мне свой пистолет — приготовьте, мол, оружие. Тычет себя пистолетом ниже спины и делает взмах в сторону автобусов. Понимаю: когда немцы будут бежать, открыть по ним огонь сзади. С нетерпением жду нового сигнала Буки. Ждёт и отряд.

Внимание!

И вдруг в предвечерней тишине, при ясном небе раздался громовой раскат. За первым — второй, третий...

Что это?!

Бука грохает изо всей силы своей металлической каской по днищу пустой железной бочки, с каждым новым «взрывом» из-под автобуса вылетают испуганные немцы и бегут вдоль дороги. Тут я вдогонку им даю автоматную очередь. Фашисты бегут, кричат, падают.

— Тикай, тикай, бисова фашизма! — кричит им вслед выскочивший из-за бочки Бука.

Дорога очищена. Наш отряд быстро пересе-

кает её. Особая группа — к машинам, испортить немедленно! Я задерживаюсь возле автобусов. Каково же было моё изумление, когда в них оказалась походная немецкая типография!

Беру несколько листовок, лежащих у плоской типографской машины.

Ба! Знакомые лица!

На листовке та же четвёрка с котелками. Заглядываю в цинкографское отделение. Там лежит ворох фотографий. И первое, что бросается в глаза, — оригинал снимка, размноженного в уже известной нам листовке. Этот снимок убедительно раскрывает тайны фашистской пропаганды. На оригинале ясно видно, что «пленные красноармейцы» — это немецкие солдаты, которым ловкач-художник пририсовал форму красноармейца, намалевал петлицы и пристроил звёзды на пилотках. Грубая работа!

Немедленно поджигаем автобусы с машинами и бумагой, со всей пачкотнёй фашистских вралей.

12 июля

Лес, лес без конца... Где-то вдалеке на востоке раскатисто грохает артиллерия. Неужели подходим к линии фронта? А может быть, это такой же отряд, как и наш, наводит у немцев беспорядок?

Это должна выяснить разведка — наши глаза и уши.

Начальником разведки в отряде выдвинулся связист по специальности, 24-летний комсомо-

лец, младший политрук Павел Колычев. Способнейший в этом опасном деле парень! А на вид такой тихоня, с красивым нежным лицом и голубыми смеющимися глазами. Ему бы стихи писать на какие-нибудь лирические темы...

Узнаю, что Колычев и в самом деле до войны стихи писал. Он работал токарем в Москве на заводе имени Сталина. А узнали бы сейчас на заводе, что представляет собой теперь их «лирический» Павлик! Это — гроза и смерть фашистов, попадающих к нему на глаза. Под его скромной внешностью скрывается талантливый разведчик — отважный, хитрый, дерзкий.

Нам позарез нужен был проводник из местных крестьян. Мы вынуждены пробираться по непроходимому лесу и болотам. Проводника нужно было достать в деревне, занятой немцами.

Целый день разведчики Колычева прощупывали биноклями каждый домик, каждый сарайчик в ближайшей деревне. Кто из крестьян остался? В какой хате? Вечером разведчики во главе со своим командиром ушли добывать проводника.

Через час вместе с ними пришли три старика, составляющих, оказывается, всё наличное население деревни.

Население ушло прямо из-под носа немцев, хотя этих носов там насчитывалось свыше пяти-шестисот.

Целый батальон не укараулил этих жителей!

Проводники отлично вывели нас к следующему пункту.

Павел Колычев умно выбирает места наших

очередных привалов: всегда обеспечена скрытность, круговая оборона, наблюдение за врагом.

Сегодня мы ещё раз оценили его умение. Отряд расположился далеко от главных, идущих к фронту дорог, но зато вплотную к поперечной, соединяющей их лесной дороге.

— Отсюда сразу два пути — вправо и влево, наблюдать будем, — лаконично докладывал Колычев командиру Закутному. — Место прекрасное, лучше его не найти.

Командир согласился.

...Круговая оборона, созданная капитаном Доброленским, была наготове, когда разведчики вдруг доложили: «К нам движется по лесной дороге фашистская колонна машин с артиллерией».

— Приготовиться! Без команды ни одного выстрела! — приказывает Доброленский своим людям, залегшим в траве и кустах.

Заряжены винтовки, на боевой взвод поставлены гранаты. Перед глазами — зелёная поляна в квадратный километр. Дорога на поляну зияет в опушке леса чёрной дырой, как вход в тоннель.

— Будем довить kota в мешок, — говорит Доброленский.

Он приказывает лейтенанту Кареву закрыть выход с поляны, а лейтенанту Кузину — вход, как только пройдёт неприятель.

Я нахожусь тут же, около капитана. Он маленький, подвижный, с грубоватым лицом; на поясе пара гранат. В правой руке — огромная, величиной с него самого, сверкающая сабля.

Зачем она ему? У него даже нет к ней ножен.

До чего же у него свирепый вид!

В лесном тоннеле — на дороге — тарахтят машины. Покачиваясь на выбоинах, на кореньях лесной дороги, они медленно выползают на поляну. Так и чешутся руки спустить курок! Но нельзя — приказ.

Впереди — грузовик с пехотой, за ним — три легковые машины, снова три грузовые, наконец, четыре орудия, прицепленные к четырём автомобилям с людьми. Это хвост колонны. Вся она теперь на поляне. Остановилась...

— Но где же, чёрт возьми, команда?! — хочу я крикнуть Доброленскому, но меня опережает резкий голос капитана:

— По фашистским гадам — огонь!

Залп. Сплошной пулемётный и ружейный огонь, взрывы гранат. Но немцы не растерялись, как это часто в таких случаях бывало. Здесь находились, видимо, какие-то зубры. Горюхом высыпавшись с машин, они создали круговую оборону, дали первые выстрелы из миномётов, из одной пушки.

— За мной! На бандитов! Ура! — на весь лес прогремел голос Доброленского.

Его крик подхвачен сотнями людей. Лесное эхо повторило, умножило голоса. И вот несутся вперёд в атаку на бандитскую шайку сотни храбрецов во главе с бесстрашным, размахивающим кривой саблей Доброленским.

Русское могучее «ура»! Оно, как на крыльях, несёт нас в атаку. С ним легче взмах штыков и сабель. С ним яростней удар по врагу.

Наше «ура» точно обрубил о огонь фашистов. Вижу, как Доброленский саблей рубит одного за другим трёх немецких фашистов. Красноармейцы дружно устремились за ним, бьют немцев штыками. А капитан вскочил на легковую машину и с крыши, размахивая шашкой, точно дирижируя, командует, где какому взводу добивать врага.

Побежали, наконец, сволочи. А ну-ка, взад им ещё пол-обоймы!

На месте осталось 115 неприятельских трупов, из них 20 офицеров. Это действительно оказались зубры. Мы разгромили напорившийся на нас штаб 238-го пехотного полка вместе с его охраной. Сами мы потеряли 10 человек убитыми и 16 ранеными.

Отвожу одну страничку в блокноте под ведомость трофеев:

Знамя фашистского полка.

3 легковых и 8 грузовых автомашин.

4 пушки и к ним свыше 500 снарядов.

4 миномёта.

42 винтовки, 8 пулемётов, 12 автоматов,
30 пистолетов.

Не вписываю в ведомость ещё две вещи, которыми, признаюсь, воспользовался сам.

Я уже несколько дней хожу без сапога и на здоровой ноге. А тут повезло: в офицерской машине нашли пару ботинок военного образца. Обувь, правда, не на заказ: 46-й номер вместо 41-го, но что же делать? Выбор ограничен.

Другая вещь — это толстый, в чёрной обложке, дневник убитого немецкого фельдфебеля Иоганна Ланге.

Фельдфебель скуп на записи: всего две-три строчки на день. У него едва хватало времени «расписываться» кулаком на рожах своих подчинённых. Вот одна из многих записей в дневнике: «Расписал Фабера, утерявшего лопатку. Пусть повторит, совсем без глаза оставляю».

Как и всякий рачительный мародёр, фельдфебель Ланге не забыл перечислить в дневнике всё, чем он должен обзавестись в Советском Союзе.

Занимательна запись от 19 июня. Это скорее пометки лошадиного барышника. Зафиксирован экстерьер — размеры всех частей тела некоей Фридель. Ножки — 39, плечи, пояс, рост... Фельдфебель забыл лишь размер мизинца Фридель. Среди заказов для неё — «перстень с бирюзой». Но, чёрт его знает, как подобрать, на что примерить? И Ланге пишет: «Какой попадётся».

Разобраться в дневнике мне помог прекрасно знающий немецкий язык доктор Мац, который погрузился сейчас в изучение штабных документов.

Книжка в чёрной обложке исписана меньше чем наполовину, а у меня вышла вся бумага. Меня искушает мысль — использовать дневник немецкого фельдфебеля. Вот эти строчки я уже записываю в нём.

Правда, в дневнике раньше моего «расписались» наши гранатомётчики: осколки гранаты основательно изрешетили его чёрную глянцеви́тую обложку...

13 июля

За вчерашний разгром немецкого пехотного полка фашисты решили нам отомстить. Мы это предвидели.

Во всех направлениях действует наша неусыпная разведка. Сам Колычев во главе группы разведчиков — в той стороне, откуда накануне появился немецкий штаб.

Разведка наткнулась на разведку, и вот результат: вместе с восходом солнца в лагере отряда появились два колычевских бойца с добычей — пленным.

Доктор Мац производит допрос. Пленный держит себя надменно и нагло. Это матёрый фашистский волк.

— Ваша фамилия?

— Моя фамилия приятного вам ничего не принесёт — Розенберг.

Головорез гордится тем, что он однофамилец проходимца Альфреда Розенберга — редактора поганой фашистской газетки «Фёлькишер беобахтер».

Доктор Мац с присущим ему юмором замечает:

— Нет, ничего! Только вот неудобно с такой фамилией в плен попадаться.

— Я пришёл не в плен, а за пленными, — развязно отвечает Розенберг.

— Вот как? Станный способ брать пленных. Сколько вам прикажете выдать — роту, батальон? — И, меняя тон, доктор строго спросил: — Какого полка?

— Я вам всё равно не скажу правды, —

упорствует Розенберг. — А впрочем, какой нам смысл продолжать разговор дальше? Кругом наши войска. Поднимайтесь, пойдёте к нам в плен.

Доктор переводит эти слова, и мы не можем удержаться от смеха.

Пленный, увидев наши улыбки и расценив их по-своему, окончательно обнаглел. Отчаянно жестикулируя, он продолжает:

— Какой вам смысл сопротивляться? Москва давно в наших руках. Мы уже форсировали реку Волгу. Вам одна дорога — к нам.

Пленный комик, может быть, и дальше продолжал бы веселить нас, но тут, по знаку Зажутного, один из командиров заряжает на глазах у солдата пистолет. Фашисту завязывают глаза и ведут в сторону...

Розенберг решил: комедия кончилась, может наступить трагедия.

— Геноссен! — визжит он на весь лес.

Ага, уже «товарищи»! Быстро же слетает спесь с гитлеровских бандитов.

— Чего вы хотите? — спрашивает Мац.

— Я хочу сказать: Москву не взяли, Волгу не взяли...

— Какого вы полка?

— Двести тридцать восьмого.

— Вот это другой разговор. Теперь можно и побеседовать, — говорит Мац.

Перетрусивший однофамилец фашистского газетного враля подробно рассказал о своём полке: после вчерашнего разгрома штаба их полка солдаты начали стадом убежать в тыл.

Их задержали огнём, дали новое командование, присоединили новые части. Сегодня они хотят окружить и захватить нас здесь, забрать свои машины, батарею, оружие. Розенберг, как один из самых опытных разведчиков, послан к нашему расположению с заданием «привести побольше пленных».

Вернувшийся Колычев исчерпывающе доложил обстановку: на нас надвигаются два немецких полка. Ночью мы могли бы просочиться отсюда даже сквозь окружение, а днём придётся драться как следует.

Закутный вызывает капитана Доброленского.

— Товарищ капитан, готовьтесь к контратаке. Надо протянуть до вечера.

Полковнику артиллеристу Зуеву вместе с полковым комиссаром Новиковым приказано поддерживать Доброленского захваченной вчера немецкой батареей и миномётами.

— Всё немецкое успели освоить? — спрашивает Закутный.

— Всё. Точно, — отвечает полковник.

В 13 часов мы выдержали первую немецкую пехотную атаку. Лучше бы они не затевали её. Лес — наша стихия, а не немцев. Контратакой, с мощным красноармейским «ура», мы решительно отбили нападение немцев. Крепко били наши артиллеристы прямой наводкой из трофейных пушек.

За первой атакой последовала вторая. Она тоже была отбита, но поглотила у нас последние остатки винтовочных патронов. Вся наде-

жда — на штык да на пушки с миномётами, отбитыми у немцев.

— Все до одного своего снаряда фашисты получают себе же в глотку, — потрясая кулаком, говорит горячий Зуев.

К вечеру немцы предприняли ещё две атаки. Они пытались громить нас артиллерией, вывезенной на открытые позиции — на дороги. Но у Зуева и Новикова неуловимые пушки и миномёты — они то и дело перекатываются с места на место, открывая новые очереди огня.

Осколком мины ранен правильный одного орудийного расчёта. К орудью подбегает полковник Зуев и, ухватившись за хобот, помогает артиллеристам перетащить орудие на новую позицию. Вокруг рвутся вражеские мины...

Лицо полковника внезапно белеет. Он выпускает из рук хобот орудия и медленно оседает на землю. Осколок мины разорвал ему правое бедро. Кровь льётся ручьём по голенищу, а Зуев, схватившись своей большой рукой за парабеллум, продолжает отдавать приказания:

— На картечь их! На картечь, дьяволов!

Голос полковника слабеет, — он теряет много крови, но перевязать его невозможно, потому что кругом — ад. Фашисты идут в четвёртую атаку. Человек пять фашистов с офицером впереди прорвались к орудью, возле которого лежит полковник Зуев. Все люди в огневом расчёте орудия ранены, но продолжают героически отстреливаться прямой наводкой...

Полковник первый заметил прорвавшихся немцев. Выстрел из парабеллума — и офицер

надаёт ничком. Немцы бросаются на артиллеристов. Завязалась короткая, но жестокая рукопашная схватка.

Красноармеец Баранов бросился на врага, вцепился руками в его горло и повалил на землю. Боец Пospelов, сидя верхом на спине рослого фашиста, бил его своей каской по роже. Бойцы Шнитко и Лурье навалились на немецкого унтера с длинными усами, но в это время сзади на Лурье налетел толстомордый, пучеглазый солдат, и все четверо покатались по земле, свиваясь в живой клубок...

Это происходит на глазах у полковника, в пяти шагах от него.

Смертельная боль в ноге не даёт полковнику возможности хоть чем-нибудь помочь товарищам, ослабевающим в неравной борьбе. Он делает последнее отчаянное усилие, приподнимается на локоть и прицеливается в кучу борющихся людей.

Выстрел — и в смертной судороге забился один из немцев, выпустив из рук свою жертву — ослабевшего красноармейца.

Второй выстрел — нет второго немца. Ещё двух бойцы ловко подставили головами под дуло зувеского пистолета, и их постигла та же собачья участь...

Атака отбита. Раненых бойцов сменили здоровые. Бойцы принесли полковника на плечах к командному пункту.

Полковой комиссар Новиков запекшимися от жары губами стремительно и крепко поцеловал своего друга Зуева...

— Поздравляю с победой, — сказал доктор Мац, ласково улыбаясь своими добрыми глазами, и привычными мягкими движениями начал бинтовать полковника.

Во время первой атаки немцев полковник Зуев и полковой комиссар Новиков находились ещё на виду друг у друга. Зуев командовал всей батареей, а Новиков заделался командиром одного из орудий.

Когда немцы бросились через поляну в атаку на наших пехотинцев, Новиков успел дать только два выстрела картечью. У немцев срезало, как гигантской бритвой, первые ряды. Наши бросились в контратаку. Но они загородили собой немцев, и орудия некуда было стрелять.

— Дайте, черти, дырку для снаряда! Стрелять некуда! — надрывно кричал пехотинцам Новиков.

Те ничего и слышать не хотели — продолжали рваться вперёд, стреляли, падали, снова подымались.

Во всём орудийном расчёте Новикова вместо семи человек осталось только трое. Остальные выбыли из строя.

У панорамы — весь измазанный кровью и грязью наводчик да юркий заряжающий, который и снаряды подтаскивает, и в ствол их закладывает, и замок закрывает. Правильным орудия — сам полковой комиссар.

Новиков вдруг покидает своё орудие и с поднятым вверх пистолетом, обозлённый, убегает вперёд. В разгар атаки он расталкивает бойцов вправо и влево, показывает, что нужна

«дырка» для снаряда, и, наконец, отбежав в сторону, даёт сигнал орудию — «огонь».

Раздался выстрел. Снаряд летит в проделанный Новиковым 30-метровой ширины коридор и попадает в самую гущу немцев.

Второй и третий снаряды буквально вколачивают в землю разъярённых фашистов. Но они ещё пытаются стрелять, бросать гранаты.

— Протыкай штыками, гадов — кричит пехотинцам комиссар.

А своему орудийному расчёту он бросает:

— Шпарьте без меня, ребята!

Схватив у сражённого красноармейца винтовку с плоским штыком, Новиков бросается вперёд. За ним полсотни храбрецов. Около правого локтя младший лейтенант Павлюк, около левого — старший сержант Сидоров.

— Урр-а! На гадов!!!

Снова дрогнули бандиты. Побежали. Жаль, что в спину им нечего всыпать. Патроны все кончились...

Комиссар Новиков уже с первой атаки превратился из артиллериста в пехотинца. Он и в последующих трёх атаках действовал во главе одной из пехотных рот. Его лучшими помощниками, также лихо уничтожавшими немцев, были Павлюк и Сидоров.

— Мы с Сидоровым сговорились, — сказал мне после боя Павлюк, — охранять и, если надо, защищать своей грудью командира.

...На далёком горизонте пропало солнце, и вместе с его исчезновением появилась надежда на выход из расположения врага, надежда на

успех. Скоро наступит ночь — наше самое любимое время. Во тьме, как обычно, мы будем водить немцев за нос.

Совершается привычная, похожая на другие операция: мы пересекаем дорогу, по которой движутся немецкие войска. Наш замечательный регулировщик Сидоренко задерживает на несколько минут фашистские машины. Отряд благополучно проходит дорогу. Колычев со своими ребятами не забыл прихватить «по пути» какого-то зазевавшегося немецкого пехотинца.

Пленный сообщил, что по дороге движется колонна 152-й немецкой пехотной дивизии — она идёт на подкрепление фронту. Через 6 километров мы наткнулись на новую дорогу, параллельную первой. Но пересечь её не было никакой возможности: её занимала идущая на фронт 167-я пехотная дивизия немцев. Она следовала в пешем строю, и здесь наш танкист-регулировщик уже ничего не мог поделать. Прорывать колонну — очень рискованное предприятие, нас могут смять с обеих сторон.

Мы оказались зажатыми в двух параллельно движущихся потоках 152-й и 167-й дивизий. Что же делать дальше?

Наступит день — и нас опять начнут обстреливать с флангов и тыла, будут пытаться истребить, как кроликов.

Опытный артиллерийский начальник Зуев лежит раненый в крестьянской повозке, держит совет с командирами-артиллеристами и затем докладывает Закутному:

— Есть предложение немного рискнуть, но

дело сделать. Все мы знаем, какие немцы вояки ночью. Бокового охранения, как всегда, конечно, нет. Я предлагаю стравить эти две дивизионные колонны между собой, затеять большой шум, а самим скрыться.

Решение принято.

Отряд возвращается немного назад, на самую середину леса — между двумя дорогами. Захваченная вчера у немцев артиллерия делится пополам. Одни пушки и миномёты поворачиваются дулами к пройденной дороге, другие, наоборот, к той, которую предстоит пройти. Прицелы у той и другой группы орудий установлены точно по дороге. Орудия наведены, заряжены...

— Первая группа, огонь! — командует старший лейтенант Зверев, и ночную тишь разрывает артиллерийский залп.

Секунды ожидания, и на дороге послышались разрывы наших снарядов. Слышно, как там поднялась суматоха, ружейная пальба, пулемётный треск. Даём ещё залп, и оттуда затряска уже миномёты и малокалиберные пушки.

Ночью в лесу с перепугу немцы стреляли, конечно, не точно, взяли лишь «основное направление». Снаряды и мины рвутся далеко от нас.

— Ничего, мы им поможем нащупать цель, — бурчит старший лейтенант Зверев и подаёт команду «огонь» второй группе, обращённой дулами к противоположной дороге.

Залп, за ним другой на левую дорогу, и там

тот же эффект. Немцы, находившиеся на левой дороге, подумали, что по ним бьют красные, и тоже открыли ответный огонь.

Артиллерийская перепалка между двумя немецкими колоннами разгоралась всё сильнее. Там развернулись уже целые батареи, дивизионы.

Мы прекратили огонь еще с первых залпов и теперь лежали, прижавшись к земле. Над нами гудело небо — летели немецкие снаряды.

Фашисты нащупали друг друга довольно точно, и мы, находясь между ними, чувствовали себя в безопасности.

— Вот уж, поистине, между двух огней, — заметил капитан Доброленский.

— Германцы подрались с арийцами, — удовлетворённо усмехнулся Зуев.

— А теперь пора выбираться, — сказал Закутный.

Нам ясно, что обе дивизии прекратили движение и развернулись около дорог для боя. К дорогам показываться мы, конечно, и не думали. Отряд пошёл на восток, в сторону фронта, куда двигались и вражеские части.

Идём по лесу, как по тёмному коридору. Справа и слева в 3 километрах от нас немецкие войска тузят сейчас друг друга на артиллерийской дуэли. Только бы не приблизиться к стенам этого коридора. Тогда беда... Вперёд и вперёд! Канонада не утихает. Но мы слышим её уже не справа и слева, а позади. Теперь можно уже выйти и к дороге. Она оказалась пустой. Пересекаем её.

Пройдя 2 — 3 километра, залегли в бодотистом месте на отдых. Искать другое место — нет сил. Все страшно изнурены дневным боем и ночным маршем.

К нам всё ещё доносятся отзвуки ураганной артиллерийской стрельбы двух немецких дивизий. Под нее засыпаем, под неё и просыпаемся.

Бой германцев с арийцами продолжается. Он длится уже пятый час.

Счастливо оставаться, господа фашисты! Деритесь как следует!

14 июля

Вот уже 20 дней, как мы дерёмся с фашистами в их тылу. Истребляем живую силу, громим склады, обозы... Каждый день несём потери и мы. Люди изнурены. Кое-кто из менее выносливых ослабел физически.

Но не ослабла наша воля к победе. Горячо верим в наш народ, в нашу Родину.

Плохо одно: уже дней пятнадцать мы оторваны от внешнего мира. У нас нет радио. Мы не знаем, что делается в нашей стране, где проходит фронт, как развёртывается война. Нас, может быть, считают погибшими...

Как хочется услышать только два слова из эфира: «Говорит Москва!» Только это...

Наши разведчики напрягают все усилия, чтобы достать радиоприёмник. Но где? В одном селе фашисты расстреляли всю семью сельского учителя за то, что у него был обнаружен радиоаппарат, принимавший Москву.

Мы знаем, что радиоприёмники есть в офицерских машинах. Но мы обычно не соблюдаем никаких правил этикета при встрече с этими господами — швыряем гранаты прямо в стёкла. Нам машины не нужны — мы по дорогам не ездим, поэтому после нашей «работы» от автомобилей, кроме груды обломков, ничего не остаётся.

...В наш лагерь, расположенный в густом лиственном лесу, вернулись разведчики Лидов и Парма. Докладывают командиру: в селе, в 3 километрах отсюда, немецкий гарнизон. В бинокль наблюдали из рощи — отдыхают.

— Что ещё видели? — спрашивает командир.

— Кругом немецкие патрули по три-пять человек, — добавляет Парма.

— Ещё что?

— Больше, кажется, ничего особенного, — говорит Лидов. — Ну, там девчонка какая-то тряпки стирает.

— Вы к ней подошли, что-нибудь узнали?

— Нет, нельзя было. Около неё сидели патрульные.

— Дрянь девчонка, — заявляет Парма. — Она фашистам платки носовые стирала. Выстирала, высушила на верёвке, что натянута у неё там между двух деревьев, а потом, подлиза такая, с поклоном подходит к каждому и преподносит платочек...

— Интересно, — задумчиво произнёс командир, — кто её научил такому подхалимскому обращению? Она ещё и сейчас там?

— Там ещё у неё белья много.

— Немедленно доставить её сюда.

Вскоре разведчики снова были на прежнем месте, но маленькой прачки уже не было.

— Когда она успела уйти? — недовольно бурчал Парма.

Стали шарить биноклями вдоль всей речушки.

— Вон она, хитрюга, — обрадовался Парма. — Ишь, куда забилась, под кустик.

Девочка стирала бельё в полкилометре от прежнего места. Около неё никого не было.

— Вот видишь, и наблюдательный пункт сменить успела, — сказал разведчик Парма, твёрдо уверивший себя, что он имеет дело со шпионкой.

Прошло несколько минут. Девочка полоскала, выжимала, развешивала на верёвке какие-то рубашонки, платки.

Надо было вброд перейти речушку. Когда разведчики шли по воде, девочка услышала подозрительное бульканье. Она вдруг стала торопливо увешивать бельём всю верёвку.

— Ты что тут делаешь? — грозно прорычал Парма, вылезая из воды.

— Товарищи красноармейцы, у меня радио, я слушала Москву, — пролепетала девочка.

— Москва?! — воскликнул Парма. — Где она?!

— Вот здесь близко. Только бельё снимите с антенны, а то не слышно будет.

Лидов мигом сорвал рубашонки, трусики, платочки, развешанные на проволоке. В кустах,

около корзинки с бельём, под кучей веток, был запрятан маленький радиоприёмник.

— Вон ты какая?! — удивлённо, растягивая слова и всё ещё не освободившись от подозрений, проговорил Парма. — А зачем платки стирала немцам?

— Нарочно. Чтобы они меня не тронули.

Девочку звали Люсей. Ей 13 лет. Отец её фельдшер. При появлении немцев отец поручил ей спрятать приёмник возле речки. Люся приходит сюда «стирать бельё», натягивает антенну, как сушильную верёвку, настраивает аппарат и слушает Москву: вечером голос Москвы через Люсю доходит и до всех оставшихся жителей села — стариков и детей.

Разведчики привели Люсю в лагерь и принесли приёмник. Белокурую худощавую девочку в лёгком ситцевом платье, с двумя косичками, разбросанными по плечам, окружили со всех сторон командиры, разведчики. Её засыпали вопросами. Все наперебой предлагали помочь настроить приёмник.

— Он очень капризный. Я сама, — важно говорит Люся, усаживаясь на земле и надевая наушники.

Что-то долго хрипит, свистит. Наконец, снимая наушники и передавая их командиру, Люся объявляет:

— Говорит Москва!

— Говорит Москва! — взволнованно выкрикнул командир.

— Говорит Москва! — понеслось по всему лесу, из уст в уста, от сердца к сердцу.

Стремглав сбегались бойцы к командному пункту, где находился приёмник.

— Где он?! Что услышали?

Уже не видно ни приёмника, ни его крохотной хозяйки — на зелёной лесной поляне сплошная толпа красноармейцев. На животах, на четвереньках, навалившись друг на друга, сгрудились бойцы вокруг маленького чёрного ящичка. В нём всё — связь с миром, вести о Родине, надежда на благополучный выход из окружения.

Включён репродуктор.

— Тише! — больше по привычке, чем по необходимости, обращается старший политрук Козик к бойцам. Но об этом не надо и просить — все замерли, затаили дыхание.

— ...Мы ещё раз повторяем, что... — раздался из репродуктора знакомый дикторский баритон и вдруг оборвался.

— Чёрт возьми! — вырвалось у нас разом.

— Ловите! Ловите! Скорее! — закричали мы Козику и Люсе.

Голос пропал, но зазвучала какая-то песня, потом опять хрипение, свист. Но мы сидим возле приёмника, никто не уходит.

Мы ждём. Полчаса, час, два... Ночь. Тишина. Шумит листва. Где-то далеко бухает выстрел.

— Сегодня ничего больше не услышим, — тихо говорит Люся.

Но мы все сидим и выжидательно смотрим на маленький квадратный ящик.

15 июля

Утро. Снова все заняли свои места возле радиоприёмника. Люся ловит Москву. И вдруг:

— Внимание! Внимание! Говорит Москва! Передаём статью товарища Емельяна Ярославского «Всенародная партизанская война в тылу врага».

— Ребята! Ну, как нарочно для нас. Знают, что мы сидим здесь и слушаем, — говорит Козик.

Мы ловим каждое слово, вылетающее из картонного, прорванного в трёх местах репродуктора.

— Третьего июля товарищ Сталин в своём выступлении по радио призвал советский народ отдать все силы на разгром врага...

Сталин выступал по радио с речью к народу?! А мы не слышали ничего... О чём говорил стране наш вождь?

Слушаем с напряжением, до звона в ушах, стараемся запоминать слова Сталина, приведённые в статье Ярославского. Эти слова адресованы к тем, кто остался в занятых врагом районах, — к нам.

...Создавать диверсионные группы. Для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи... поджога лесов, складов, обозов... Создавать невыносимые условия для фашистов... Преследовать и уничтожать их на каждом шагу...

Торжественно звучат эти слова в утренней лесной тишине. Сразу просветлели истомлён-

ные, исхудавшие люди, и на лицах бойцов я вижу то выражение мужества, готовности на всё, какое бывает, когда человек принимает присягу.

Да, мы присягали в эту минуту. Мы клялись великому Сталину, что выполним его приказ, что не дадим врагу ни часа покоя, что мы будем преследовать его и уничтожать на каждом шагу.

— На каждом шагу, товарищи! — громко повторяет Козик, когда радиоприёмник умолк на минуту.

— На каждом шагу! — ответили мы, и это прозвучало как клятва.

Диктор говорит уже о другом. Мы слышим его, а сами не можем вымолвить и слова — всё равно не услышат. А как хочется сказать ему:

— Товарищ Левитан, мы здесь, в лесу... Ну, что тебе стоит взять и передать всем, всем, Сталину, народу, что мы готовы драться до последней капли крови за наше правое дело? Мы уже сделали кое-что. Вот, хочешь — расскажу тебе, что произошло ещё вчера утром...

Голос диктора смолк. Передача прекратилась, а я, уткнувшись в блокнот, перечитываю самому себе бледные, наспех набросанные карандашные строки:

«Утро 14 июля. Старший лейтенант Коровов уничтожил своей группой конный разъезд фашистов — десять человек. Первый раз встретили немцев-кавалеристов — и тех в живых не оставили...

Группа бойцов лейтенанта Сахоньчика напала на немецких сапёр, чинивших железнодорож-

ное полотно. Несколько фашистов убито. Человек пятнадцать успели укрыться в цементной трубе, под полотном. Ребята окружили их с обеих сторон. Предложили немцам сдаться. Не отвечают, швыряются взрывпакетами.

— Ага, у вас много взрывчатки! Очень складно. Поможем вам дорогу «отремонтировать», — сказал Сахоньчик и приказал гранатному снайперу, красноармейцу Реуту, не промахнуться по трубе.

Реут прицелился и запустил гранату. Сразу труба всем гадам!»

16 июля

Будто сразу окрепли наши мускулы, будто горячее забурлила кровь в жилах, — до того велика и могуча сила сталинских слов, сталинского призыва, услышанного по радио в лесу... Мы обрели новое, не сравнимое ни с чем могучее оружие — частицу воли своего вождя. Мы усеем свой путь трупами фашистов, скелетами их машин, обломками обозов, будем вредить фашистам на каждом шагу!..

На командный пункт привели человека, задержанного охранением у окраины леса, в котором размещался наш лагерь. Высокий старик, в пенсне; строгое, сосредоточенное лицо; в одной руке зонтик, в другой небольшая рыночная корзинка с яйцами. Старик — работник связи, об этом говорит его форменный китель с «молнией» на левом рукаве. Однако человек вызы-

вает у нас подозрение. Да и документов у старика никаких не оказалось.

— Кто вы такой?

— Техник телеграфа из города.

— Вы и сейчас там работаете?

— Нет, немцы уволили, солдат посадили.

— А к нам как попали?

— Я вас искал.

— Нас искали? А пока только корзинку яиц нашли? Расскажите, что в городе.

— Я затем и пришёл, чтобы рассказать. А яйца в деревне купил.

Можно верить старику-технику или нет? Кто он? А вдруг подослан фашистами? Нужно было получить ясные ответы на эти вопросы. Задержанного пока что отвели под конвоем в сторону.

Вернулась разведка старшего лейтенанта Коробова. Она действовала в районе города О., в 7 километрах от нас. Разведчики подтверждают слова старика. Немцы расположились в казармах, находящихся на самой окраине города.

В разведку входил старший сержант Селин. Он хорошо знал этот город, и ему удалось побывать сегодня в домах на самой окраине. Селину показали старика-телеграфиста.

— Где живёте? — спросил Селин.

Старик назвал адрес.

— Кого знаете в горсовете?

Старик назвал ряд фамилий. У него с Селиным нашлись и общие знакомые — городок небольшой! Подозрения к старику у нас несколько рассеялись.

У командира отряда Левашова созрело решение: они ищут нас, а мы найдём их. Надо покарать карателей. Пусть только станет потемней!

Выработан дерзкий план. Задумано произвести налёт на городок, навести панику, навредить, побольше захватить боеприпасов, продуктов и отойти. Десантному отряду Левашова такие вещи делать не впервые.

— А потом, не мешает попрактиковаться в уличном бою, — сказал старший лейтенант Цвион — организатор и инструктор всех наиболее сложных и ответственных налётов отряда.

...Сумерки. Мы покидаем свой обжитой лесной лагерь. Рота старшего лейтенанта Яковлева с приданными ей двумя пушками — авангард отряда.

Густая роща на большой возвышенности близ города облюбована разведчиками ещё днём. Там же выбрана огневая позиция для орудий. Определены дистанции до важнейших целей.

Первая и самая важная цель — четыре большие трёхэтажные казармы, набитые немцами.

Ночь... Заняв рощу, Яковлев к моменту подхода всего отряда приготовился к открытию огня по казармам.

— Начнём с первого этажа, остальным и так тошно будет, — сказал он командирам орудий.

И вот команда:

«Огонь!»

Снаряды летят точно в нижние окна ка-

зарм. Слышатся взрывы, рушатся стены, что-то взрывается внутри... Огонь перенесён на другие здания военного городка.

Всё пошло, как задумано. В казармах началась страшная паника. С криками и гвалтом фашистские солдаты прыгали с верхних этажей, падали, метались во все стороны, как с завязанными глазами. Это хорошо видно при ярком свете пожара — горят казармы и какой-то склад.

Яковлевцы двинулись в наступление и вскоре перешли в атаку. На каждом шагу они натыкались на трупы. Фашисты бросились в улицы, в гражданские дома и... почему-то не стреляли.

Оттуда они выскакивали с какими-то свёртками, узлами, но уже без винтовок. Вдоль улиц бандиты удирали почти без оглядки... Как потом оказалось, в узлах было наворованное имущество. Раненые фашисты признались, что они два дня «чистили» город — магазины и квартиры. Каждый нагребил много. Но вот беда — девать некуда! Не тащить же на спине. А часть идёт дальше. Наворованное роздали по домам на хранение, номера записали, расстрелом пригрозили... Нужно быть гитлеровцем, чтобы додуматься до такой гнусности: вас ограбили и вам же отдали ваше имущество под расписку на хранение.

Позабыв о всяком сопротивлении, грабители всё же помнили о барахле, которое сейчас так «спешно» и разбирали.

Вот на дороге, уткнувшись мордой в лужу, валяется с обнажённой головой фашист. Его

прижал к земле большой чемодан, будто свалившийся на него с неба. И чемодан и сам грабитель метко прострелены красноармейской пулей. Один «хитрец» напялил на себя женский халат — для маскировки, видимо. Халат надел, а каску снять забыл. «Дама» в каске уложена пулей тут же, недалеко от кавалера без каски.

Фашисты бросили на произвол судьбы обоз, автомашины, гружённые снарядами, цистерны с горючим, пушки... Наши бойцы носят от машины к машине с горящими факелами и зажигают обоз. Стало светло, как днём. Артиллеристы налетели на фашистские орудия, вынимают замки. Везде идёт горячая, спешная работа. Надо успеть за час управиться со всеми делами. Мы зажигаем, громим, колотим вдребезги всё, что попадаетеся под руку. Отовсюду доносится грохот взрывов и треск огня.

В переулках завязался бой. Несколько опомнившихся фашистов пытаются отстреливаться и бросать гранаты из-за угла. Но вспоминается наказ командира отряда: не застревать в городских щелях — запутаешься и время потеряешь. Нужно прорываться к центру, поражать нервы города — телеграф, электростанцию. Бойцы мчатся дальше. Фашисты из переулков сами удирают. Хотят выбраться за черту города — боятся населения. Теперь, когда на улицах появились первые красноармейцы, жители указывают укрывшихся врагов.

Наша особая группа во главе с Селиным кратчайшим путём бежала к телеграфу. Она

почти на руках несла с собой выбившегося из сил старика-телеграфиста.

— Где? — торопят его бойцы, подбежав к телеграфу с переулка.

— Вот, третье окно справа!

В окно летят одна за другой четыре гранаты. Взлетела на воздух аппаратная телеграфа. Немецкой охране, расположенной у главного подъезда здания, уже нечего больше охранять.

Старик вдруг вздрогнул, схватился рукой за плечо красноармейца. По улице вслед за немцами бежал человек в мешковатом костюме, с маузером в руках.

— Он! Он! Офицер! Стрелял на площади! — лепетал старик, показывая на человека с маузером.

Сухой pistolетный треск — и перерядившийся фашист упал. К нему подбежали бойцы. Распахнули пиджак. Так и есть! — офицерский мундир...

Дело сделано. Отряд десантников в течение часа запасася продуктами и боеприпасами. Не успели мы сделать лишь одного — подсчитать убитых фашистов. Во всяком случае, их не одна сотня. Мы же потеряли пять человек убитыми да троих ранеными. Фашисты скоро придут в себя, но наш след уже простынет... Пора уходить...

— С нами пойдёте? — торопливо спросил Селин старика-техника. Тот покачал головой. В глазах его стояли слёзы.

— Нет, я стар. Ноги дрожат. Останусь здесь. Я знаю — наши придут, а я ещё помогу таким же, как вы.

Селин вместо ответа обнял старика и поцеловал его.

— Хороший ты человек, отец, смелый! Настоящий советский гражданин.

Старик завернул в переулок. Он шёл, опираясь на свой чудом уцелевший в этой схватке зонтик, и бойцы провожали благодарным взглядом его сутуловатую фигуру до тех пор, пока она не растворилась в ночной мгле...

17 июля

Наконец-то сегодня у нас «баня»! Долго мы ждали этого дня. Месяц не мылись, не меняли белья. Банный день нужен дозарезу, не меньше, чем хлеб, чем боеприпасы...

Лагерь, как всегда, в глубоком лесу, подальше от неприятеля, близко к реке. Колычев с его неизменными помощниками Макишевым, Горбушкиным и Сорокой заранее облюбовал прекрасное место для «бани», хорошо прикрытое. У берега плоты, — удобно раздеваться.

Заместитель командира Чехарин разработал «внутренний распорядок» купанья, как план самой настоящей боевой операции. В самом деле: мойся, но помни, что ты не в бане, а в тылу врага.

— Мыться будем поочерёдно: один взвод моется, другой — охраняет, — приказал Чехарин командирам подразделений.

Первым пришло к реке подразделение Новикова. Охраняющий взвод занимает оборону, остальные, прежде чем раздеться, устанавлива-

ют на берегу пулемёты, определяют сектора обстрела на случай нападения фашистов. И пулемёты и винтовки остаются заряженными.

Мы вынимаем из ранцев и бережно разворачиваем бельё, тщательно сберегавшееся нами целый месяц.

Люди бросаются в воду, как в атаку, — всем своим существом, напролом, ныряют, плавают... Другие спускаются с плотов осторожно, окуная то одну, то другую ногу.

— Эй, дядя! Замаскируйся хорошенько. Полежай скорее в воду! — кричали такому плавающим бойцы.

Что это? Шутка или серьёзное боевое предупреждение?

Не прошло и полминуты, как все сидели уже в реке, торчали лишь одни головы. Мы отмылись, отскабливались, снимали с себя месячную грязь, а кое-кто — и остатки запекшейся крови. Большой кусок мыла ходил из рук в руки. Мочалки — пучки травы с берега — были у каждого.

Наслаждение непередаваемое! Бойцы барахтались в воде, словно озорные ребяташки.

— Так бы никогда и не вышел отсюда, — говорит Новиков.

Я мылся, сидя на берегу, не разбинтовывая ноги. Друзья подносили мне в котелке воду. Но я был в таком же упоении от «бани», как и те, кто был с головой в воде. «Баня» длилась часа два. Одно подразделение сменялось другим. Людей силой приходилось выгонять из реки.

Перемылось уже большинство, как вдруг на другом берегу раздался автоматный стрекот.

— К оружию! — гремит с берега команда.

Все бросились из реки к винтовкам, пулемётам и как были голые, так и залегли около них, открыв огонь по немецким солдатам, появившимся на опушке. Перестрелка длилась около 15 минут. Немцы замолкли. Нами выслана мощная разведка. За ней — одно из вымывшихся подразделений. Неприятель оказался не сильным: какой-то запутавшийся в лесу батальон, может быть, из карательного отряда. С ним продолжалась мелкая перестрелка. Наступать и ввязываться в крупный бой мы не собирались. Но как жаль было расставаться с рекой! Месяц ждали этого дня... Да и осталось пропустить всего не больше сотни человек.

— Домываться всем, кто не мылся. Остальные — охранять! — приказал Чехарин.

«Баня» продолжалась, но уже под огнём противника. Вымылись все до единого бойца.

— Это ничего, что пострелялись. Банька, можно сказать, с парком получилась. Кое у кого из пулемётчиков, наверное, вода в «максимах» закипела, — подшучивает Козик.

Как истый пропагандист, он тут же совершает экскурсию в историю:

— Один солдат петровского времени стоял на посту на берегу Невы. Захотелось ему купаться. Раздевшись и положив ружьё вместе с бельём, он забрался в воду. Только начал мыться, как на берегу Невы появился сам Пётр Первый. Солдат немедленно выскочил,

схватил ружьё, голый вытянулся во фронт и давай рапортовать. Пётр ответил: «Ты достоин за свой поступок самой высшей кары, но так как, выскочив из речки, ты схватился прежде всего за ружьё, а не за штаны, то наказание тебе смягчается».

— Ну, а мы же не только за ружьё схватились, а даже врагу огпор дали, — смеётся Козик.

...Ночью наш отряд подходил к шоссейной дороге, которую надо было пересечь. Я ушёл вместе с Колычевым и его разведчиками к самой дороге.

Наблюдаем. Ежедневно проходят по дорогам длинные-предлинные колонны чёрных автобусов с крестами, вывозящие раненых с фронта. Хотя в них тоже фашисты, но это не наш объект. С ранеными не воюем.

Сейчас проходит перед нами такая колонна. Навстречу ей идёт небольшая регулярная часть, силой до роты. Бросаются в глаза слишком уродливые фигуры солдат: будто вместо ранцев на спинах огромные выюки.

«Что это за выючная часть? Сапёры, что ли, с материалами?» — думаем мы.

Вдруг рота остановилась возле чёрных автобусов. Поднялся страшный шум, ругань.

Надо бы нашему отряду сигнал давать — бросок делать, но мы увлеклись: подползли ближе к бандитам.

Стоял неимоверный гвалт. Раздался пистолетный выстрел. Кто-то застонал. Солдаты бросились к автобусам.

Они сбрасывали с себя выюки и пихали их

в двери автобусов. Всё не вмещалось. Наспех вынимали носилки с ранеными, грузили свои выюки, а затем больных.

— Награбленное, сволочи, отправляют, — догадались мы, наконец.

«Операция» отправки длилась минут двадцать, после чего санитарные машины продолжали свой путь, а фашистская рота отправилась «воевать» дальше.

Когда всё стихло, с дороги слышался еле уловимый стон.

Подходим вплотную. В кювете лежит прикрытый носилками едва живой раненый немец. Его во время отправки вещей забыли в канаве, а может быть, и просто выбросили братья по грабежу.

Захватив у него из-под головы документы, мы подали сигнал отряду и пересекли дорогу.

Чуть забрезжил рассвет. Я попросил доктора Мац разобраться в документах и письмах раненого.

Рядовой 152-го отдельного батальона связи Эрнст Шредер.

В тетради — недописанное письмо к жене.

Эрнст Шредер пишет жене Эмилии о прекрасных советских лесах, стройках. Он восхищается этим.

«...А скоро, Эми, ты получишь от меня гостиницу — сибирскую лисичку. Она при мне, уже упакована, получилось очень миниатюрно. Жду подходящего случая отправить. Она немножко поношена, но ничего. Скоро я буду иметь возможность поймать тебе совсем новую, прямо там, где они растут...»

«Случай» отправить лисичку Шредеру, как видим, представился самый подходящий: его гробануло до полусмерти советским снарядом, и он отправлен санитаркой в тыл. Но по дороге непредвиденное обстоятельство: друзья тоже захотели отправить гостинцы жёнам. Бандиты напали на свои же санитарные машины, загрузили их. Гостинцы уехали, а Шредер остался. Уехала и посылка Шредера. Скоро получит Эмилия «поношенную сибирскую лисичку».

И больше она уже ничего не получит. Здорово «поношенный» на войне её супруг Эрнст выброшен братьями-арийцами в кювет, как самая последняя падаль.

Не дошёл фашист Шредер до тех мест, где «растут новые сибирские лисички», никогда не дойдут туда и его братья-грабители.

18 июля

Вчера не помылся только Колычев со своей разведкой. Весь день он был «на охоте». В 18 часов пришло его донесение, присланное с разведчиком Сорокой:

«Станция Л. Ночью сюда прибудет воинский эшелон для разгрузки. По сведениям железнодорожников, грузятся в городе О. Возможно, это вчерашний карательный отряд. О Галицком, Левашове и о нас все знают. Готовы помочь скрытно. Здесь комендант — зверь. Жду приказание. Если не будем заниматься эшелонном, прикончу хоть коменданта. Колычев».

Сорока дополнил донесение ещё и другими подробностями:

— Комендант — собака бешеная. Сам видел, как расстреливает людей и избивает наших железнодорожников, которых привели готовить платформу для разгрузки.

Командир Закутный принимает решение: заняться «разгрузкой». Но это надо делать немедленно, иначе опоздаем. Лагерь снимается, и мы идём на пересечение железной дороги, находящейся в 5 километрах.

Сорока выводит отряд не к самой станции, а в 3 километрах от неё, в сторону немецкого тыла, откуда ожидаются эшелоны. На этом месте решено взорвать карательный поезд или пустить его под откос.

Отряд Левашова направился прямо к станции. Он будет атаковывать её, как только начнётся заваруха у нас на линии.

Опыта организации железнодорожных катастроф у нас ещё нет, — это будет первый случай.

Когда подошли к полотну, первая мысль — обрезать все провода. Но это не годится — не пойдут поезда. Разбирать рельсы?! Но чем? Нет инструментов.

В железнодорожной будке живёт путевой обходчик с семьёй. Тихий, скромный, лет 45 — 50. У него жена, две девочки. Мы просим весь нужный нам инструмент для разборки рельсов: гаечные ключи, «лапы» для вытаскивания костылей.

Железнодорожник отдаёт нам всё с полной

готовностью и сам идёт вместе с нами к полотну. Он нас быстро инструктирует:

— Пока я развинчиваю стык, таскайте «лапшой» костыли от рельса.

Тут же показал, как это надо делать, а сам зазвякал ключом по гайкам. Мы вдруг заметили на глазах у него слёзы.

— Что с вами? Почему плачете? — спрашивает его капитан Иванов.

— Двадцать лет здесь прожил. Вот теперь покидать надо, — тихо говорит обходчик.

— А вы пока не уходите. Будьте здесь. Мы скоро вернёмся.

— Да как же не уходить-то, ведь всё равно расстреляют. Участок-то мой разобрали.

Капитан Иванов взволнован судьбой этой советской семьи. Да, ей грозит после нашего ухода неминуемая гибель.

— Постойте, — говорит он бойцам. — Давайте сделаем немного иначе. Бомбы — в паровоз или в сцепку, рельсы снимать не будем. Но ты, дядька, — обращается он к железнодорожнику, — помни: точь в точь эту самую работу ты нам сделаешь в нужный момент.

— Сделаю, товарищи, сделаю. Скажите только, когда.

Отряд отошёл в глубь леса. У полотна осталась специальная группа человек в десять во главе с искусным гранатомётчиком Майоровым.

Дорога в этом месте проходила не по насыпи, о чём мы всё время мечтали, а в выемке. Бойцы сидели на пригорке, выше уровня рельсов метров на семь. На поезд можно будет

смотреть сверху. Бойцы вязали гранаты по три-четыре штуки вместе.

— Все по паровозу! В будку машиниста и в котёл норовите, — нащёптывал последний приказ Майоров.

По дороге из тыла загудело, залязгало.

— Дрезина, — тут же определил Майоров, бывший ремонтный рабочий на железной дороге. — За ней жди и поезда. Пропустим!

Внизу промчались две бронированные дрезины. Майоров очень сожалеет: надо бы их снять. А вдруг поезд задержится?

Но поезд на всех парах шёл по направлению к фронту, быстро приближаясь к месту засады. Дрезины уже на станции. Они дали зелёную ракету: путь свободен.

— Переговариваются, сволочи, зелёными. Мы им сейчас красную устроим, — ворчит Майоров, приготовившись к броску гранаты.

— Целься в трубу — попадёшь в будку! — кричит он бойцам под шум приближающегося поезда.

Сноп ярких искр из паровозной трубы показывает, куда бросать гранаты.

— Огонь!

Десять связок гранат полетело в паровоз. Раздался страшный взрыв. Бойцов обдало брызгами горячей воды и окутало паром.

— В котёл! Вот здорово! — приглушённо и торжествующе выкрикнул Майоров под грохот ломающихся и налезавших друг на друга вагонов. — Тягу! — скомандовал он, и смельчаки срылись во мгле.

На станции в это время действовал Левашов. Станцию ещё не брали, но за входными стрелками установили наблюдение. В случае, если поезд проскочит, — опрокинуть его на стрелке.

Взрыв и грохот крушения послужили сигналом для нападения на станцию. Первыми бросились наутёк дрезины. Девушка-стрелочница Лида быстро сообразила — направила дрезины прямо в тупик.

— Только всех до одного там кончайте, а то мне не жить! — крикнула она пробежавшим мимо красноармейцам.

С помощью железнодорожников на станции была уничтожена аппаратура сигнализации, порваны провода, взорваны стрелки, прикончен собака-комендант вместе с другими псами...

Мы скрываемся в лес... Хороший денёк!

19 июля

Наш путь уже давно проходит параллельно фронту — с севера на юг. Пройдена не одна сотня километров. Сегодня мы особенно близко подошли к фронту — километров на 20—25. Об этом можно судить и по слышимости артиллерийской канонады слева и по насыщенности дорог немецкими войсками.

Наши леса попрежнему, однако, свободны от немцев: фашистские колонны пришиты к дорогам.

Охранение у них только головное и тыловое, т. е. всё по той же дороге. Боковое же, в

лес, не выставляется: немцы боятся леса, как черти лаdana. Мы пересекли много дорог, встретили десятки вражеских колонн, в том числе и пехотных, но ещё не было случая, чтобы они имели боковое охранение хотя бы в 50 метрах.

Подлые трусы — они могут воевать только крупными соединениями, тысячетанковой массой. Они храбры только возле машины. Разъедини пехотную роту от танковой — и механизм наступления сломан.

Сегодня на заре мы наблюдали, между прочим, новый вид охранения, являющийся плодом немецкой «изобретательности».

В селе на ночёвку остановился фашистский пехотный батальон. Обычно немцы в таких случаях выставляют на околице и в переулках броневики, патрули. Но Колычев ещё ночью докладывал: немцев полное село — и ни одного броневика или танка.

— Зато собак — несметное множество, — добавил он.

— Каких собак? — недоумевали мы.

Подойдя к селу, Колычев увидел странную картину. Вместо броневиков и танков у околицы стояли... собачьи будки! Оказывается, фашисты заставили крестьян перетаскать эти конуры от домов на окраины села. При появлении посторонних собаки залают и разбудят лежащих около них фашистских патрулей.

Но трудно обмануть нашего Колычева. Он отдал свою порцию мяса собакам, и они молча пропустили его в деревню.

...Продолжаем наш марш. Пока мы не решаемся прорываться сквозь фронт — спустимся ещё южнее, там безопаснее. А потом, неизвестно, перешли ли наши девчата-посыльные фронт и сообщили ли командованию сигналы, выработанные нами на случай прорыва к своим.

Девчата ушли ещё 16 июля. Они сослужат отряду великую службу или погибнут при переходе фронта.

Где-то они сейчас? Последний день их с утра до вечера инструктировали полковник Ревуненко, капитаны Кубасов, Маслюков и старший политрук Медведев.

— Ну, ещё раз всё сначала, — требовал Кубасов, и девушки повторяли наизусть серию ракетных сигналов, которыми отряд предупредит советские войска о переходе фронта.

Особенно тщательно репетировали с девчатами допрос их немецким офицером.

— Вы откуда? — спросят девчат.

— Вот из деревни рядом.

— Почему остались, не убежали со всеми?

— Хлеб убирать будем. Бельё господам офицерам стирать будем, — бойко отвечает черноглазая, живая машинистка Лиза Семёнова.

В начале похода она всё песни да частушки распевала, а теперь вся высохла, еле ноги передвигает, приумолкла. Вместе с нами голодает, но, если получит кусочек мяса или сырую картошку, обязательно найдёт такого, кто ослабел ещё больше, чем она, и поделится с ним.

Шнипова Валя — солидная, сильная, круглолицая девушка. Она бы смело могла пару немцев за шиворот взять и крепко столкнуть их лбами. Валя — наборщица типографии, но сейчас она «наборщица» ягод, грибов.

Лида Горнак — медицинская сестра, добровольно уехавшая с нами на фронт. В смысле бодрости духа, моральной крепости её можно ставить в пример очень и очень многим мужчинам. Предприимчивая, со смелыми серыми глазами. Всё порывалась в ночные разведки с Колычевым, но мы не пускали, берегли.

— Вас ведь, женщин, всего четверо у нас, жалеть вас надо, — отвечал на эти просьбы командир Закутный.

Всё же в дневное время она и остальные девчата заходили переодетыми в занятые немцами деревни, добывали ценные сведения.

Чубикова Маруся — военфельдшер. 18-летняя, беленькая, нежная и хрупкая, как стекло, девушка. Ни военная гимнастёрка, ни сапоги, ни наган сбоку не могли придать её фигуре военной строгости. Уж очень нежное создание! Странно видеть такую на войне. Ну, а вдруг налетит на неё копоть при разрыве снаряда?.. Она очень проста, скромна, молчалива. С ранеными работает самоотверженно, успевает всех перевязать, всех обласкать. Человек перебинтован и лежит спокойно на лесном валёжнике с душистыми сосновыми ветвями под головой, а Маруся сидит около него, погружённая в мечты: хорошо бы так сделать, чтобы боль ране-

ного взять на себя, а он бы снова пошёл бить фашистов.

Молодчина Марусенька! Все её любили и уважали. Многие предлагали ей (не поймёшь, шутя или серьёзно), «как только кончится война», руку и сердце. Всем она шутливо, с нежной улыбкой отвечала, что согласна при условии, если уцелеет её собственное сердце и если предлагающий руку будет держать той же рукой Гитлера за горло.

— Вот раздобудь такой свадебный подарок, и Марусенька навеки твоя будет, — подтрунивал неугомонный Козик над каким-то высоким, с энергичным загорелым лицом красноармейцем.

Девчата занимались у нас главным образом варкой пищи, штопаньем обмундирования. Во время прорывов они, так же как и все, дрались с фашистами, стреляли из пистолетов, бросали гранаты.

Они сами предложили перейти через линию фронта для связи с частями Красной Армии. В тот день — это было 16 июля — они переоделись в крестьянское платье, распрощались, заплакали, конечно. Слезы, впрочем, были на глазах не только у наших милых девушек. Ведь ради нас они отправлялись на жертву, — возможно, на смерть.

С восхищением и тревогой смотрели мы вслед удаляющимся самоотверженным женщинам. Последний раз между деревьями мелькнули их беленькие белорусские кофточки, и нет с нами больше наших замечательных подруг.

20 июля

Свои марши по лесам и болотам мы совершаем не только с помощью карт и компаса, но и с помощью местных проводников — стариков, пастухов. Эти люди, рискуя жизнью, отправляются с нами и выводят колонну к намеченному пункту. Иногда они участвуют в наших стычках с врагом.

Уже более десятка фамилий и адресов этих самоотверженных друзей записано у меня на отдельном листочке. Когда-нибудь отблагодарим, а сейчас этот листик я держу всегда наготове, чтобы в критический момент уничтожить его и не выдать друзей.

Сегодня у нас проводником 50-летний колхозник Семён. Он хорошо знает места, а если и собьётся, на помощь ему всякий раз приходит собака Линда.

— Она у меня смышлёная. Куда с ней ни заверни, обязательно выведет, — говорит старик, поглаживая рыжую Линду.

Старик с собакой шли всё время в голове колонны вместе с разведчиками. Линда, бежавшая в нескольких метрах впереди, вдруг насторожила уши, прилегла.

— Дичь, — прошептал старик.

А Линда, будто опытный разведчик, то ползёт, то бежит, то замирает на месте. Разведчики — за ней.

Вскоре из кустов ясно донеслось хриплое рычание какого-то неведомого зверя. Линда,

посмотрев на нас своими умными глазами, приготовилась к прыжку.

Вскинуты винтовки.

— Ату!

Линда делает громадный прыжок в куст на зверя, и в тот же миг «зверь» заорал истощенным человеческим голосом.

Бросаемся за Линдой и видим, как она с остервенением рвёт на немецком солдате, который никак не может очухаться от сладкого сна, его мундир и штаны.

Солдат оказался пьяным. Это был главный пекарь немецкой походной пекарни, расположенной в соседней деревне.

Мы узнали от него, что хлеб испечён и ждёт отправки. Сам он, напившись водки, забрёл за околицу, заблудился в лесу и заснул.

Весть о хлебе, да ещё горячем, из самой пекарни, не на шутку взволновала весь отряд. Никто не мог сдержать слюнки. Ведь хлеба мы не видели уже неделю — только мясо без соли да всякая зелень.

— Атаковать! — решительно предлагает Колычев.

— Разведайте сначала, — приказывает командир.

Пленного «главпекаря», всего изодранного Линдой, разведчики забрали с собой: пусть покажет пекарню.

Через час к месту нашей стоянки возвратился Колычев со своими разведчиками и ещё десятью пленными полупьяными пекарями. Солдаты-пекари, перемазанные мукой и тестом, та-

шли на горбах мешки, нагруженные буханками хлеба. Хлеб немедленно разделили между всеми бойцами.

— А пекарня? — строго спросил Колычева командир Закутный.

— Все машины и котлы изломаны. Тесто спущено на дорогу, — отпартовал Колычев и, усмехаясь, добавил: — Здорово помогли сами вот эти бандюки, прямо хоть благодарность объявляй им за это.

Сытые, довольные удачным налётом, мы двинулись дальше...

21 июля

Сегодня с утра у нас затруднение с проводником.

— Проводник кончился, — докладывает Колычев командиру отряда.

Это значит, что провожающий нас дальше плохо знает местность, пора добывать нового. Но вот мы вошли в деревню, оставленную немцами, и всё-таки у нас нет проводника.

Гитлеровцы здесь так жестоко расправились с населением, что все убежали в леса и болота. У ворот колхозного двора мы натолкнулись на трупы пяти замученных крестьян: четверо мужчин и одна женщина.

— Вот гады, даже женщины не пощадили!

— Попадутся же сегодня — порубаю пятерых за каждого, — сурово сказал Доброленский.

И все знали цену словам этого храбрейшего командира.

— Православные! Где вы? — вдруг слышим мы старческий голос из-за конюшни.

Лёгкая дрожь пробежала по телу, — голос на пустом кладбище. Ребята бросились за конюшню. Ведут оттуда под руки осторожно шагающего седого старика.

— Кто вы, дедушка?

— Колхозник я, родные, живой человек. Ефим зовут. Не тронули меня, супостаты, безвредный я, думали.

Только здесь мы заметили, что старик смотрит своими мутными, бесцветными глазами мимо нас, куда-то в пространство. Он протягивал вперёд руку, стараясь что-то нащупать. Старик был слеп. Вот почему его сочли безвредным.

— Как же, дедушка, жить будешь? Ведь ты один в деревне?

— Знаю, я один, зато вас много.

— Но ведь мы сейчас уйдём.

— Значит, и я пойду, — решительно заявил дед.

— Тебя же, дедушка, водить надо, — с горечью говорит командир Закутный.

— Я сам дорогу знаю.

— Как же знаете, вы же не видите, — смущённо проговорил командир.

— Лучше вас, сыночки, дорогу знаю. Седьмой десяток, почитай, на этом месте живу.

И командир и разведчики стали расспрашивать старика Ефима, как идти дальше. Он точно отвечал на все вопросы, всё совпадало с картой.

— А что, если нам его с собой взять? — предложил Колычев.

— Ноги, дед, крепкие? — спрашивает командир.

— Вёрст на двадцать, почитай, без передыху хватит.

Дед, конечно, преувеличивал, но нас устраивало, если бы он с нами прошёл «без передыху» хотя бы 5 километров.

— А давно не видишь, дедушка? — спросил командир.

— С войны германской. Там отравили. Дым-газом въедливым.

Решено было деда взять с собой и оставить в какой-нибудь деревне, где есть народ.

Выделили красноармейца. Он подошёл к старику и подставил ему своё плечо, на которое тот и оперся.

Покидая колхозный двор, мы ещё раз взглянули на трупы у ворот. Около убитой пожилой женщины стоял пёстрый, с большими глазами телёнок. Он жалобно мычал, бестолково гыкался своим белым скользким носом в платье женщины, лизал её холодную, отброшенную в сторону руку...

— Телочек ещё тут? — спросил дед Ефим.

— Да, вон около хозяйки, наверно. Убитая лежит.

— Знаю, убита. Слышал. Какая только она, хозяйка-то?

— В фартуке клеёнчатом, лет сорока.

— Телятница наша Аксинья. Бойкая была баба. За телка обиженного готова была глаза

выцарапать. Ещё-то кто есть с ней? — допытывался дед Ефим.

— Четверо мужчин.

— Знаю, тоже слышал. Ефим-то Горох, тёзка мой, тут, что ли?

— Не знаем, дедушка.

— Как же не знаете бригадира-то нашего? Махонький такой, а могутный был... С клюкой берёзовой, я ещё ему делал.

По приметам старика мы безошибочно узнали среди трупов маленького старичка бригадира Ефима Гороха. Только клюка берёзовая валялась немного поодаль от хозяина...

Миновали околицу.

— Вот эта пшеница, — говорит дед, показывая вправо и влево от дороги, — из отборных сортов. Зёрнышко к зёрнышку подбирали в колхозе. То-то она, видите, какая густая, колосистая.

Мы видели густую, бескрайнюю ниву с щетинистыми колосьями пшеницы, но как её мог видеть наш слепой спутник?

— Вот теперь пора и вправо, — немного погодя проговорил дед. — Здесь ежели дорожка малая есть, то она прямёхонько на лес выведет и на ту просеку, которую вы спрашивали.

Войдя в лес, убедились, что дед на память знает не только большие, но и малые лесные просеки, знает каждый ручеёк. По запаху определяет он, какой породы деревья справа, какой слева.

Подходим к болоту.

— В давние времена здесь была погибель настоящая. До базара пять вёрст, а обходили за двадцать. Теперь вот всем колхозом обносили, прямую тропу сделали.

Зажужжали пчёлы. Дедушка предупредил:

— Сейчас пасека наша колхозная будет. Богатая, мёд на выставку в Москву возили. Там все языки от него проглатывали, говорят: наш самый душистый.

Бойцы толпой шли вокруг деда Ефима, с наслаждением слушая рассказы его про родной, богатый природой белорусский край, про зажиточную колхозную жизнь, про то, как появился у них в районе лесопильный завод, а потом смоляной...

— Бойкая жизнь началась, когда мы сами властвовать стали. Все, как пчёлки на пасеке, трудятся, работают...

Старик глубоко вздохнул и перекрестился.

Этим жестом он по-своему как бы благословлял всё то, что создано руками советских тружеников — всю великую страну свою видел слепой старик в этот момент.

10 километров прошли мы по густому лесу и болотам, просеками и бревёнчатыми переходами. Нигде ни разу не сбились. Так хорошо вёл нас невиданный проводник — слепой старик Ефим.

...Как только мы останавливаемся на длительный отдых, я принимаюсь за свою раненую ногу. Разматываю со скатерть величиной замшу, снимаю десяток метров бинтов, ворох ваты и грею открытую рану на солнце в течение 2 — 3 часов.

Это и есть «кварцевое» лечение, авторитетно рекомендованное обожаемым доктором Мац. Бедный доктор! Он так исчах, что, кажется, на лице его, кроме больших роговых очков, ничего не осталось. На привалах ему даже отдохнуть некогда. Бойцы, как только остановились, так уже и спят, а у доктора ещё полно забот о нас. А тут ещё допросы пленных, перевод немецких документов, в чём доктор Мац такой же мастер, как и в медицине.

Каждый день доктор занимается перевязкой раненых и перевязывает самого себя: идя всё время пешком, он растёр себе в кровь ноги.

Я тоже пробую идти пешком, иногда 2—3 километра, но, обессилев, ложусь вместе с другими ранеными на повозку.

Рядом, придерживаясь рукой за пояс красноармейца, хромает доктор Мац.

— Доктор! Есть местечко, садитесь, отдохните!

— Нет, у меня есть силы, — тихо отвечает Мац и не обходится без шутки: — Мне вчера на обед досталась телячья ножка. Резвый был телёнок. Вот теперь по себе чувствую — бегу, да и только.

Доктор не хочет показывать раненым, что он настолько слаб, что нуждается в повозке.

— Товарищ военврач второго ранга! Командир отряда приказывает вам сесть в повозку, — слышим мы голос красноармейца, посланного командиром.

Мац тихо ворчит что-то под нос, присаживаясь с краю на одну из повозок.

Сегодня доктор снова меня перебинтовал после солнечной ванны.

— Вы знаете маршрут? — спрашивает он. — Вам придётся принять трёхкилометровую болотную, грязевую ванну, но это ничего, после высушимся.

Нам предстояло преодолеть одно из многих болот, с которыми мы встречаемся каждый день. Повозки вместе с возницами-крестьянами отправлены рискованным путём в обход по дороге. Раненые частью пойдут сами, частью будут перенесены на плечах здоровыми товарищами.

Наш новый проводник, 64-летний пастух-поляк, дедушка Виктор, ведёт нас через болото, выбирая нетопкие, неглубокие места.

Свиду — сплошной зелёный, с массой жёлтеньких цветочков луг. Лечь бы да отдохнуть на нём. Но вот мы вступаем на этот луг. Сначала хлюпаем по какому-то заросшему мелкой осокой, упругому, будто гуттаперчевому ковру. Чуть ступишь — кругом зыбится.

Начинаются кочки и между ними вода, прикрытая мхом и водорослями. Проваливаемся в воду по колено. Ноги засасывает куда-то в бездну. Вытянешь одну — уже засосало другую. Вырвешь ногу из тины, запутаешься в траве. Водоросли, как змеи, цепкие, зелёные, обвивают ноги, и не разорвать никак. С проклятиями, с напряжением всех оставшихся у нас сил мы продолжаем прорываться дальше. Отвоёвывать метр за метром у болота куда тяжелее, чем вести бой с противником.

Вот уже час, как мы барахтаемся в этом

болоте, а прошли только километр. Впереди тянется всё тот же коварный и противный, с жёлтыми цветами луг, и не видно ему конца. Скорее бы в лес, скорее бы в сухое место!

Проваливаемся по пояс. Раненым и сильно ослабевшим только и спасенье на кочках. За эти малюсенькие островки спасенья мы хватаемся обеими руками, чуть не зубами. Только бы не утонуть!

Мы растянулись на всё болото в длинную-предлинную цепочку. Прошло два с лишком часа. Время от времени вдруг раздаётся стон утопающего, мольба о помощи.

— Где он?

Видна спина, вещевой мешок, а голова уже погрузилась в воду, — мох не даёт затонуть сразу.

— Хватай! — командует кто-нибудь из бойцов.

И откуда ни возьмись, к нам приходит и сила и энергия. К гибнущему прыжками бросаются со всех сторон товарищи. Вытаскивают за шиворот, трясут... Из носа течёт вода. Человек, как полусонный, не понимает, что происходит вокруг. С головы и плеч его свисают скользкие зелёные водоросли. Постоит — и опять бредёт на буксире у товарища, держась за ремень или палку.

Вскоре вся колонна превращается в сплошной буксир: соединились ремни, палки, винтовки, верёвки и даже чья-то длинная цепочка с часами...

Нещадно палит солнце. Хочется пить, но

кругом лишь грязь, и мы припадаем к ней пересохшими губами. Только теперь я знаю, что такое жажда... Время от времени отдыхаем после мучения в этой зелёной паутине. Каждому достаётся по кочке. Редко кто садится. Большинство вот так, как и я, — навалились животом на кочку, свесились на две стороны, как мешки, перевязанные пополам. Вот и отдых. Некоторые в «обнимку» с кочкой даже засыпать ухитряются. Но ненадолго: обязательно свалятся и начнут бултыхаться.

Снова по цепочке команда:

— Поднимайсь! Марш!

Болото в 3 километра мы преодолевали почти три часа, хотя и очень торопились, опасаясь, как бы не прихватила нас здесь вражеская авиация.

Мы уже были на краю болота. Входили в лес. Сильные бойцы выводили последних ослабевших, выносили раненых. И тут нас всё-таки подловил фашистский самолёт-разведчик.

Сделав над нами три круга, он спешно ушёл на запад. Мы знаем: теперь приведёт бомбардировщиков.

Надо бы скрываться дальше, в глубь леса, но мы даже перед явной угрозой смерти не можем ступить и шагу. Все свалились на землю, измученные, мокрые, бессильные... У нас есть, конечно, надежда — наши замечательные герои, Колычев с разведчиками. Они тоже устали и непрочь были бы растянуться на валежнике да отдохнуть как следует. Но эти неугомонные, вечно насторожённые и какие-то железные люди

знают свой долг перед товарищами, врага никогда не просят.

Колычев во все стороны послал разведку. На горизонте замечена вражеская красная ракета. Других ракет не видно, стрельбы тоже нет. Знаем: это обозначение стоянки вражеской части для своих соседей и для авиации. Это делается каждый день к вечеру, в одно и то же время.

— Пусть будет красная, — насмешливо промолвил Колычев, продолжая рассказывать по нашему «сонному царству». Он нагибается над бойцом и вкладывает в расслабленную его руку выпавшую винтовку.

Забыв обо всех муках, я невольно люблюсь этим изумительным человеком, талантливым разведчиком с лицом нежной девушки и с сердцем льва...

И всё-таки я засыпаю. Точно тонны гирь придавливают меня к земле. Не хочется думать ни о чём, даже о предстоящем прилёте стервятников.

— Ну, их всех к чёрту! Всё равно не попадут, знаем их меткость.

Над нами гул фашистских самолётов. Полу-сонные глаза вдруг резануло ярким красным светом, — это Колычев пустил вражескую опознавательную ракету — сигнал: здесь стоит немецкая воинская часть.

«Перепутал всё наш разведчик», — решили, очевидно, бомбардировщики. И, описав полный круг на предвечернем небе, ушли восвояси.

22 июля

Полночь. После недолгого отдыха Закутный сказал:

— В следующую ночь будем переходить линию фронта. Сигнал, посланный с девушками, наверное, уже передан своим.

На фронте тихо. Ни артиллерийской, ни ружейной перестрелки не слышно. Мы считаем, что линия фронта проходит от нас в 20 километрах.

Колонна тронулась. Цель — до рассвета максимально приблизиться к фронту, притаиться на день в глубоком лесу, подготовиться для последнего броска. Надо суметь это сделать очень тонко: и немцев прорвать и не быть расстрелянными огнём своих войск. Для этого у нас готовы ракеты, посланы девушки через фронт. А вдруг они ещё не передали наши сигналы?.. Хуже всего, если после стольких дней борьбы с немцами погибнем от своих же пуль и снарядов.

Вернулись люди Колычева.

— Впереди дорога с войсками, — докладывает на ходу разведчик.

— Справа закрепились солдаты, — сообщает другой.

— Слева проволока и окопы с немцами, — добавляет третий.

— Что за чертовщина! — изумляется командир. — Зачем здесь проволока?

Движение колонны на час прекращено. Идти пока некуда: с трёх сторон неприятель, с четвёртой — болото. Выяснили: слева у нас

или одна из самых тыловых немецких линий обороны или запасная.

— Здесь оставаться нельзя ни минуты, немедленно пройти окопы с тыла и снова в лес, — приказывает Закутный.

Мы подкрадываемся небольшими группами к окопам. Бесшумно прикалываем дозоры тылового охранения. Все они принимали нас за идущее к ним подкрепление. Не успевали они спросить пароль, как специально выделенные бойцы уже накрывали их палатками.

Трудно поверить, но мы буквально шагали через спящих в окопах фашистов. Делали это тихо, спокойно, зная, что ночью преимущество на нашей стороне.

Лишь передовые немецкие посты и секреты, когда им наступили прямо на спины, подняли тревогу. Раздались выстрелы, выкрики, всполошённо застрочил пулемёт, но поздно. Мы уже были за проволокой, в дремучем лесу, и лишь шальные пули время от времени свистели над нашими головами.

На бруствере какого-то окопа я подобрал в темноте маленький мешочек с крупой. Обрадованный, засунул его в карман: «Утром полакомлюсь кашей». На рассвете, во время привала, решил похвастаться находкой. Вынимаю — и перед глазами самый обыкновенный мешочек артиллерийского заряда с немецкой надписью. Внутри зернистый чёрный порох, из которого я собрался варить кашу...

Но где мы находимся? Не может быть, чтобы нам удалось так безболезненно, без вся-

жих потерь перейти линию фронта. Сомнения вскоре подтвердились.

Разведка донесла, что впереди село Любань, что это село только что оставлено немцами, но весь район вокруг него занят ими.

Значит, мы попрежнему в тылу врага...

Тем временем к нам в лес приковылял из села хромой сторож сельсовета.

— Уж который раз спрашивают сегодня по телефону какого-нибудь начальника, — говорит он Закутному.

— На русском языке?

— На русском. До этого, конечно, и немчура говорила.

Долго раздумывает командир.

— Стоит послушать, — наконец, решительно заявляет он.

Я прошусь с ним. Под сильным охранением мы с Закутным пробираемся в село и скрываемся в траве на огороде.

— Ну, кто кого обдурит? — шутит Закутный. — Кто-то ловит нас на удочку...

Мы у аппарата. И вот какой произошёл разговор:

Закутн ый. Какого вам надо начальника? Сельсоветского?

Голос в трубке. Нет, нам нужны военные. Есть у вас там военные?

Закутн ый (шутливо). Да, водятся понемножку. А вам каких — немецких или русских?

Пауза.

Голос в трубке (сердито). Не валяйте

дурака. Отвечайте, кто вы такой: немец или русский?

Закутный (насмешливо). И я вас точь в точь хотел спросить о том же.

После перебранки разговор возобновляется.

Голос в трубке. Если вы не скажете, кто вы такой, — я вас прикажу арестовать.

Закутный. Это ещё посмотрим, кто кого арестует.

Голос в трубке. Назовите свою фамилию, — может быть, разберёмся.

Закутный. Это мне не жалко. Пожалуйста — Закутный.

Голос в трубке. Что за чёрт?! Закутный?! (И уже выкриком). Слушай, Закутный, а как ты сюда попал? Я — Судаков.

Закутный (в недоумении, морща лоб, напрягает память). Что-то не помню...

Голос в трубке. Ах, ты, чёрт этакий! Да мы же с тобой вместе диссертацию по топографии в академии защищали.

Закутный (поражён). Слушай, неужели?! Ты?! Судаков?!

Далее разговор между двумя командирами происходил на сплошных восклицаниях и намёках. Ясно одно: Судаков говорит из действующей армии, части которой расположены отсюда в нескольких километрах. Сейчас он пришлёт сюда роту броневиков, которая и уведёт за собой весь наш отряд.

Как хорошо, что, несмотря на образовавшуюся линию фронта, уцелели провода местной связи!

Закутный и я в неописуемом восторге. Но что-то щемит внутри. После тридцати дней пребывания в окружении врага трудно поверить, что мы уже почти дома.

— А вдруг это всё-таки немец? — сомневается Закутный.

С меня слетает пыл восторга. Шутка сказать: целая рота броневи́ков! Приедет сейчас, мелькнёт своими белыми черепами на башнях да и покажет нам, что такое телефонный разговор. Ах, как мы были неосторожны!

Вернулись в рошу. Закутный расположил отряд полуко́льцом у опушки против места, назначенного для свидания с бронеротой. Бойцы приготовили связки гранат.

— Ещё раз повторяю, — обращается к бойцам Закутный, — будьте осторожны. Могут оказаться самые настоящие наши.

Поднимая вихрь пыли, на просёлочной дороге показались бронемашины. Подъезжая к роше, они мгновенно развернулись для атаки. Пушки направлены прямо на нас. Вот-вот грохнет залп. Но машины с визгом остановились. Из верхнего люка головного броневика показался советский командир-танкист.

Он крикнул громко на чистом русском языке:

— Товарищи бойцы Красной Армии! Кто здесь есть? Пусть выйдет хотя бы один командир.

Вперёд выступил из-за деревьев Закутный. Откровенно говоря, он не имел права рисковать. Мы видели, как Закутный подошёл вплот-

ную к машине, поздоровался с командиром и, чтобы окончательно убедиться, что перед нами свои, попросил открыть люки всех машин. Всюду он видел наших, советских бойцов в форме бронетанковых войск.

— Выходите, товарищи! — радостно крикнул Закутный, обращаясь к нам.

— Свои! Свои!

Опустились руки с гранатами. Все бросились через опушку к машинам. Бойцы облепили броневики со всех сторон, прикрывая их своими телами.

Трудно описать эту необычайную встречу. Люди обнимались и целовали друг друга. Бойцы обнимали броню и стволы пушек и пулемётов родных машин, гладили их руками, как живых. И я не мог удержаться — обнял смущённого танкиста и звонко расцеловал его.

Трогательная встреча была внезапно прервана строгой командой Закутного:

— Вперёд, марш!

Разведка донесла о близости врага.

Быстрее за машинами. И колонна под охраной броневиков, в предвечерней дымке, двинулась форсированным маршем навстречу своим войскам. Вскоре мы уже вступили на позиции частей Красной Армии.

Эх, жаль, что на радостях невозможно крикнуть «ура» на весь свет, на весь фронт... Ну, ничего, оно пригодится нам при первой же атаке фашистских гадов!

Мой первый вопрос к командирам, встретившим нас:

— Где генерал-майор Галицкий? Как его части?

— Генерал Галицкий несколько дней назад вывел все свои отряды, пройдя по тылам врага свыше пятисот километров. Бойцы и командиры его отрядов влились в крупное соединение, командовать которым назначен Галицкий.

Вот это чудесно! Значит, ещё повоюем!

— Получены ли наши сигналы? Перешли ли фронт четыре наши девушки?

— Нет, сигналы не получены, девушки ещё не перешли.

Известие тяжёлое, но хочется верить, что девчата не погибли, что они перейдут фронт или будут самоотверженно продолжать борьбу в тылу фашистов.

Вот когда я с особенной яркостью вспомнил историческую справку о дивизии. Ведь она с самого своего зарождения знает, что такое вражеское окружение.

В июле 1918 года части 1-й Красной Армии на восточном фронте оказались в глубоком мешке у белогвардейских банд Каппеля. Так называемый Сенгилеевский отряд в три тысячи штыков оказался в полном окружении, и его считали погибшим. Но вдруг, через несколько дней, штаб отряда подал свой голос со станции Майна, занятой незадолго до того противником. Отряд прорвал кольцо врага, сохранив артиллерию и всё имущество, и теперь шёл на соединение с основными частями своей армии...

Листаю блокнот, где у меня есть выписка о происхождении дивизии. Вот она. Это из

воспоминаний политкомиссара 1-й Красной Армии В. В. Куйбышева:

«...Мы обрели значительное увеличение наших сил. Бывший долгое время в окружении, прорвавшийся через ряды противника, отряд пришёл к нам закалённым, спаянным, дисциплинированным и составил основное ядро Симбирской дивизии, покрывшей себя впоследствии громкой славой».

Мне ещё многое об этом расскажет бывший боец Сенгилеевского отряда, ныне секретарь дивизионной партийной комиссии тов. Павлишко. Павлишко также вышел сейчас из окружения.

История повторила свой суровый пример.

...Мы в Гомеле. Прежде всего помыться и сменить вконец истрёпанное обмундирование.

В госпитале меня посадили в горячую ванну. Непередаваемое блаженство охватило всё моё существо до кончиков нервов.

Лежу — и не верится. Неужели вырвались?! Нет... Разве Колычев не в разведке? А взорванный поезд?.. Гады ведь не усмирёны. Драться будем сегодня, как и вчера и позавчера. Ах, это проклятое вчерашнее болото, чуть не осталось там навсегда... Как это назвал его доктор? Ах, да, трёхкилометровая ванна!.. Но ведь я и сейчас в ванне. Да разве сравнить? До чего сладко!

...Я тону, захлёбываюсь, кричу во всё горло, хватаюсь руками за что попало. Схватил что-то железное, гладкое. Держусь изо всех сил. Пытаюсь вспомнить: не было же на карте, чёрт

возьми, никакой переправы. Какую же реку мы форсируем?

— Не кричите, товарищ Поляков, — успокаивает меня чей-то ласковый голос.

Очнулся. Цепко держусь за края ванны. Меня поддерживает запыхавшийся санитар. Приготовив ванну, он вышел на минутку, а я в это время уснул и... начал «тонуть».

...Через час я разговаривал из Гомеля по телефону с Москвой. Редакция поздравляет меня с благополучным выходом из окружения.

— Так и знали, что выйдете!

Я что-то бормочу в волнении. Хотел сказать многое...

— Ладно, после всё расскажете. Немедленно на самолёте в Москву! — приказывают из редакции...

* * *

«...Моя Родина, мой народ ведут Великую Отечественную войну с гитлеровскими ордами. События проносятся бурей...» Этими словами я начал свой корреспондентский дневник.

Буря событий не утихла. Она попрежнему бушует с ожесточённой силой. Но я ясно ощущаю: главный удар буря принесёт тем, кто её посеял. Я в этом глубоко убедился, находясь целый месяц в тылу врага, в его зверином окружении.

Каждый день я видел этих выкормышей Гитлера, вместе с другими истреблял их. Это не люди, а стреляющие автоматы без души и сердца. Подлые трусы, которых, как крыс, гоняли отряды Шуки, Колычева, Доброленского.

Враг, конечно, ещё силён, жесток и коварен, но он будет сломлен нашей силой, нашей волей к победе. В войне с фашистами победить можем только мы — наша Родина, наш народ. С этой верой мы будем воевать и дальше...

БЕЛЫЕ МАМОНТЫ

История пяти „КБ“

І. КИРОВЦЫ

Глазом не окинешь, на коне за день не об-
скачешь этот раскинувшийся на многие кило-
метры завод-гигант. Над десятками труб раз-
веваются длинные чёрные и белые гривы дыма.
В раннее сизое утро с обычным здешним трид-
цати — сорокаградусным морозом жарко дышит
завод. Слышен гулкий металлический рокот.

Люди на заводе работают день и ночь. Они
не знают устали, отказались от выходных, от
праздников, потому что они не просто рабо-
тают, — они воюют, как и вся наша страна.

— Разве сынки-то наши на позициях с вы-
ходными воюют? — сказал один из старых
рабочих завода.

На базе одного из уральских заводов, в глу-
боком тылу нашей страны, развернулся эвакуи-
рованный из Ленинграда завод старых путилов-
цев — Кировский завод. Часть рабочих оста-
лась защищать родной Ленинград, а несколько
тысяч были посажены на самолёты и быстро
доставлены сюда.

Они высадились здесь, как могучий боевой десант. Семьи оставлены дома. Не всякий имеет постель. Впрочем, нежиться некогда, был бы топчан да подстилочка лёгкая. Работать приходится по двенадцати—шестнадцать часов в сутки.

Кировцы прибыли на Урал делать танки — самые мощные танки, бронированные подвижные крепости для Красной Армии.

— Кировцы приехали, — заговорил тогда о них весь Урал.

А через несколько дней от Свердловска до Магнитки рабочие и руководители предприятий почувствовали, что значит работать по-кировски во время Отечественной войны.

Война не ждёт, война требует оружия, машин и прежде всего самолётов и танков.

Фронту надо дать танков столько, сколько он требует. Таков был лозунг нашей воюющей страны. Под этим лозунгом и началось горячее пролетарское содружество ленинградцев с уральцами.

Заказы кировцев летят во все концы Урала. Напрягла свои мощные силы Магнитка. Заводы начали быстрее и энергичнее плавить чугун, лить сталь, отковывать броневые плиты.

Кировцы в Ленинграде тоже делали танки и выпускали их с заводского двора прямо на фронт, но фашистские самолёты всё время мешали работать.

— А вам кто мешает? — спросил рабочих-уральцев в первый же день своего приезда директор Кировского завода тов. Зальцман — Герой Социалистического Труда.

...Цех сборки и сдачи самый грандиозный из новых цехов на заводе. Отсюда готовым танкам, как только откроют ворота, одна прямая дорога — с цементного подъёма на железнодорожную платформу и далее на фронт. Под его высоченные своды заходят целые железнодорожные составы с заготовками, в цеховом поднебесье движутся по карнизам мощные краны, а другие с поднятыми хоботами бегают по цеху.

В воздухе, плавно покачиваясь, передвигаются в разных направлениях многотонные остовы будущих танков, башни, орудия, моторы. Всё сваривается, клепается, монтируется, проверяется, — рождается танк. Последний раз подхватит его, как маленького ребёнка, самый могучий заводской кран, поестует немного в воздухе, пока девушки-малярки покрывают его белоснежной краской, точно пеленой.

Дитя завода выходит в свет. Испытатели отправляются в танке на танкодром, гоняют машину на предельных скоростях, заставляют вертеться юлой на одном месте, брать препятствия, лазить в овраги. На полигоне испытываются пушки и пулемёты.

И танк-дитя мужает, становится могучей боевой машиной, способной на любые дела, готовой прославлять тех, кто её породил, и тех, кто поведёт в бой.

Начальником цеха сдачи работает старый путиловец, коммунист Алексей Семёнович Волков. Небольшого роста, сухощавый, с запылённым продолговатым лицом, с беспокойными и ясными серыми глазами. Уже во время

Отечественной войны он награждён правительством за отличное выполнение важных военных заказов орденом Ленина, а до этого он имел орден Трудового Красного Знамени и медаль «За трудовую доблесть». Одиннадцать лет Алексей Семёнович собирает танки. Он первый собирал и выпускал мощную советскую машину КВ — Клим Ворошилов.

Кто не знает этой бронированной крепости — флагмана наших танковых войск? На снимках и картинах этот танк мчится с трепещущим на нём красным знаменем, как символом победы в грядущих боях.

Зимой 1939 года танки КВ, выпущенные кировцами, отправились бить белофиннов. Выехал на фронт со своей бригадой и Алексей Семёнович Волков. Рабочие бригады действовали на фронте, как бойцы: механики-водители Игнатьев, Ковш и Ляшко водили танки в бой. Моторист Истратов и сам Волков на ходу ремонтировали боевые машины.

Эта самая фронтовая пятёрка продолжает и сейчас работать вместе с Волковым в его цехе. Игнатьев и Истратов — старшие мастера, Ляшко и Ковш — бригадиры. Все награждены орденами Советского Союза. Истратов — трижды орденосец.

Тщательно, с «рабочей придиркой», подходят здесь люди к своему делу. На рабочего, допустившего брак, Волков обрушился резко, даже грубовато, не без крепких слов.

— На немцев работаешь, я тебя спрашиваю? Молодой рабочий стоял под пронизываю-

щим взглядом серых глаз Волкова и чуть не плакал.

— Лучше вычитите, Алексей Семёнович. Сутки буду работать без оплаты, только не надо этими словами... убийными...

— Только чтобы не барахлить больше, — строго сказал Волков, отпуская парня-слесаря. — Фронт ведь у нас.

— Да, фронт, — сказал подошедший директор завода тов. Зальцман. — Неверно обточенная одним рабочим деталь может свести на-нет усилия тысяч рабочих, производивших танк. Танк остановится на поле боя, погубит себя, погубит боевую операцию, вызовет жертвы в рядах бойцов...

...В шлифовальном цехе над одним из станков висит красный флажок «За стахановскую работу». За станком стоит круглолицая девушка в красной косынке, с кудряшками. В ушах небольшие перламутровые серьги. Девушка привычными движениями управляет рычагами станка. Шлифовальный круглый камень брызжет фонтаном искр, обрабатывая деталь.

Мастер сообщил: станок местной уральской работницы Анны Мартяновой. При норме двадцать четыре детали в день она делает сотню.

В перерыве увиделись с Мартяновой. Очень живая, разговорчивая. Муж — боец на фронте, артиллерист.

— Праздник у меня нынче, — радостно говорит Аня Мартянова. — Вчера письмо от него получила. Три месяца ничего не было слышно.

— На радостях-то и работа, наверно, спорится? — спрашиваю.

— Да ещё как, — Аня весело улыбается. — Пусть не думает он, что один только воюет. Пишет, что они знамя гвардейское получили. Мы своим цехом к концу месяца тоже думаем на Красное Знамя выжать. Тоже гвардейцы.

Сейчас трудно живётся. Пусть на обед часто жидкая каша. Давно не были в театре, не видели последней музыкальной кинокартины. Но зато какой восторг, какое душевное торжество поднимается в каждом, когда он, выходя с завода, встречается с очередной машиной, идущей с испытаний на танкодроме. Один вид стальной движущейся крепости заставляет забывать все тяготы военного времени.

Костя Владек, молоденький ученик ремесленного училища, кропотливо, с серьёзным видом, с отвисшей нижней губой, упорно нарезает какие-то болтики к танкам. Он даже сам не знает, в каком месте они будут поставлены.

— Ты тоже танки делаешь? — спросил я Костю.

— А то как же? — гордо ответил он, вертя в руках болтик. — Вот этой штукой как треснет по фашисту, так и амба. Одно мокрое место останется...

...На заводе я встретил Татьяну Михайловну Фрунзе — дочку знаменитого полководца Красной Армии. Она военный техник и работает в лаборатории завода.

— Вот, вместе с нами танки делает, куёт победу фронту,—сказал про неё тов. Зальцман.

Круглое лицо, подтянутая, стройная, военная фигура — всё это у Тани от отца, Михаила Васильевича Фрунзе. И глаза такие же — смелые, глубокие, ясные.

II. УЧЕБНЫЙ ТАНКОВЫЙ ЦЕНТР

Рядом с заводом, где делают танки, на другом комбинате, называемом учебным танковым центром, готовят танкистов.

Танковый центр готовит сработанные между собой подразделения и экипажи на те машины, которые выходят из ворот завода. Готова и испытана машина, а к этому времени к ней уже готов, обучен и тщательно испытан танковый экипаж.

За десять дней до выпуска из учебного центра и отправки на фронт экипажи очередного маршевого батальона прикрепляются на заводе к так называемым коробкам — броневым остовам своих будущих танков. Вся жизнь экипажа с того момента протекает в этой самой коробке.

Вместе с бригадами рабочих танкисты занимаются оборудованием машины, внутренним и внешним: машина одевается в катки, гусеницы, ошестинивается дулами пушки и пулемётов. Внутри устанавливается мотор, трансмиссия, радиостанция, оптика.

Вскоре машина оживает, начинает рычать своим могучим мотором, моргать электрофара-

ми, подавать робкий голос сигналом, прося людей расступиться в стороны — сейчас она пойдёт...

К выходу готовилась пятёрка мощных танков КВ. Это целое подразделение, которым командует двадцатитрёхлетний лейтенант Астахов, высокий, с решительным лицом и улыбающимися, вкрадчивыми глазами. Астахов уже участвовал в Отечественной войне, был ранен и теперь снова готовится выехать на фронт.

С его бойцами я знаком уже несколько дней, наблюдая их кропотливую бессменную работу на сборке своих танков.

Сегодня танкисты совсем не похожи на вчерашних закопчённых, промасленных мастеровых. Они отмылись, принарядились: надели новые комбинезоны, повынимали из карманов белоснежные носовые платки.

Сегодня последние испытания и людям и машинам.

Завод — один из учебных «классов» танкового центра. Другой класс — артополигон, третий класс — танкодром, четвёртый класс — чистое поле и лес километров на сто, где проходит тактическое учение.

Военинженер 2-го ранга Новоторцев, старейший испытатель боевых машин Кировского завода, работает сейчас старшим преподавателем танкового центра по изучению материальной части и вождению. Он неразлучен с другим старшим преподавателем — артиллеристом майором Шевазудским.

— Сегодня, Фёдор Петрович, на паях

работаем? — сидя за завтраком, говорит он Шевазудскому.

«Работать на паях» на языке преподавателей-танкистов означает — проводить занятия всего экипажа одновременно и по стрельбе и по вождению.

— Так точно. Посмотрим, как ваши водители на пути к полигону в углы домов вмазывать будут, — шутливо замечает майор.

— Э-э! Нет, товарищ майор. Вот мы, очевидно, будем иметь удовольствие видеть, как начнут вмазывать в божий свет ваши артиллеристы, — парирует Новоторцев.

— Ну, уж это вы хватили. Вы будете, конечно, иметь удовольствие, но только не от «маза», а от метких попаданий по целям.

...Пятёрка КВ Астахова идёт на танкодром. Командуют машинами лейтенанты Астахов, Чиликин, Калинин, Ефимов, младший лейтенант Гомозов.

Яркое морозное утро. Сверкающий на солнце снег режет глаза, а сорокапятиградусный мороз обжигает кожу. Но мотор бесперебойно и ритмично порождает огонь.

...Огромные стальные мамонты проходят по главной заводской улице, сотрясая здания, пресуя снег. Не задев ни за один угол, они благополучно прибыли на танкодром. Танкодром пересекали овраги, речушка, рощицы дубняка. Еле заметным пунктиром проглядывала из-под глубокого снега линия надолб. Командир маршевого батальона капитан Глушков вместе с Новоторцевым и Шевазудским поставили перед

Астаховым тактическую и огневую задачу: атаковать в лоб сильно укреплённый оборонительный рубеж «противника» и далее подавлять огнём и гусеницами его танки и артиллерию.

Танки, выйдя на исходный рубеж для атаки, рванулись вперёд. Массивные надолбы хрустели под гусеницами, как кусочки сахара на крепких зубах. Не задерживались машины и на противотанковых рвах. Но вот впереди крутой заснеженный край оврага. Вся пятёрка машин, миновав фарватер оврага, бросилась на противоположный срез его, но... одна за другой стали «юзом» сползать обратно и буксовать на месте по мёрзлomu скату.

Ещё несколько бросков, но безрезультатно. Атака не удалась. Новоторцев высадил экипажи из машин.

— И это называется танкисты?! На мощных танках КВ? — потрясая кулаками, возмущался он. — А вы, тоже механики, — бросил он в сторону водителей, — вы что, ишака на верёвке ведёте или мощный танк?

Водители, потупившись, молчали, искоса поглядывая на проклятый мёрзлый край оврага. Оскандальлись, думали — берег, как летом, рыхлый, доступный, а он настоящий гранит.

— Сейчас машину поведу я сам, — объявил Новоторцев и полез в люк ближайшего к нему танка.

Машина загудела. Все стояли и смотрели. Раза два прошёлся инженер на танке вдоль оврага, а затем решительно рванулся через него. На противоположном берегу танк сначала тоже

забуксовал и, словно испугавшись крутизны, начал сползать обратно. Но вдруг резкий поворот вправо, затем влево, танк зигзагами стал карабкаться вверх и взял берег. Из люка, размахивая кулаками, показался инженер. Он что-то кричал, непрерывно тыча правой рукой в пройденный путь. Вернувшись, он сказал, что покажет ещё один способ атаки — с разгону.

— Вон видите, там зацепка есть — кусты, а на самом срезе дерева. Вы думали, что там в деревья воткнёшься и тебя не вынесет на берег. Не цените вы ещё силы своей машины.

Новоторцев повёл машину на поросший кустарником берег, прямо на крутой откос, где стояло одинокое с оголёнными корнями дерево. Бросок был прямолинейным и настолько стремительным и мгновенным, что я едва уловил, как танк ударил в самые корни дерева, и оно рухнуло на машину, отколов от берега большую глыбу. Выемка оказалась как бы ступенькой для танка. Через неё Новоторцев и вырвался на противоположный берег.

— Вот это да! — восхищались танкисты.

Прошёл час, и машины одна за другой послушно повторили то, что сделал танк Новоторцева.

С нами на танкодроме была и Таня Фрунзе — она крепко дружит с танкистами. Каждый успешный манёвр машины приводил её в восхищение. А танкисты любовно посматривали на Таню, видимо, гордясь тем, что она видит их ловкость и сноровку.

Артиллерийская стрельба происходила уже ночью. Майор Шевазудский, вначале обидевшийся на Новоторцева за то, что тот затянул вождение, теперь сам был весьма доволен. Ночная стрельба — это уже фронтовой вариант.

Стрельба проходила удачно. Метко били из пушек, пулемётов с хода и с коротких остановок. Разбили в прах и развеяли по ветру фанерные мишени. Да и не мудрено: четыре экипажа из пяти участвовали в Отечественной войне, метко били немцев.

...Поздно ночью вернулись к себе в батальон танкисты. Повар Ковтун совсем заждался их с горячим обедом. Комиссар батальона Лукаш, высокий человек с нахмуренными бровями, вышел нам навстречу. Он сам только что вернулся с занятий другого подразделения.

Зашли в ленинскую комнату. На щите красовались вырезки из газет.

— Стараемся готовить всех вот такими, — сказал Лукаш, указывая на одну из заметок.

Это была вырезка из центральной газеты. В ней описывались героические подвиги одного экипажа танка КВ: лейтенант Баканов, механик-водитель Шабалин, командир орудия Вершинин, радист Сивков, моторист Вохлов в первых же боях своим танком уничтожили семнадцать орудий противника, несколько десятков огневых точек и сотню фашистских автоматчиков и стрелков.

— Ребятки-то из нашего батальона, — с довольной улыбкой сказал комиссар.

III. БРОНЕВОЙ ЭКСПРЕСС

Знакомая нам пятёрка КВ осторожно вползает на громадные платформы. Паровоз под парами. Экипажи выстроились вдоль вагонов.

Здесь же рабочие, инженеры завода — все, кто создавал танки-мамонты, готовил танкистов. Зальцман оживлённо беседует с начальником танкового учебного центра Шестопаловым. Старик Худяков степенно разглаживает свои пышные усы. Вот улыбающаяся Татьяна Фрунзе, Новоторцев, Шевазудский, военпред Шпитанов...

— Машину, сделанную заводом имени Кирова, после испытания в полной боевой готовности сдал! — рапортует старший бригадир-орденоносец Борисов.

— Машину в полной боевой готовности принял! — отвечает командир первой машины, он же командир пятёрки танков, лейтенант Астахов.

Бригадир Ковш передаёт машину командиру танка Чиликину, бригадир-орденоносец Соколов — командиру Ефимову, бригадир-орденоносец Крюков — командиру Гомозову и бригадир-орденоносец Ляшко — командиру Калининцеву.

С кратким напутственным словом обратился к танкистам Зальцман:

— Свою кровь и пот вкладывают рабочие наших заводов в эти замечательные машины. Отдавая их вам в руки, мы призываем вас, товарищи танкисты, тараньте, давите, расстреливайте ненавистных фашистов. Освобождайте

наши города и сёла, добивайтесь полной победы нашей страны. А о чём особенно просим мы вас, дорогие ребятки, дайте покрепче немцам около любимого нашего города, родного города кировцев — Ленинграда.

Отвечал от имени танкистов Астахов:

— Будет всё сделано, товарищи кировцы, так, как вы просите. Обещаем драться на этих машинах, не щадя ни крови, ни жизни. Будем бить фашистов по-сталински, по-кировски.

Зальцман торопливым движением устремился к Астахову, обнял его.

Бойцы прощаются с родными и знакомыми.

Подошёл к своей жене, скромно стоявшей поодаль, и лейтенант Астахов. Она не спускала глаз с дорогого ей человека.

Астахов познакомил меня с ней ещё накануне. Смуглолицая, с большими карими глазами, полными детской наивности. Чутьочку пухлые, красиво очерченные губы. Живут молодые супруги всего полтора года. Она недавно окончила медицинский техникум...

Здесь, у вагонов, в последние минуты перед отправлением эшелона, Лена Астахова вела себя менее твёрдо, чем накануне. Когда подошёл муж и положил ей руки на плечи, она не выдержала. Часто-часто замигали ресницы, молодая женщина торопливо вынула из сумочки платок и уронила на снег. Астахов нагнулся, а Лена поспешно спрятала мокрое лицо в высокий воротник своего пальто.

— А ну-ка, что ещё такое? — нарочито громко и шутливо спросил Астахов.

Она смущённо улыбнулась сквозь слёзы.

— Будь бодрее, Леночка, — ласково сказал Астахов. — Знаешь, слезами, даже горючими, не заправишься, как говорят наши танкисты.

— По вагонам! — раздалась команда.

Эшелон тронулся. В предвечерней мгле растворяются силуэты провожающих. Перестал мелькать и платочек Лены Астаховой, и только длинные рукава чёрного дыма из заводских труб ещё долго-долго махали нам вслед.

Вот уже проносятся мимо нас большие и малые железнодорожные станции. Не везде успеваем прочесть названия — так быстро идёт поезд. Среднесуточная скорость задана — 1.000 километров. Телеграфные столбы, мелькая, сливаются в одну сплошную гребёнку. Мощный паровоз останавливается только на водопой. Поглотив сотню, другую километров, он запыхается, станет, хлебнёт воды целый тендер и скорее дальше.

Танковый эшелон минует города, сёла, будки и полустанки. Их сотни на протяжении тысячи километров, и всюду люди, провожающие нас и жестами, и возгласами, и долгими взглядами. надежды и благодарности.

Вот небольшая остановка, а к нам уже бегут со всех сторон и ребята и взрослые. Они догадываются, что за груз на платформах. Его никак не скроешь. Это не иголка и даже не комбайн... А тут ещё плакат у нас во всю вагонную дверь: танк-мамонт с хоботом вместо пушки схватил Гитлера да и скрутил в три погибели, а лапами-гусеницами давит волчью стаю.

Под плакатом лозунг: «Раздавим советским мамонтом фашистских волков!» Его нарисовал красноармеец Тесля.

Механик-водитель Георгий Константинов только что вернулся с платформы из своей машины. Там он сидел несколько часов, время от времени прогревая её на сорокапятиградусном морозе и ветре.

— Ну, как? — спросил его командир машины Ефимов.

— Отлично работает, замёрзнуть не дадим.

Константинов — широкоплечий, энергичный парень с сосредоточенным лицом. Он лучше всех знает машину, к нему с вопросами часто обращаются даже техники.

Другой, пожалуй не менее опытный, механик-водитель — москвич Евгений Дормидонтов. Статный и плотный русский крепыш с ласковым лицом, большими серыми с хитрецей глазами. Большой балагур, умеет расшевелить и развеселить всех вокруг себя, даже немного флегматичного и мечтательного радиста Ведищева. Любят Евгения ребята ещё и за песни, которые он умеет распевать с какой-то особенной душевной теплотой.

— Жень, «Орлёнка»! Жень, «Сулико»! — сыпались ему со всех сторон заказы.

Это любимые песни бойцов, и они готовы были их слушать бесконечно.

— Сейчас, ребята. Дайте позу принять, — укладываясь на нарах на свой вещевой мешок, отвечает Дормидонтов.

Он немного картавит на «р», как малень-

кий, но и это всем очень нравится. Его речь всегда была какой-то детской, ласковой.

В теплушке на нарах место Евгения Дормидонтова самое крайнее, у окошка. Он нарочно себе такое выбрал, чтобы любоваться природой. И у него всегда находилась какая-нибудь подходящая песенка и для леса, и для поля, и для реки...

Мы теснились поближе к Евгению и слушали, как высоким нежным тенором он выводил слова трогательной грузинской песни о соловье и любви, а затем одну за другой песни о советском человеке, о том, как богата и необъятна советская страна.

Мы слушали песни, и мы видели в приоткрытые двери и окна свою необъятную Родину. Вот стелятся бескрайние, заснеженные колхозные поля. Они на горизонте сливаются с небом, и не поймёшь, что же бесконечнее — небо или поле. И летит туда из нашего вагона легкокрылая, разудалая песня:

...Полюшко, поле.

Полюшко, широко поле...

Едут да по полю герои,

Эх, да Красной Армии герои...

Наш поезд врывается в густые леса, и его грохот вместе с паровозными гудками нарушает покой столетних дубов и заиндевевших красавиц-елей. Мы слышим грохот и лязг железа, — музыку собственного движения.

Сколько фабрик, заводов, депо, вокзалов, машинно-тракторных станций мы увидели в пути! И всё это, от завода-гиганта, подарившего

нам танки, до маленьких станционных водокачек, питающих нас водой, — всё это тоже наше, родное, советское...

Но его надо ещё отбивать, за него надо жестоко драться. Механик-водитель с первой машины, белорусс Георгий Константинов едет, чтобы отобрать у фашистов свою родную Белоруссию, где у него осталась семья.

А вот сидит радист второй машины, сын Украины Николай Пипа. Он едет с полной готовностью отдать, если надо, жизнь, только бы освободить от извергов свою любимую Украину...

Ведищев, не отрываясь, смотрел на поющего Евгения. В дружеских беседах у раскалённой печки этот маленький, с девичьим лицом и медленным говором радист поведал мне, что он больше всего на свете любит деревья, сады. Всю жизнь он мечтал быть садовником, ухаживать за ягодой, плодами, выводить, как Мичурин, новые сорта. Он уже работал в совхозном саду, но грянула война, и он стал радистом.

— Вот разобьём Гитлера, обязательно поеду туда же работать. Приезжайте. Какие ароматные яблоки выращу всем вам! — мечтательно сказал Ведищев.

Каждое утро и вечер в вагонах проводились политические информации. Это было делом самого Астахова. Сбросив шлем и откинув рукой пряди русских волос, он объявлял:

— А сейчас я вам сообщу, какие дела творятся сегодня на белом свете.

Радио открывало эшелону окно в мир. Танкисты, сидевшие в бешено мчавшихся вагонах, были связаны со всем белым светом.

...Чем ближе к фронту, тем шире отодвигается вагонная дверь. Ни холод, ни ветер не берёт одетых в ватники, обутых в валенки танкистов. Надо же посмотреть, кого обгоняем, что встречаем на пути. На одной из стоянок кто-то крикнул:

— Ребята, трофейная машина!

И хотя больше половины танкистов побывало в боях и вражеская машина для них не новинка, все побежали к платформе с разбитым фашистским танком.

— Профессор, на кафедру! — кричал Дормидонтов, приглашая Константинова, знающего все немецкие машины, «прочитать лекцию».

Общими усилиями Константинова подбрали на платформу, и оттуда в течение трёх минут он сообщил все технические данные и боевые качества разбитого фашистского танка.

— Вы сами теперь видите, — показывая на десятки пробоин, с насмешкой сказал он, — какими «высокими» качествами обладает сия машина. Это вам не КВ.

— Скорее бы уж самим до них добраться, — с нетерпением проговорил обычно спокойный Ведищев.

...Эшелон приближался к линии фронта. Позади две с лишним тысячи километров, а ехали всего около двух суток. Спасибо боевым друзьям — железнодорожникам!

Уже слышна отдалённая артиллерийская

канонада. Поезд проходит последний десяток километров. Танки заведены. Экипажи на своих местах.

Стоп-кран затормозил колёса. В ночном полумраке сбоку видна полевая разгрузочная платформа. Ещё несколько минут, и машины все до одной на твёрдой земле.

Танки-мамонты прибыли на фронт.

IV. НАУКА ФРОНТОВИКОВ

Мамонты незаметно вползли в одну из прифронтовых, затерявшихся в сугробах деревень. Вместе с ними вкатились и быстро шмыгнули в промежутки между хат и заиндеветых вётел десятки машин более лёгкого типа.

КВ поставить пока было некуда. Вселять их между домов — это значит раздавить все сады и палисадники и переломать надворные постройки. Но надо было быстро укрыть машины, — наступающий рассвет обязательно принесёт с собой вражескую авиацию.

Лейтенант Астахов суетился на краю деревни. Его высокую фигуру не трудно было распознать на снежном фоне.

— Это же не машины, а элеваторы какие-то, попробуй с ними найти себе место, — досадливо ворчал Астахов. — Младший лейтенант Гомозов и лейтенант Ефимов, становитесь здесь, на краю деревни, справа и слева, подделывайтесь под дома.

На спуске к речке, недалеко от деревни, Астахов приметил старую баню. Место очень

удобное для боевого охранения деревни. Показывая на баню, он приказал лейтенанту Чиликину:

— Рядом с ней, конечно, нельзя — она уже, очевидно, засечена с воздуха, как одиночка. Садись на неё — будешь «баня».

Остальные две машины Астахов решил направить в небольшую еловую рощицу, что чернела в синих предутренних сумерках на задах деревни.

— Через тридцать минут чтобы я ничего не заметил, — приказал Астахов.

...Днём прочёсывали местность самолёты — разведчики противника. В одиночку и парами они прогуливались несколько раз над нашей деревней. Ничего подозрительного, видимо, не обнаружили. Дома как дома, — всё в том же порядке, все курятся курчавым белым дымком... Два наших КВ, подстроившиеся с края деревни, тоже дымились: накрывшись белым брезентом, как кровлей, танкисты вывели на самый её верх трубы обогревательных печей. Вокруг новых «хат», так же как и по всей деревне, заиндевелившие деревья и даже надворные постройки, «возведённые» из разного деревянного хлама.

Баня у речки тоже как стояла на месте, так и осталась, только раздулась немножко. Танк развернул одну стенку, влез носом внутрь, а кругом обложился брёвнами.

Про машины, что в ельнике, и говорить нечего. Они так запрятались и так обросли ёлка-

ми, что найти их можно было бы, только полностью уничтожив всю рошу.

Экипажи после нескольких суток езды и работы спали добрых полдня повальным сном. Бдительно охраняли деревню — весь наш броневой зимний лагерь — одни часовые да дежурные по подогреву машин.

...Ещё на разгрузочной площадке нас встретил инспектор политотдела старший политрук Беланчевадзе. Подтянутый, энергичный, с задумчивыми глазами.

— Буду воевать вместе с вами, — заявил он нам.

С тех пор он жил с нами, как говорят здесь, «в одном котелке».

Беланчевадзе на фронте с начала войны, танкист. Уже на второй день он познакомился со всеми экипажами, переговорил со всеми коммунистами и комсомольцами. После этого пришёл к командиру и комиссару батальона, в который входила наша пятёрка КВ, и заявил:

— У вас много участников боёв — это хорошо, у вас много коммунистов и комсомольцев — это тоже хорошо, но у вас мало фронтового опыта.

Такое заявление задело самолюбие нашего командира батальона майора Максимова.

— Как же это так без опыта? Все мы уже воевали, и даже в этой войне.

— Мало этого, — ответил Беланчевадзе. — Если вы были здесь даже две недели тому назад, то вы уже отстали. Каждый день войны приносит новый боевой опыт; а вести войну

танками — это искусство, это целая наука. Но наука, как известно, тогда хороша, когда она построена на непрерывном обогащении всё новым и новым материалом. Вы воевали летом, а сейчас зима. Вы воевали на одних машинах, а сейчас приехали на других. Ко всему этому прибавьте: противник давным-давно изменил тактику...

На другой день в батальон на нескольких грузовиках приехали танкисты одной части, находящейся на фронте с начала войны.

— Вот вам, пожалуйста, принимайте гостей, — сказал, вылезая из кабины, улыбающийся Беланчевадзе.

Гостям устроили тёплый приём, пригласили всех в большую хату, перезнакомились.

Старший среди гостей майор Сегеда — командир танкового батальона. Живой, разговорчивый, с весёлым украинским лицом и лукавыми глазами. Даже когда он сердится, насупив брови, то и тогда он выглядит весёлым. Длинный непослушный чуб его всё время сползает на глаза и на нос, прикрывая и мрачные морщины на лбу и сурово сдвинутые брови.

Прежде всего оказалось, что и у нас, и у гостей полным-полно общих друзей и знакомых на заводе имени Кирова. Ведь танки Сегеды родились в Ленинграде.

— Ну, как они поживают на Урале? — спрашивает Сегеда.

— Живут хорошо, а работают ещё лучше. Давить немцев скорее наказывали, о Ленинграде просили... — отвечал Астахов.

— Будем, будем теперь давить и Ленинграду крепко поможем, — решительно проговорил Сегеда.

Голос у Сегеды немного хриповатый. Вот хрипотой этой майор очень недоволен. Когда он пускается в разговор, то старается помочь голосу, прищёлкивая языком, пальцами, ударяя кулаком по столу. Увлёкшись описанием какого-нибудь эпизода, разумеется, из действий танков, Сегеда вдруг вскакивает с места, пригибается, прицеливается и... кулаком по столу или рукавицей по голенищу «открывает огонь» по воображаемой цели.

— ...Крепкая была драка, — рассказывал про один бой Сегеда. — Механик-водитель был ранен в руку, и мне пришлось самому сесть на его место. В девятый раз бросалась наша машина на укрепления немцев. За день боя мы уничтожили более сотни немецких солдат, раздавили пару пушек, взорвали до десятка блиндажей.

Пошли мы в девятую атаку. Перепуганные фрицы и гансы бегали по всему полю. Но среди них были группы истребителей танков. С большими связками гранат они прятались в окопах, поджидали нас.

Я проскочил глубоко в расположение немцев, расстреливая истребителей пушкой и пулемётом. Но вот я слышу голос командира орудия:

- Товарищ майор, кончились снаряды!
- Бей из пулемёта!
- Товарищ майор, кончились патроны!

Вот досада, чёрт возьми!

— Ладно, наблюдай только лучше сверху, давить их будем.

Снова дал полный газ и заскочил на бруствер самого большого окопа.

— Фриц с гранатой, — слышу голос в наушниках.

Глянул вперёд, а немец, высунувшись из окопа, уже замахивается на меня связкой гранат. Даю «стоп» и как-то машинально нажимаю на сигнал.

— Ду-у-у! — звонко раздалось в морозном воздухе, и немец испуганно нырнул в окоп.

«Вот здорово! — думаю. — Как действует!»

Но немец снова появился над окопом и замахнулся для броска.

— Ду-у-у! — раздался опять сигнал, и немца снова как не бывало.

Ну и вояка фриц, раз гудка, как снаряда, боится! Таких «снарядов» у меня надолго хватит. Но фриц поднимался уже в третий раз.

И вот в тот момент, когда я его хотел ещё раз «расстрелять» своим сигналом, моя пушка глухо бахнула, и столб огня ударил в самую рожу фашиста. Он упал на край окопа, крича благим матом и тычась в снег обожжённой мордой. Оказывается, это мой командир орудия Кононов решил дополнить мою гудковую артиллерию простой сигнальной ракетой. Навёл орудие на немца, открыл замок и выстрелил из ракетницы прямо в ствол. Вот вам и стрельба «прямой наводкой»! Немцы, очевидно, приняли это за какое-то невиданное оружие: страшный

воюющий сигнал и разноцветные столбы огня из пушки...

Но вот кончились и ракеты, остались одни гудки — артиллерия, откровенно говоря, слабосильная.

Немцы уже догадались, в чём дело, и вот они, как саранча, с криками: «Рус капут! Рус капут!» бросились на мою машину. Даю полный газ и — на фашистов. Стараюсь давить их вдоль окопа, но они норовят залезть в окоп и бросать гранаты оттуда. Тогда я вспомнил, что ведь и у нас есть несколько ручных гранат — «лимончиков».

— Открой нижний люк, приготовь гранаты! — кричу командиру орудия, а сам направляю машину на самый большой окоп, где скопилось до двадцати фашистов.

Они всё ещё орали: «Рус капут!» Танк развернулся над головами немцев, стал поперёк окопа, открытым люком вниз. Мой Кононов знал, что надо делать. Он бросил туда несколько «лимончиков», и вся группа истребителей сразу замолкла. Из остальных окопов фашисты дали тягу, видя, что взять нас невозможно ни с какой стороны.

Я заглянул в окоп через люк и спрашиваю:

— А ну, фрицы паршивые, кто живой остался?

Никто не откликнулся.

— То-то же, — говорю, — гадюки вшивые! Не ори «капут», пока мы тут!

Часть майора Сегеды за последние недели уничтожила, главным образом тяжёлыми тан-

ками, девяносто три немецких пушки, пятьдесят пулемётных огневых точек, десять миномётов, пять танков, двадцать дзотов; раздавила гусеницами и уничтожила огнём пушек и пулемётов до двух полков немецкой пехоты.

Командир орудия, старший сержант Найдин, за всё время уничтожил одиннадцать немецких танков, был неоднократно ранен в бою.

Механик-водитель, старший сержант Цекалов, участвовал со своей машиной КВ в сорока атаках. Им уничтожены сотни фашистов, до двадцати орудий, несколько танков и автомашин. В танк Цекалова было двести двенадцать прямых попаданий снарядов, оставивших вмятины. Машина не имела по вине экипажа ни одной аварии и поломки и участвует в боях до сих пор...

Мы слушали рассказ майора, чувствуя, как в сердце нарастает боевой порыв.

— Ну, а теперь займёмся производственными делами, — объявил Сегеда.

В батальоне закипела работа.

Танкисты-фронтовики разошлись по экипажам прибывших машин и стали помогать устанавливать обогревательные приборы, заводили машины, прогоняли их, показывали, как надо производить быстрый ремонт или мгновенную заправку горючим под огнём противника, как и куда сажать пехотный десант и т. д.

Через два дня в часть Сегеды поехали наши танкисты. Только там заправка горючим была не учебная, а настоящая боевая, под вражеским артиллерийским огнём.

Бойцы и командиры были в восхищении от этих занятий и безгранично благодарны организаторам их.

— Просто поумнели наши ребята за эти дни, — сказал Дормидонтов.

По предложению Беланчевадзе решено было произвести частичный обмен танкистами: менее опытных отправить временно на боевую стажировку в часть Сегеды, а оттуда взять настоящих боевиков, которые бы принесли нам и свой фронтовой дух и боевой опыт.

К Астахову прибыли на разные должности пять человек: ефрейтор Большунов, имеющий до двухсот часов вождения танков в боях, старший сержант Тендитный, водивший двадцать восемь раз свой танк в атаки, младший сержант Гордеев — таранных дел мастер. Однажды, заскочив с танком в деревню, он раздавил там два вражеских орудия. За каменной стеной позади него было ещё два. Разворачиваться было некогда, тогда он задним ходом протаранил каменную стену и раздавил остальные два орудия. С чердака дома били противотанковые ружья и пулемёты. Гордеев с разгону пробил стенки дома, вывез на себе весь потолок с крышей в сторону и растряс там всю эту «чердачно-огневую точку», самих немцев добил из пулемётов. Младший сержант Кононов — командир орудия, меткий артиллерист. Однажды, попав в окружение, он отстреливался из подбитой машины шестнадцать часов. Был ранен в руку, но продолжал оборонять машину, пока подоспела помощь. Боец

Машев, командир орудия, в боях участвовал более двадцати раз.

Все эти ребята были с радостью приняты в дружную семью наших танкистов. С нами они будут участвовать в первых боях.

...Состоялось ещё одно поучительное и интересное занятие — читка самой последней немецкой инструкции: «Борьба с тяжёлыми русскими танками». Инструкция добыта, или, как выразился Сегеда, «выдавлена», у одного офицера противотанковой батареи, только что раздавленной со всем личным составом нашими танками.

Первый параграф гласит: «Тот факт, что противник применяет тяжёлые танки, которые не могут быть подавлены немецкими танками, заставляет искать выход из этого положения».

И вот немцы ищут выход. На нескольких листах инструкции они перечисляют давным-давно известные способы борьбы с танками.

«Немецкие же танки, — повествует инструкция, — предназначенные в нормальных условиях для того, чтобы в наступательном бою уничтожать танки противника, в настоящей войне не в состоянии выполнить эту задачу со своим прежним снаряжением, поэтому уничтожение сверхтяжёлых танков является задачей пехотных ударных отрядов».

Вот вам и знаменитые бронетанковые армии Гитлера! Отныне оказывается, что с советским тяжёлым танком может воевать только не защищённый никакой бронёй солдат-пехотинец.

Способы действия «пехотных ударных отрядов», созданных сейчас в немецкой армии, представляли для нас, конечно, определённый интерес, и мы их постарались хорошенько запомнить, чтобы во всеоружии встретиться с этими отрядами в бою.

Самое весёлое место было в конце инструкции. Здесь расценки наших танков — за какой танк какая награда.

«Каждый солдат, который уничтожит русский танк в 26, 32 и 52 тонны, должен быть представлен к награде. Кроме того, каждый, кто уничтожит танк в 26, 32 тонны, получает восьмидневный отпуск для поездки на родину, а уничтоживший танк в 52 тонны — четырнадцатидневный отпуск».

— За наших зверей, значит, четырнадцатидневный. Много! — сказал, смеясь, Астахов.

— Ничего подобного, товарищ командир, мало! — гневно проговорил Дормидонтов. — Дайте только мне вырваться в бой, я им при первой же встрече предоставляю отпуск бессрочный...

V. НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Сегодня спозаранку одним из первых отправился к своей машине, установленной в ельнике, старший механик-водитель Евгений Дормидонтов. Он торопливо шагал через огороды к лесочку, строго всматриваясь и выискивая в лесной чаще, где же запряталась его машина, оставленная ночью. Глаз, однако, у

него намётан, и среди других машин он по особому расположению маскировочных сучьев узнал и свою.

Дормидонтов откинул брезент с люка. На башне надпись: «С новым годом!», сделанная ещё на заводе.

— Ах ты, зверюга ты мой! «С новым годом», говоришь? — улыбаясь, ласково заговорил с машиной её хозяин. — Верно, верно — сегодня тридцать первое число. С наступающим тебя новым годом!

Дормидонтов полез в машину наводить там обычные, а сегодня ещё и новогодние порядки. За ним последовали подоспевшие к машине остальные члены экипажа: Шишов, Соловьёв, Писарев.

— Ребята, ночью, может, немцев поздравлять придётся, смотрите там, — предупреждал Евгений.

Младший механик-водитель Соловьёв залез с ветошью в моторное отделение. Командир орудия Писарев протирал медные гильзы и сизые стальные головки бронебойных шрапнельных и осколочных снарядов.

— Гостинчики! — лукаво подмигивал он Дормидонтову. — Гансы, наверное, ждут их теперь не дождутся.

Затем Писарев опробовал замок и решил вертануть моторчиком башню, чтобы пушка смотрела, по его выражению, «во все шестнадцать сторон».

Но только он повернул башню на один

круг, как снаружи раздался сердитый голос командира танка Калиничева:

— Ты что, ослеп там, что ли? Видишь, весь лес пушкой посбивал.

— Я же не стреляю, — смущённо пробормотал Писарев и высунулся в верхний люк, чтобы посмотреть, в чём дело.

И только тут он понял, за что ругает его командир: длинным орудийным стволом он, как гигантским хоботом, посшибал до десятка красивых елей, усаженных ночью для маскировки вокруг танка.

Весь экипаж срочно принялся за посадку поваленных деревьев.

Однако командир танка продолжал недовольно бурчать на Писарева:

— Видишь, весь иней посшибал с ёлок — никакой маскировки. Заставить вот тебя дышать на каждую — иней делать.

После маскировки все продолжали дружно работать, каждый на своём месте. Дормидонтов, как всегда, распевал одну за другой весёлые песни.

Наступил вечер, такой же синий и морозный, как и утро. Температура достигала тридцати с лишним градусов ниже нуля.

В одной из просторных хат танкисты собрались с котелками на обед. Усевшись на полу на душистой ржаной соломе, все выжидательно поглядывали на командира Астахова и комиссара батальона Харченко, сидевших в углу под образами.

— Возможно, товарищи, ночью будем драться. Немцы на передовых что-то нервничают. Словом, спать не приказано. Всем быть готовыми, сидеть в боевых машинах, — сказал Астахов.

Комиссар Харченко, как всегда, говорил темпераментно, призывно:

— Значит, новый 1942 год мы встречаем в боевых машинах. Вшивые гансы хотели нас видеть к этому времени, к сорок второму году, в концентрационных лагерях, за проволокой. А мы, оказывается, приехали к ним на новый год под самый нос на могучих советских танках. Это, товарищи, очень много значит. Мы пододвинулись на рубеж для атаки. Мы же на рубеже сорок первого и сорок второго года. Вся наша страна на этом рубеже. Она уже атакует и громит по всему фронту гитлеровских бандитов. Новый 1942 год должен быть годом нашей победы. Сегодня ночью мы его встречаем. Будем сидеть в машинах. Ровно в двенадцать выпьем по чарке горилки. Но если будет в это время боевой приказ — по боку кружки, заряжай пушки. Немцам скажем: «С новым годом, с новым гробом!»

Весёлый смех и задорный говор поднялся после слов комиссара. Все принялись за мясной гороховый суп и гречневую кашу.

— Заряжайся, ребята, на новый год! — весело покрикивал повар Нестеренко, выдавая из термосов пищу.

До конца старого 1941 года оставалось несколько часов. Сброшены с танков презенты,

отставлены маскировочные ёлки, оголились броня и пушки. Можно смело срывать с мест и идти в новогодний бой. Немцы продолжают нервничать: время от времени рывкают их дальнобойные пушки, ведя бесприцельный огонь в неведомое пространство. Застрекочет суматошно, прерывисто, точно в лихорадке, пулемёт, да и тот быстро смолкнет.

— Дрожат, черти, по огню чувствую, — говорит командир орудия Писарев.

Наши позиции на огонь немцев не отвечали. Здесь шло своеобразное испытание нервов. Конечно, приглушить одно гавкающее немецкое орудие нашим артиллеристам ничего не стоит, но зачем преждевременно открывать себя противнику, когда мы готовились к значительно более серьёзному делу?

В это время механик-водитель Дормидонтов был занят какими-то таинственными приготовлениями.

— Ребята, — вкрадчивым голосом и с оглядкой обратился ещё днём Дормидонтов к своему экипажу, — добывай игрушки на ёлку. Вечером устроим у своей машины. Утром нос всем экипажам и в гости пригласим.

Затей Евгения ребятам сразу очень понравилась. В самом деле, как же так — встречать новый год среди ёлок и без ёлки. Но где и какие раздобыть игрушки?

В той же роше, где стояли танки-мамонты, расположились по соседству и другие машины — боевые соратники на поле брани. Ещё днём я заметил, как один чернявый молодой

танкист в ладном меховом комбинезоне, обмакивая белую лучинку в консервную банку с краской, старательно выводил на башне своей машины алые буквы: «Отомстим за советских девушек!»

Танкист раза три отходил поодаль, внимательно осматривал надпись, прищуривался, наклонял голову то вправо, то влево, приседал, привставал и всякий раз быстро возвращался к башне, чтобы подкрасить какую-нибудь из букв.

Наконец, став перед башней, он на минуту задумался: чего-то как будто нехватало. Затем, решительно подойдя к башне и обмакнув лучинку, он одним махом под словом «за» вывел ещё одно — «любимых». Получилось: «Отомстим за любимых советских девушек!»

Танкист улыбнулся, видимо, окончательно довольный. Подошёл командир танка младший лейтенант Даев. Прочитав надпись, он спросил строго:

— Разве я давал тебе это слово? .

— Нет, не давали.

— Так зачем же ты его вписал?

— Оно хорошее, товарищ командир, и местечко для него было.

— Я знаю, что хорошее, — сердился командир, — но некрасиво получилось — каланча из слов. Ты бы ещё в любви объясняться на всю башню вздумал.

Боец стоял молча, потупив глаза, с трудом осознавая свою вину перед командиром. Вдруг он смущённо и нерешительно проговорил:

— Это очень даже правильно, товарищ командир... Я вспомнил про Злочев...

Младший лейтенант резко изменился в лице. Тонкие губы его чуть-чуть дрогнули. Даев резко повернулся направо и, ничего больше не сказав, отошёл в сторону...

...Оставались минуты до наступления нового 1942 года. Экипажи, как было приказано, сидели наготове в машинах. Танкисты в боевых отделениях предавались воспоминаниям, кто как провёл эту ночь в прошлом году.

Боевого приказа не поступало. Вдруг от танка к танку пронеслась звонкая команда:

— Быть свободными! Поэкипажно встретить новый год...

Радостная суматоха поднялась в машинах...

Я в танке командира Астахова. Водитель Тендитный выволок из вещевого мешка отливашку сизым блеском и похожую на стальной снаряд полулитровку. Это как раз на пятерых — русская горькая, накануне выданная старшиной.

— Приготовьте бокалы, — торжественно сказал Тендитный, и все потянулись к нему со своими железными эмалированными кружками.

Весело булькает «горючее». На маленькой железной обогревательной печке шипят мясные консервы, издающие аромат лаврового листа и томата.

— За здоровье Верховного Главнокомандующего Сталина! — взволнованно провозгласил басом Астахов.

— За кировцев, подаривших нам танки! — добавил Приданников.

— За победу в новом сорок втором году! — откликнулись мы хором и, чокнувшись, дружно осушили кружки.

Вдруг открылся верхний люк нашей машины, и над нами мелькнул кусок звёздного неба. Потом весёлая физиономия Дормидонтова.

— К нам на ёлку пожалуйста, к моей машине, — сказал он гостеприимным тоном и тут же скрылся.

Ёлка, да ещё у Дормидонтова...

Мы торопливо вылезали из люков. К машине Дормидонтова, стоящей немного поодаль, под самой красивой, стройной ёлкой, стекались гости со всего батальона.

Приближаемся вплотную и застываем от изумления: высокая ёлка, не срубленная, не привезённая, а растущая здесь со дня своего рождения, убрана сотней игрушек, на поверхности которых отражался свет луны. Золотые блики играли на развешенных гильзах от патронов и снарядов, серебряные отсветы сверкали на гирляндах пустых банок из-под консервов. Папиросные коробки, сухари, жёлтые ленты упаковочной рогожки, цветные бумажки, газетные листки и даже парашютные стропы, взятые с подбитого немецкого самолёта, валяющегося неподалёку от нашего лагеря, — богатое убранство.

Самая же интересная и привлекательная игрушка находилась под ёлкой, — это был танк

КВ с яркой надписью на башне: «С новым годом!»

Принимал гостей и устанавливал их вокруг ёлки почему-то не главный затейник всей истории Дормидонтов, а командир машины Калиничев.

Комиссар батальона Харченко, весёлый и очень довольный, расхаживал тут же и всё подтрунивал над бойцами:

— А ну, у кого ещё такая красивая ёлка?

Другой такой ёлки во всём батальоне не было, потому что другого такого весельчака и затейника, как Евгений Дормидонтов, тоже не было.

— Итак, товарищи гости, — объявил командир машины, — наш экипаж пригласил вас справить сегодня новогоднюю ёлку, а кроме того, выслушать уважаемого деда-мороза, который находится сейчас в нашем батальоне. Слово имеет дед-мороз.

Раздвинув зелёные ветки украшенной ёлки, из-под неё, важно ступая, вышел солидный белоснежный дед-мороз. На нём была шуба, вывернутая наизнанку, льняная, до самой земли, борода, в руках автомат, на поясе гранаты, на голове танкистский шлем.

— С новым годом вас, товарищи танкисты! — заговорил притворным густым басом дед-мороз.

— Женька! Так и знали! — весело загалдели все вокруг, узнав Дормидонтова.

— Ну, скажи, скажи, дед, что-нибудь хорошее.

— Слушай, дед-мороз, не отморозь себе нос! — подшучивали ребята.

— Я прибыл, товарищи танкисты, — продолжал дед-мороз, — вместе с вами на фронт, чтобы бороться за правое дело русского народа, чтобы помогать вам уничтожать проклятых фашистов.

И далее дед заговорил нараспев:

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Сегодня ходил я дозором
Проверить владенья свои.
Глядел, хорошо ли метели
Лесные тропы замели,
Залез в блиндажи я и щели,
Добрался до голой земли.
Бывал я у фрицев и гансов,
Пытал их под кожей иглой...
Победных-то много ли шансов
Имеет противник наш злой?

— И увидел я, товарищи танкисты, что никаких шансов не осталось у гансов, — продолжал уже прозой дед-мороз. — Сидят они, ласкают от мороза и от голода зубами, завывают от времени до времени волчью песню. Я свободно разгуливал среди немцев, и все они боялись спросить у меня даже пропуск. Подхожу к любому часовому, беру его за нос, и сразу у него вместо носа белая мёрзлая картошка.

Для более близкого знакомства я старался крепко пожать всех за руки и даже за ноги. Возьмёшь за кожаный ботиночек, глядишь, он уже вместе с ногой — деревянная колодочка. Результат один: забирают моего знакомого

ганса в госпиталь, а там уже приделают ему вместо ноги колодку.

Так пользуйтесь, товарищи танкисты, моей помощью для битья фашистов и в хвост и в гриву. Я — ваш верный друг и союзник. Вы славные ребята, вам ничего не стоит давить своими танками-мамонтами вшивых гансов, у которых нет на победу никаких шансов.

Но я вас предупреждаю также, товарищи танкисты, что у меня с вами не будет никакого панибратства. Забудете спустить воду из машин — заморожу радиатор, не пойдёт в бой машина, не будете менять смазку на оружии — застынут части, не выстрелит ни пушка, ни пулемёт. Давайте держать с вами деловой контакт, и победа наша в новом сорок втором году над гитлеровскими мерзляками будет обеспечена. Со своей стороны обязуюсь замораживать фашистов на каждом шагу, леденить их пьяные звериные мозги, чтобы вы первые могли сказать обо мне:

Идёт, по деревьям шагает,
Трешит по замёрзлой воде,
И яркое солнце победы
Играет в его бороде.

Дружные хлопки вознаградили деда-мороза. Танкисты были в восторге от новогодней речи деда и наперебой расхваливали Евгения Дормидонтова, отлично исполнившего эту роль.

В эту ночь я побывал и у машины младшего лейтенанта Даева. «Экипаж холостяков», как прозвали мы их впоследствии. Они тоже встречали в танке новый год, тоже пили вино, тоже

держали танк раскрытым, готовым в любую минуту идти в бой. А на башне танка, на белом её фоне, алела надпись: «Отомстим за любимых советских девушек!»

— Ребята, расскажите откровенно, за каких девчат мстить будете, где они у вас остались? — спросил я у танкистов.

— За всех, — ответил немного смущённый Даев.

— А всё-таки, может быть, имена есть?

— Скажите уж, товарищ командир, ведь Лида-то в Злочеве осталась, — сказал тот самый танкист, который писал сегодня надпись.

Всё сразу разрядилось.

— Да, осталась там, в Злочеве, — тихо, глядя в сторону, проговорил Даев.

Мы молчали, боясь неосторожным словом затронуть глубокую душевную рану молодого командира.

— Если б не был ранен, увёз бы её. Она в госпиталь ко мне приходила, приносила цветы, платочки. А потом меня увезли внезапно, — задумчиво проговорил Даев.

— Всё равно разыщем и вырвем у немцев своих девчат. У нас ведь у всех четверых так получилось, — сказал кто-то из угла башни.

...В эту ночь у танкистов не было боевой тревоги. А утром поступил боевой приказ: всему командному составу танкового батальона надеть белые халаты, подогнать лыжи, забрать гранаты и автоматы и отправиться в ночь на рекогносцировку.

VI. ЛЕДОВЫЙ МАРШ

Пять рек с одного только южного направления несут свои воды в Ильмень-озеро. Реки шириной от семидесяти пяти метров до полкилометра вбирают в своё устье ещё десятки речушек.

Владеть озером и устьем всех пяти рек, впадающих в него, — лучшего естественного прикрытия для войск, находящихся в обороне, никакие стратеги и желать не могли. Этот прекрасный рубеж обороны ещё с осени находился в руках немцев. Пользуясь им, они могли продолжать блокаду Ленинграда. В зимние месяцы фашисты успели нагородить здесь немало искусственных укреплений — дзотов, окопов, проводочных заграждений, создали минные поля, расставили миномётные и орудийные батареи. Вся местность на сотню километров к югу от озера была превращена немцами в мощный оборонительный район.

— Вот поэтому я вас и пригласил, товарищи танкисты, оставить на сутки ваши любимые гусеницы и стать на лыжи, чтобы самим произвести глубокую пехотную разведку, — так сказал командир соединения, к которому был придан наш танковый батальон.

За сутки танкисты-лыжники, во главе со своим командиром майором Максимовым, совершили большой разведывательный поход, пройдя около сорока километров. Разведчики, одетые в белые маскировочные халаты, проникли не только в глубину заиндевевшего при-

озёрного леса, но и в самое озеро: тихо, чтобы не услышали немцы, просверливали они буравами лёд, измеряли толщину его и глубину озера...

Сутки отдыха, и вот получен боевой приказ, которого с таким нетерпением с часу на час ждали: совершить ночной бросок всем танковым батальоном по озеру Ильмень и впадающим в него рекам, зайти на тридцать — сорок километров в глубь обороны противника и вместе с пехотой внезапно атаковать его основные силы с фланга, в районе Старой Руссы.

С наступлением ранних сумерек зарокотали моторы. Наш батальон покидал свой временный лагерь. Пятёрка КВ тронулась с места. Загудела под ними земля. Задрезбужали глазки окон в хатах, застонали стволы деревьев, задетых выползающими машинами.

Бушевала метель, она скрывала наше движение к исходному рубежу для наступления.

Окраина одной деревни — последняя остановка перед решающим броском. Напряжение у танкистов достигает высшего предела. Только бы не подвели речки! Надо обязательно пересечь эти водные преграды и в полном порядке дойти до места самих боёв.

Астахов вместе с помощником по технической части обходит танки.

— Как машина?

— Всё в порядке! — уверенно отвечают танкисты.

Сняты чехлы с орудий и пулемётов, подготовлены снаряды, заложены диски. Противник

может преждевременно раскрыть наш замысел, и тогда, хочешь — не хочешь, придётся немедленно вступить в бой.

Танковая колонна пойдёт с пехотным десантом. На головных машинах поедут сапёры, которым предстоит уничтожить противотанковые мины.

— Десанты, по местам! — пронеслась от танка к танку еле слышная сквозь пургу команда.

Белые корпуса больших и малых танков будто вдруг вспухли, раздулись новыми белыми выступами, — то десантники в белых костюмах, с белыми автоматами заняли свои места на танках. И вот вытянулись в колонну десятки машин, среди которых в ночной темноте не трудно было отличить гигантские силуэты КВ. Стальные крепости с лязгом и скрежетом двинулись в поход.

Десятикилометровый бросок — и под нами Ильмень, древнее русское озеро.

Тяжёлый танк, на котором я ехал с пехотным десантом, осторожно вполз гусеницами на лёд. Мы прыгнули и пошли по сторонам. Старый Ильмень точно недоволен, что нарушили его вечный покой, — он скрипит, кряхтит, как древний дуб под напором ветра. Виданное ли дело: каждая машина ложится на его плечи полсотней тонн. Свыше десяти пудов давит на один квадратный сантиметр ледяного покрова. Тонкий, звенящий треск немного корящегося льда раздаётся под машиной.

Там, где лёд не до самого дна, он заметно,

как пружинный диван, прогибается под тяжестью танка. Следующие тяжёлые машины начальник переправы уже не пускает по первому следу, а направляет правее или левее.

Но вот ледовые ильменьские просторы позади. Впереди речная переправа. Она почти вплотную примыкает к немецкому укреплённому району. Лёд на реке благодаря течению гораздо тоньше, и без специального настила там машины не пройдут.

За несколько минут до нашего подхода танкисты соседней части попытались было пренебречь этим. Они дорого заплатились: на самой середине реки стометровой ширины один танк КВ провалился по самую башню и ушёл под лёд. Экипаж успел выскочить в верхние люки.

Нас подвели сапёры, обеспечивающие переправы. Они заготовили две тысячи брёвен, которыми должны были устилать лёд на реках и замораживать новым льдом. Но мы проскочили Ильмень, а брёвна были ещё в пути.

Что делать? Ждать нельзя ни одной минуты. Через несколько часов рассвет. Нас обнаружит вражеская авиация, а мы ещё толчёмся только у первой переправы. Главное — форсировать скорее именно эту реку, составляющую внешнюю стенку фашистского оборонительного района. Проломить эту стену, и тогда можно с боями «гулять» по всем укреплениям немцев.

Брёвен всё ещё нет. Есть только лунки на льду, продолбленные для того, чтобы качать из них воду на заливку настила. Лунки безмолвно чернели на поверхности льда, вызывая

справедливое озлобление. Ну, к чему и для чего они сейчас, когда заливать нечего!

С каждой минутой угроза срыва замечательно задуманной операции нависала всё тяжелее. И вот возникло решение.

— Разберём ближайшую деревню и устелем ею лёд, — предложил сапёрным начальникам майор Максимов.

— На чём подвезти?

— Подвезём танками, но операцию продолжать будем.

Сказано — сделано. Уже через полтора часа танки потянули из деревни целый обоз брёвен, необходимых для переправы. Сапёры, обрадованные такой неожиданной выручкой, сразу оказались в своей стихии. Сноровисто и горячо принялись они за укладку настила. Аккуратно и плотно подгоняли брёвнышко к брёвнышку, точно хотели сохранить их взаимную близость, в которой пребывали они десятки лет в стенах колхозной избы.

Жаль нам было разбирать дома наших колхозников, но ничего не поделаешь. Разберём одну деревню — отберём у немцев десятки и сотни.

Ледяная вода, с шумом накачиваемая помпой, цементировала деревянный настил. Она проникала в старые щели брёвен и застывала вместе с воткнутой и забытой там хозяйской иглой. Обрывки цветистых обоев и газетных листов, которыми хозяин заботливо оклеивал стены дома, теперь тоже превратились в

строительный материал для нашей ответственной переправы.

Настил готов. По нему один за другим смело проходят малые и средние танки, а затем осторожно перебираются и КВ. Мы уже на другом берегу, а немец нас ещё не заметил. Всё идёт замечательно. Вот только надо оказать помощь танку соседа.

Четыре мощных танка берут с берега на буксир затонувшую машину. Общая команда одним только взмахом руки — «марш», и тысячи лошадиных сил, слитые воедино, рванули со дна реки пятидесятитонную машину.

Из-под воды показалась гора стали, она вздыбилась по пути к берегу горы льда. Река будто сломана пополам гигантским тараном. Когда буксируемая машина, ломая последние глыбы, выползала на берег, с ледяным хоботом пушки, она действительно была похожа на мамонта.

Как бы то ни было, но танк был спасён.

После двух часов подогрева взревел мотор, заработали все приборы. Экипаж этой машины, чуть не погибший несколько часов назад, ходил теперь вокруг неё торжествующий и возбуждённый.

— И в воде мы с ней не тонем, и в огне мы не сгорим! — весело подшучивал командир машины.

То-то же порадуются кировцы, узнавши о такой живучести своих стальных птенцов! Да и инженеру Новоторцеву из танкового учебного

центра будет чем вспомнить своих воспитанников, заводящих танки чуть ли не подо льдом.

...Наша колонна двигалась дальше через лес и болота. Стало светать, а мы, всё ещё не замеченные, подходили к другой переправе. Брёвна были подвезены и на плечах сапёров доставлены к переправе. Вторая переправа уже ждала нас. Мы вступили на неё смело и решительно. Наступил рассвет.

Для немецких солдат и офицеров, продравших поутру глаза, было полной неожиданностью появление танковых колонн и пехотных десантов в долинах рек на линии их обороны. Сидя на батареях, фашистские артиллеристы целиком полагались на свои пехотные дозоры и секреты. Но дозоры в эту ночь без выстрела были сняты и уничтожены батальонами лыжников нашего соединения.

Танки, переправившиеся на тот берег, продолжали огибать фланг противника всё глубже и глубже. Немцы опешили — откуда они появились? Не могли же машины пройти по ледовым полям Ильменя да ещё преодолеть две реки. Пришлось немцам поворачивать орудия как раз на 90 градусов влево. На нашей переправе разорвались первые вражеские снаряды.

— Закройте люки! Наблюдать за противником! — скомандовал Астахов.

Десантники попрятались за корпуса машин.

Несмотря на то, что вся местность была насквозь пристреляна, немцы, видимо, с перепугу, били неточно. Наши сапёры, сначала рассыпавшиеся в стороны, подбежали к переправе.

Оставшиеся танки начали переправляться на другой берег.

Астахов со своим танком уже находился на противоположной стороне. Но вот вражеские мины и снаряды стали рваться всё ближе и ближе к деревянному настилу. Появились раненые среди сапёров, но никто из них не ушёл с поста. Под огнём они мужественно продолжали подправлять брёвна, развороченные танками, и пропускать вперёд новые и новые машины. Я вижу по разрывам, как немцы взяли нашу переправу в узкую вилку обстрела. Вот-вот ей грозит гибель, разрушение. Через несколько секунд два тяжёлых снаряда угодили в настил, подняли фонтаны воды и ледяных осколков, разметали в стороны переправу.

Убитых нет, но в проруби плавают два раненых сапёра. К ним бросились товарищи, выхватили из ледяной ванны и стали оттаскивать подальше от опасного места. Прогредел новый взрыв, но это, оказывается, орудийный залп из танка Астахова. Он успел нащупать вражескую батарею и теперь с места открыл по ней огонь. Примеру командира последовали ещё два-три танка. Батарея немцев смолкла.

Сапёры под руководством командира Иванова бросились чинить переправу. Они перетаскивали брёвна и делали настил на новом месте. Я подбежал к раненым сапёрам, которых положили около одного из танков. Сорокаградусный мороз заковал их в ледяную броню. Насквозь промокшая одежда вся смёрзлась вместе с прикрывающими их маскировочными халатами.

Передо мной лежали два белых ледяных саркофага, из которых виднелись живые человеческие лица.

Около бойцов сустились врач и санитары. Они занимались невиданным для них делом — разрубали сапёрными лопатками окаменевшую на бойцах одежду. Ребята, судя по искажённым лицам, сильно страдали, но надо же скорее сделать перевязку, остановить кровь, которая и у того и у другого продолжала сочиться из раненых рук и ног. Горячая кровь бойцов проникала сквозь одежду в лёд, растопляла его, делала золотисто-багровым...

Астахов так удачно успокоил своим огнём немецких артиллеристов, что мы уже подходили к третьей переправе, а немецких батарей всё ещё не было слышно.

В лесу знакомый фронтовой концерт — автоматный и пулемётный стрекот. Это вступили в бой наши передовые пехотные части, нанося противнику удары с фланга и тыла.

Третья переправа была не сложной, но образцовой в смысле применения военной хитрости. Когда мы подошли к условленному месту, то никакого деревянного настила не обнаружили. Он был искусно замаскирован.

В это время в воздухе появился фашистский бомбардировщик.

Нам приказано было замереть на месте в лесных сугробах и переждать, пока фашистский самолёт сделает своё дело.

Хитрые сапёры подготовили ему хорошую работу — бомбить ложную переправу, которую

они предусмотрительно выложили из хвороста в километре от настоящей.

Когда отгудела земля от последних авиабомб, сброшенных на хворост, и воздушный фриц, весьма довольный своей работой, отправился восвояси, наш батальон, одним рывком, под прикрытием артиллерии, преодолел и третью водную преграду по искусно запорошённой снегом бревенчатой дороге. Далее — семи-восемикилометровый марш по топкому болоту. Для танков, между прочим, любое болото в любой мороз остаётся таким же топким, как и летом, — слой снега и мха не позволяет ему заледенеть.

Мелкие машины — разведчики — с трудом прокладывали себе путь по еле застывшим кочкам, а одна средняя машина сразу же провалилась по самую башню, разворочав вокруг себя груды испаряющегося торфа.

Машину вытащили и стали наскоро искать другой путь. Болото в стороне переходило в мелколесье. Если бы там проложить дорогу, могли бы двигаться все тяжёлые и лёгкие машины.

— Стоптать лес и открыть батальону путь — это, по-моему, как раз по плечу вашим мамонтам, — обратился майор Максимов к Астахову.

— Разрешите разведать? — спросил Астахов.

— Делайте.

И Астахов с водителями машин побежал к лесу. Осинник, ивняк, сосенки толщиной в

десять — пятнадцать сантиметров не смутили опытных водителей.

— Пригнём? — деловито спросил Дормидонтов.

— Да, и пригнём и придавим, — ответил Тендитный. — «Малышкам» за нами, как по шпалам, можно будет идти.

Лидером колонны выступал Астахов со своим водителем Тендитным.

Лес был сплошным. На вид он казался неприступной стеной из одних стволов. Но это была, как выразился Дормидонтов, одна лишь «деревянная иллюзия». Корпусом и гусеницами КВ подминали под себя лесную чашу, как огородный плетень, точно мамонты ломали и сокрушали всё на своём пути. Путь был проложен.

Перед нами расстилалась новая водная преграда в триста метров шириной и с крутыми двадцатиметровой высоты берегами. Немцы здесь не были застигнуты врасплох. На том берегу они яростно сопротивлялись нашим пехотным головным отрядам. Слышна оглушительная пальба из миномётов и автоматов.

Они ещё не знают всех наших сил, они сейчас увидят у себя под самым носом пушечные дула пробравшихся к ним мощных танков.

Майор Максимов приказывает батальону развернуться для атаки и открыть огонь через реку.

— Лейтенант Астахов! Остаётесь за меня на этом берегу! Ведите огонь — прикрывайте моё развёртывание.

Сам майор повёл малые машины без всякой искусственной переправы рассредоточенно по льду на тот берег.

Немцы были ошеломлены внезапным, будто бы из-под льда реки, появлением советских танков. В прибрежных дзотах, видимо, наступило замешательство. Пальба из сплошной и суматошной стала разрозненной и редкой. А Максимов с подразделением командиров Фетлихина и Маслова уже давил первую линию огневых точек фашистов. Астахов своим огнём прекрасно поддержал переправу майора Максимова и вторжение его в оборону немцев.

Сапёры работали над новым настилом. От командира батальона поступило радиоприказание: переправляться тяжёлым машинам.

Сумерки. Под огнём противника, но без единой потери преодолели мы ещё одну — четвертую речную преграду.

Ровно сутки, как мы воюем. Никто ещё не ел, да и не думал об этом. Главное — закрепиться на новом рубеже. Немцы побросали свои блиндажи, оружие, убитых и отошли на новый рубеж для обороны.

Командир соединения приказал нам немного передохнуть, вернее, подготовиться к новому ожесточённому бою — пополниться горючим, снарядами.

Танкисты вылезают из машин, поправляют фуфайки, комбинезоны. Ни одного из них нельзя сразу узнать. Лица до того закопчёны и замаслены, что выглядят чернее чёрного танкистского шлема. Люди утомлены, у них опу-

екаются усталые веки, но каждый гонит от себя
ирочь мысль об отдыхе.

Командир орудия Жарченко вытаскивает из
кассет загрязнённые копотью гильзы. Дорми-
донтов тормозит вздремнувшего водителя ци-
стерн: поскорее заправку!

Два часа мы всё-таки отдыхаем. Танкисты
вполне достойны этого отдыха.

Чувствую, что совершенно хоть и не самое
главное, но очень большое дело — небывалый в
истории ледовый марш танков.

ВИ. ПЕРВЫЕ БОИ, ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ

В пяти километрах впереди нас находилась
конечная железнодорожная станция и селение
Юрьево — узел сопротивления немцев, который
надо было во что бы то ни стало захватить.

Но перед нами широкая — в полверсты —
река, отделяющая нас от селения. Пятая река
на нашем пути.

Батальон к рассвету был вполне готов раз-
вернуться для боя, а пока что танки скрыва-
лись в густых прибрежных зарослях дубняка.

Отсюда мы должны были сегодня поддер-
жать соседнее левое соединение, задача которо-
го в целом совпадала с нашей.

Ранняя разведка. Глаза уже не слепит вче-
рашняя вьюга. Ночью ярко светила луна, креп-
чал мороз. Пушистый иней разукрасил дубки и
редкие сосны, точно накрыл их маскировочным
халатом. Инеем покрылись даже стволы де-
ревьев, что поближе к танкам. Видимо, маши-

ны дохнули на них своим теплом, и это вызвало образование снега.

Оставив машины в укрытии, мы прокрались в прудутреннем тумане на самый берег реки.

В бинокли видны на той стороне смутные очертания штабелей дров и брёвен, как бы оставшихся от осеннего сплава. Наверняка это настоящие, а частично и ложные укрепления немцев. В небо упираются две высокие водонапорные вновь построенные вышки — посты наблюдения. Еле уловимые испарения из-под земли и в обрывах противоположного берега — дыхание блиндажей и деревянно-земляных укреплений фашистов.

Я смотрю на смуглое лицо майора Максимова. Он отнял от глаз бинокль, и серые глаза его оживились, заиграли внутренним огоньком.

— Пойдёмте, — сказал он.

Мы отползли назад. У майора уже готово решение:

— Попрошим артиллеристов устроить утренний концерт — ударить по всем крысиным норам, сбить наблюдательные вышки. Лёгкими и соседними машинами без настила атакуем берег. Вышло же у нас вчера как будто не плохо.

Майор Максимов — очень смелый и решительный командир. В атаку с первыми машинами он пойдёт сам. С тяжёлыми машинами он оставил комиссара Харченко.

Как и задумывалось, артиллеристы устроили сокрушительный огневой налёт на противоположный берег, а танкисты вместе с пехотой под эту артиллерийскую музыку бросились из

лесных укрытий на лёд. По фарватеру реки были разложены противотанковые мины, прозванные за свой внешний вид «блинами».

— «Блинами», смотрите, не объедаться, — предупредил напоследок танкистов майор Максимов.

Немцы не успели ни закопать, ни заморозить мины, а только наспех разбросали по льду. Сапёры, ехавшие на машинах, быстро прыгивали на лёд и смело сдвигали в стороны зелёные диски фугасов.

Минную преграду немцы старались дополнить ожесточённым артиллерийским и миномётным огнём прямо по застывшей реке. Но мины и лёгкие снаряды не пробивали толстый ледяной покров. Танки, прикрывая пехоту, сообщая с ней продолжали рваться на противоположный берег. Но вот немцы бросили последнее, что они имели, — бомбардировочную авиацию. На бомбёжку заходят пять «Юнкерсов».

Одна за другой летят на лёд тяжёлые фугаски. Грандиозные взрывы, от которых гудит весь берег и поднимается дурманящий звон в ушах. Но танки ловили интервалы между заходами самолётов и, лавируя по льду среди лунок от разрывов и мин, проскакивали вперёд. Уже видно, как карабкаются они на вражеский берег. Лишь одну среднюю машину подловили стервятники, и то не прямым попаданием. Бомба разорвалась в нескольких метрах впереди мчавшегося танка. Фонтан воды обрушился на машину, ослепил танкистов, и водитель маши-

ты, не успев отвернуть в сторону танк, с разгоном влетел в полынью. Машина всё же не провалилась, она села в воду только задней частью. Весь экипаж остался невредимым.

...На том берегу разыгрался жаркий, ожесточённый бой танков с противотанковой артиллерией.

Перед нами последняя, самая важная линия немцев в системе мощных оборонительных сооружений. Враг ни за что не хотел отдавать её, изрыгая на нас целые потоки артиллерийского, миномётного и пулемётного огня. Всё двухкилометровое пространство между рекой и посёлком представляло собой паучью сеть из мин, проволочных заграждений и дзотов. Всё это рвалось, стреляло, несло смерть, но танки совместно с пехотой неотступно продвигались дальше в двухсторонний обход фашистского узла сопротивления.

На поле боя беспомощно крутились на одном месте первые наши машины, подорвавшиеся на минах, поражённые снарядами.

До чего же досадно, что там нет сейчас наших КВ! Им нипочём ни минные «блины», ни противотанковые «огурчики». Река и авиация нас пока не пускали.

Но и отсюда, с расстояния в семь километров, наши мамонты своими хоботами-пушками разворачивали немецкие укрепления, вбивали в землю фашистских автоматчиков.

Бой длился целый день. За это время наши зенитчики сбили два бомбардировщика, после

чего остальные уже не появлялись. В шесть часов вечера майор Максимов при огневой поддержке всего танкового батальона ворвался с пехотным и сапёрным десантом в селение и станцию. Пехотинцы пулемётами, штыками и ручными гранатами добивали сопротивляющихся фашистов.

Селение и станция в наших руках. По вновь сооружённой переправе тяжёлые машины подтянулись к батальону.

Откуда-то из-под земли, из-за сугробов, из леса бежали к нам навстречу местные жители.

— Всё-таки пришли, родимые! — говорили они, плача от радости.

Мужчин почти не видно. Сплошь женщины с малыми ребятами, оборванными, исчахшими, измазанные глиной и землёй после долгого пребывания в землянках.

Большинство домов уцелело, хозяйки растеклись по своим родным углам. На самом краю деревни, в той стороне, откуда мы вошли, вместо хаты одно пепелище с ещё чадающими головнями. На груде кирпичей сидит, обхватив голову руками, рыдающая женщина. Вокруг неё пятеро ребят. Самая взрослая, лет десяти, девочка держит на руках малышку и успокаивает мать. Остальные трое беззаботно ковыряются в пепле и греются возле маленьких костров, старательно раздувая их. У мальчугана в руках печёная картошка.

Я подошёл к женщине и заговорил. Она испуганно подняла голову. Заплаканное, скорбное белое лицо новгородской женщины.

— Здесь жили? — спрашиваю.

— Нет, не жила уже три месяца, — тихо ответила она.

— Как же так?

— Немцы прогнали. Моя хата крайняя и, значит, такая несчастная. Они в ней пушку поставили.

С этой женщиной и её ребятами мы перешли в соседний тёплый дом. Разговорились.

Александра Семёновна Борисова — жена красноармейца. У неё четверо собственных детей: Зина — десяти лет, Валя — семи лет, с завязанной правой ручкой — ранена во время немецкой бомбёжки, Тоня — пяти лет и Вова — трёх лет. Да ещё пятый — приёмыш Сима.

Три месяца, голодная и иззябшая, скиталась эта женщина с детьми по соседним деревням, жила в лесных землянках. Подобно самке-оленью, добывающей из-под снега пищу себе и детёнышу, она выкапывала из-под снега снопы невывезенного хлеба и вымолачивала зёрна. Только тем и существовала.

И именно в это тяжёлое время Александре Семёновне попался на дороге умирающий от голода беспризорный мальчик. Сердце матери не позволило ей пройти мимо несчастного, она подобрала мальчугана, и с тех пор он в её семье такой же, как и свои ребята, родной и желанный.

Восьмилетний, с красивыми карими глазами, русый мальчуган Сима оживлённо разговаривал с танкистами и одновременно был занят дележом среди девчат найденной им печёной картошки.

Отец Симы убит во время войны в Финляндии, мать погибла от немецкой бомбёжки. Сам он из Старой Руссы, в каком-то из городов у него есть бабушка — мамина мама.

— А как зовут её, твою бабушку? — спросил я.

— Бабушка.

— Нет, имя, отчество.

Сима наморщил лоб.

— Бабушка, — тихо, растерянню пробормотал он.

Танкисты поделились с ребятами сахаром, сухарями и гречневой кашей. Дали честное красноармейское слово, что хата Александры Семёновны будет построена.

— Сами приедем и построим.

На улице меня догнал простоволосый Сима.

— Дядя, а я, можно, буду танкистом?

— Ты ещё мал, тебя нельзя взять в Красную Армию.

— Нет, можно. У меня все дяди в Красной Армии.

— Какие дяди?

— Машины братья: дядя Лёня, дядя Ваня, дядя Вася, дядя Кирия, дядя Андрюша...

— А фамилия?

— У всех одинаковая — Тимофеевы.

Значит, это фамилия и его бабушки.

— Ну, Сима, — говорю, — готовься в Красную Армию. Только надо сначала найти твоих дядей.

...Всюду следы жестокости, разрушения, смерти. На глазах у всего населения фашисты

расстреляли колхозника Попова Константина Арсеньевича. Всенародно на площади высекали розгами Елизавету Афанасьеву за то, что её дети играли на улице найденным патроном.

Гордо ходят окружённые колхозниками танкисты и пехотинцы, — они освободили тысячи советских людей из фашистского плена. С омерзением смотрят они на валяющиеся вокруг скрюченные трупы немцев.

При занятии одного только Юрьева убито сто сорок немцев. Полностью уничтожен штаб батальона 502-го стрелкового полка. Захвачены все документы. Взято исправных пушек разных систем четырнадцать, автоматов — девяносто три, винтовок — двести девяносто семь, миномётов — одиннадцать, противотанковых ружей — семь, автомашин — шестьдесят, мотоциклов — девять, лошадей — тридцать девять, три склада при станции с боеприпасами, обмундированием и продуктами.

Это были наши первые трофеи.

VIII. МАМОНТЫ ПОШЛИ В АТАКУ

Теперь, когда прорвано последнее звено вражеской обороны, нам особенно дорога была каждая минута: надо было безостановочно преследовать врага, не давать ему никакой передышки. Но были дороги и каждая капля горючего, каждый патрон и снаряд, без которых мы не могли продвигаться вперёд.

Вот это-то как раз нас и задерживало. Цистерны с горючим и боеприпасами находились

ещё на последней переправе. Они должны были вот-вот подойти.

...Прямо на дороге встретили боевое питание для танков. Бойцы, несмотря на темень, всё делали наощупь. Они быстрыми привычными движениями растягивали шланги, отвинчивали пробки, набивали кассеты тяжёлыми снарядами. Каждому хочется захватить побольше, опередить другого. Никогда ребята так не жадничают при раздаче консервов, сухарей, сахара, как при получении боеприпасов.

— Что тебе, лишнего снаряда на немца жалко? — с обидой упрекал начальника боепитания командир танка Калининцев.

Танкисты с КВ набирали боеприпасы с каким-то особым азартом, точно они никогда снарядов не видели. Они готовы были пихать снаряды за пазуху, куда угодно. Заряжающий Соловьёв и впрямь стоял в затруднении с двумя снарядами на руках, как с младенцами. Класть уже было некуда.

Это значит, что танкисты сильно заскучали, ожидая хорошего горячего боя.

Майор Максимов, созвав командиров экипажей, поставил боевую задачу. Немцы бежали в следующее селение С., но там, видимо, были остановлены подброшенными им резервными войсками и теперь готовятся к обороне. Проломить их оборону и гнать дальше.

Астахов со своими машинами на первом этапе боя опять во втором эшелоне. Потом видно будет, где нужней всего окажутся КВ.

...Незадолго до рассвета белые танки-мамон-

ты и танки-малютки, облепленные и окружённые со всех сторон одетыми в маскировочные халаты пехотинцами и автоматчиками, двинулись в бой.

Перед селением открылось чистое поле. Тут немцы встретили нас огнём противотанковой артиллерии. Первые разрывы вражеских снарядов послужили сигналом к развёртыванию.

Слежу за ходом боя с наблюдательного пункта пехотного командира. Метким выстрелом немецкой пушки уже снесло башню одной из малых головных машин. Ещё у двух подбиты гусеницы. Немцы видят свой успех, усиливают миномётный и автоматный огонь по нашей пехоте. Бойцы залегают, танки стараются рассредоточиться...

Временная заминка в наших рядах становится слишком явной, чтобы её не мог не заметить противник. Наглость фашистов нарастает. Когда наши машины бросились вперёд, увлекая за собой пехоту, немцы засыпали их градом снарядов и мин, изолируя от пехоты. Больше того: отдельные немецкие роты с визгом и рёвом пошли в контратаку.

В воздух взвились две зелёные ракеты. Наконец-то долгожданный сигнал — вызов танков КВ.

От моторного гула КВ содрогнулись земля и воздух. Из-за перелеска около дороги вырвались и пошли вперёд развёрнутым строем танки-крепости. Немцы шквалом сплошного огня обрушились на них, — но где там! Сухопутные броненосцы — белые мамонты неумолимо двигались вперёд через это огненное море.

Веселее стало и нашей пехоте: прикрываясь стальной грудью опередивших её танков, она перекатами начала продвигаться дальше. На астаховской правофланговой машине взметнулся вверх белый диск люка. Три раза сверкнул красный флажок. Ага! «Третья машина, врывайся в деревню».

Третья машина лейтенанта Чиликина окуталась внезапно чёрным дымом богатой смеси. Затем до нашего слуха долетел взрыв полного газа. И вот стальная мощная крепость с лёгкостью танкетки помчалась на третьей скорости прямо в лоб немцам.

Сильный бинокль позволяет прекрасно видеть, как заматались в разные стороны ошеломлённые немецкие артиллеристы. Они ведь били, они попадали, но это какое-то непробиваемое чудовище. Оно продолжает мчаться вперёд и вот-вот раздавит их своею тяжестью. Танк врывается в околицу, делает разворот вправо и начинает давить фашистские противотанковые орудия вместе с уцелевшей в ровиках прислужой.

Впереди нас уже не грохот разрывов вражеских мин и снарядов, а грохот выстрелов танковых пушек, бьющих по новым и новым огненным точкам противника. От времени до времени мелькает из-за домов и деревьев свирепствующая там чиликинская машина. Даже надпись видна: «С новым годом!»

С новым годом поздравили нас рабочие-кировцы, с новым годом поздравляем мы вас, вшивые фрицы!

Надписи «С новым годом!» с одной стороны танковых башен, «За Родину, за Сталина!» с другой мелькают на поле боя всё чаще и чаще. Танки врезались в расположение немецкой пехоты, только что пытавшейся перейти в контратаку, и теперь утюжили её с фланга на фланг, вминая в снег не успевающих отбегать немцев.

Все пять КВ через четверть часа были в деревне и вместе с пехотой громили немцев, застрявших в амбарах, на чердаках. Ещё через четверть часа мы все были в деревне. А танки продолжали преследование противника дальше.

Перепуганная немчура в ужасе перед нашими танками убегала сломя голову к себе в тыл. В следующих двух деревнях танкам не было оказано никакого сопротивления. Они проскочили там триумфальным маршем. Слышно было только, как впереди гулко раздавались короткие очереди танковых пулемётов или одиночные выстрелы. Это наши добивали отставших и, видимо, перегружённых награбленным добром бандитов.

С утра мы продвинулись ещё на пятнадцать километров. Танки подходили вплотную к крупному населённому пункту и железнодорожному узлу, который немцы ещё на самых подступах должны были наверняка защищать с особым остервенением. О крепком оборонительном противотанковом поясе в этом месте сообщила и наша разведка.

Астахов весь сиял.

— Плечи хоть немного расправились, на-

стоящее дело почувствовали, — с удовлетворением говорил он.

Такими торжествующими ходили на короткой остановке и командиры остальных машин — Ефимов, Чиликин, Калиничев, Гомозов. Экипажи старались пошире приоткрыть люки, чтобы явить всему свету свои хоть и чумазые, но довольные, улыбающиеся физиономии, перекинуться бойким словом с друзьями из соседней машины.

— Женья! — кричит Константинов во всё горло из водительского люка Дормидонтову. — Скажи чего-нибудь там насчёт немецких иллюзий.

— Никакой иллюзии — одни контузии, — не растерявшись, отчеканил под общий смех Дормидонтов.

...Рота получила на ходу новую, весьма ответственную задачу: клещами обхватить деревню Л. и, не ввязываясь там в бой с противником, прорваться на пять километров вперёд, захватить железнодорожную и шоссейную магистраль, по которым подтягивались колонны немецких подкреплений.

Майор Максимов садится в один из КВ. Двумя машинами он будет обходить деревню слева. Астахов с тремя — справа. Соединятся на дороге за деревней, в тылу у немцев.

Деревня и в самом деле оказалась сплошным гарнизоном деревянно-земляных укреплений, каждое из которых имело мощные огневые средства, от пулемётов до крупнокалиберных миномётов и орудий.

— Крепкий сухарь. Если в лоб — зубы поломать можно. Верный вариант предложили танкисты, — говорит пехотный командир.

Идея обхода, сама по себе очень несложная, принадлежала Максиму с Астаховым. Овладеть коммуникациями армейского масштаба — это всё равно что перерезать артерии в живом организме. Ради этого можно пожертвовать даже ближайшей, совершенно естественной задачей — блокировкой населённого пункта. Им займутся остальные машины батальона, и то только для того, чтобы втянуть в бой и отвлечь внимание от обходящих фланги машин.

Бой сразу же принял жестокий характер. С нашей стороны это была демонстрация, немцы же старались во что бы то ни стало преградить нам путь. Немецкая противотанковая артиллерия создавала настоящие огневые валы сопротивления. Снаряды с воем и визгом рвались на небольшой открытой площади, чуть не в метре друг от друга. Происходила страшная артиллерийская дуэль пушек, стреляющих из танков, и пушек, стреляющих по танкам. А в это время совершалось совсем незаметное, но самое главное дело — проникновение тяжёлых танков в тыл к немцам.

Вот уже и первый радиосигнал — донесение: «Деревню обошли, продвигаемся дальше».

По этим сигналам и по сведениям, идущим от пехотных начальников, можно было безотрывно следить за развёртыванием событий дальше.

А события были таковы:

На всю пятёрку КВ обрушилась артиллерия одного из селений, находящегося справа от дороги. Этого танкисты не ожидали. Немедленно ввязываться в бой — значит отказаться от выполнения задачи армейского масштаба. Майор Максимов и Астахов снова разделились: две машины, под командой майора, уходят вперёд, три, под командой Астахова, подавляют артиллерию, мешающую продвижению. Завязалась горячая схватка с артиллерией. Командиры орудий всех машин, повернув башни вправо, чуть ли не батарейным залпом били по дзотам противника. Но ведь танки умеют не только бить, но и давить.

— Вперёд! — скомандовал флажком Астахов, и тройка двинулась на деревню.

С ходу били из орудий и пулемётов по огненным точкам врага. Но вот из придорожных кюветов на танки, как саранча, бросились небольшие группы пехотинцев — истребителей танков. Одни пускали по смотровым щелям ракеты, чтобы ослепить экипажи, другие на горбах волокли тяжёлые ящики с фугасами. Очевидно, это и были «ударные пехотные отряды».

— Ага! По инструкции! — сообщают пулемётчики. — И мы её знаем не хуже вашего!

По истребителям дали несколько пулёмётных очередей. Срезало половину расчётов. Но гады всё-таки подползали вплотную к танкам, и пулемётом нельзя было их достать из-за мёртвого пространства. Тогда танкисты начали забрасывать их из люков ручными гранатами —

«лимончиками», и это сразу освобождало место вокруг машины.

Не забывали бойцы и о взаимной помощи друг другу в разгаре боя.

Когда на танк Астахова удалось взобраться одному из истребителей, радист Калиничева Шишов дал по нему такую меткую и красивую пулемётную очередь, что, по словам экипажа, немца с танка «как корова языком слизнула».

Все три мамонта продолжали с ожесточением рваться вперёд и давить в глубоком снегу фашистов.

Вот уже и сами дзоты, противотанковые пушки. Но под стальными лапами белых чудовищ всё хрустит, как лесной валежник.

Раздавив по три-четыре дзота с десятками фашистов, застрявших в них, танки пустились догонять свои машины.

Те были далеко, — слишком увлеклись продвижением. Перескочив железную дорогу, они умчались на семь километров вперёд по шоссе, где немцы перебрасывали в это время до полка мотопехоты.

— Разворот влево! — скомандовал второй машине Максимов, и оба танка перегородили шоссе, шоссейную дорогу.

Мигом сообразили, что надо делать, командиры орудий. Пока танки крутились налево, башни на 90 градусов повернулись направо, пушками на мотоколонну. Не понадобилось никакой команды и для того, чтобы открыть беглый артиллерийский огонь по перепуганным на смерть фашистам.

— Это был для них большой сюрприз, — рассказывал после майор Максимов. — Когда от первых залпов взорвались вместе с пехотой головные машины, то на остальных грузовиках ошеломлённые немцы замерли, как истуканы, не зная, что делать дальше. Это как раз нам и нужно было, чтобы продолжать своё дело.

Несколько машин, кое-как развернувшись, удрали обратно. На месте оставлено девять разбитых грузовиков с убитыми и ранеными фашистами.

В это же самое время Астахов со своими машинами, окончательно оседлав железную и шоссейную дороги, вёл на них бой пять часов без передышки. Он не пропустил никуда ни одного поезда, ни одной автомашины.

Танк Гомозова стоял на самом железнодорожном переезде и вёл огонь в оба конца железной дороги. Бой был успешным, и всё-таки Гомозов остался почему-то недоволен.

— На что сердитесь? — спрашиваю Гомозова.

— Некрасивый бой получился.

— Какой же вам там красоты нехватало?

— Сорвалось красивое. Бронепоезд фашистский на меня было сунулся, а я, как дурак, застрелял на переезде и ни с места. Да ещё пяток выстрелов дал в его сторону. Колёса ли обломать об меня побоялся или выстрелы повлияли, а только ушёл назад, и больше его не было видно. А какая бы драка красивая получилась! Танк с бронепоездом! Да разве доведётся теперь ещё раз так встретиться, — сокрушался Гомозов.

...Из боя вернулась машина Чиликина, так храбро сражавшаяся на дороге вместе с майором.

Бросаюсь к закопчённым и опалённым разрывами люкам. В чёрной утробе машины вдруг мелькнули, как комья снега, пучки марли.

— Ранены?!

Из башни вынимали командира танка лейтенанта Чиликина с забинтованной и окровавленной головой. Но Чиликин — очень сильный и рослый танкист, увидев свет и вздохнув полной грудью, сразу ожил.

— Я сам, — тихо сказал он и, опираясь на плечи товарищей, стал на ноги.

В голову был ранен и его командир орудия Мещанчиков. Осколки вражеского снаряда вырвали их обоих из строя, когда они открывали люк.

...Героически держался сегодня рядом с машиной командира роты Астахова экипаж Калининцева. В составе звена сухопутных броненосцев Калининцев устоял под напором и артиллерии и истребительных противотанковых фашистских отрядов. Восемнадцать раз Калининцев атаковал за день фашистскую пехоту и всё-таки захваченную дорогу не отдал обратно немцам. Искусный водитель его Дормидонтов выделывал на поле такие головокружительные пируэты, что едва ли фашистские орудийные наводчики успевали ловить его на панораму.

К концу боевого дня машина Калининцева пришла к сборному пункту со странным грузом. К выхлопным трубам наверху танка были

плотно привязаны ремнями два человека: к одной — раненый, в одних носках, красноармеец, к другой — тоже раненый, но в больших русских валенках, фашист.

— Что это значит? — недоумевали бойцы.

— Переобуваться их привёз. Там не успели сделать, — ответил Дормидонтов.

История такова: на поляне, где недавно происходил бой и где наступило некоторое затишье, Дормидонтов заметил ползущего по снегу раненого красноармейца. Только он подумал, как бы помочь этому бойцу, как из-за кустов вдруг выскочил и побежал к раненому долговязый, сухой немец. Дормидонтов крикнул радисту Шишову:

— Стреляй гада!

Но немец уже набросился на раненого бойца. Завязалась борьба. Стрелять было нельзя — убьёшь красноармейца. Дормидонтов, вне себя от злости, на полном газу рванулся к месту схватки.

Фашист уже успел стянуть с полуживого бойца его большие серые валенки и теперь торопливо натягивал их на ноги, сбросив рваные опорки.

— Коля, дорогой, не подведи, не упускай дьявола! — крикнул Дормидонтов Шишову.

Шишов ясно видел, что красноармеец ещё жив, но надо выждать, когда фашист отделится от него. Обувшийся в краденые валенки бандит приподнялся и уже сделал несколько прыжков к кустикам, но здесь-то длинная звучная трель шишовского пулемёта уложила бандита в сугроб.

— Забрать на машину раненого бойца! — приказал младшему механику-водителю Соловьёву командир машины.

— И немца тоже, — взмолился вдруг снизу Дормидонтов.

— Это зачем ещё?

— На нём же наши валенки.

— Хорошо. Забрать и его.

Дормидонтов завернул машину. Соловьёв с Шишовым выскочили из люков, торопливо подхватили раненого красноармейца и немца. Писарев пристегнул их к разным трубам, и машина примчала их вот теперь сюда, в безопасное место, — переобуваться.

Валенки были немедленно возвращены по принадлежности их настоящему хозяину — красноармейцу Нестеренко. Фашистскому же бандиту сделано серьёзное внушение не повторять таких вещей больше никогда в жизни...

Боевая задача по перехвату немецких авто-и железнодорожных магистралей была выполнена. Танкистов сменили на этом ответственном посту подоспевшие части нашей пехоты.

Сколько радости, весёлых шуток, разговоров было бы теперь среди танкистов! Но сегодня не до торжества — из боя не вернулся лейтенант Астахов.

Я припоминаю его красивое лицо с упрямым лбом и серыми ясными глазами, весь путь нашего знакомства с ним от заводского цеха, где он собирал свой танк, до исходного рубежа для атаки.

Неужели погиб?

IX. СМЕРТЬ КОМИССАРА ХАРЧЕНКО

Замещать командира тяжёлых танков Астахова в сегодняшнем бою будет комиссар батальона Харченко. Эта весть мгновенно облетела все экипажи, приунывшие после потери любимого командира.

— Сам комиссар будет командовать нами — оживлённо передавали танкисты друг другу эту новость.

Сразу повысилось настроение, спорее закипела подготовительная работа к предстоящему бою. Все прекрасно знали, что такое быть под командой этого бравого комиссара.

— За всех в танке умеет работать: хочешь — машину поведёт, хочешь — стрелять из орудия будет.

— В Финляндии танковой ротой командовал.

— Оттуда-то и орден Красной Звезды.

— Девять ранений осколками в голову имел. Три, говорят, ещё не вынули...

Комиссару Харченко, бывшему слесарю Донбасса, с Константиновки, всего тридцать пять лет, но он совсем седой, с глубокими морщинами на лице. Тяжёлое ранение в Финляндии оставило свой след. Но весёлые синие глаза и румянец на щеках от крепкого морозца молодят комиссара.

Он был человеком, влюблённым в слесарное дело, в станок, в мотор, в боевую машину. Перед началом боёв, несколько дней назад, он лазил вместе с помощником по технической части Бушковым и проверил лично сам все до одной машины, да ещё успел починить и пате-

фон хозяйской дочке Насте в деревне, где стояли биваком.

И сейчас он снова возле машин, с которыми предстоит идти в бой. Оставалось тридцать минут до выхода на исходный рубеж для наступления. Харченко подозвал к своей машине все экипажи.

— Я командую вашей ротой, — все знают? — хриловатым голосом спросил он.

— Знаем, знаем, товарищ комиссар, — бодро отвечали танкисты.

— Замечания, которые я сделал в машинах, все запомнили?

— Запомнили.

— Всё исправили?

— Исправили.

Далее комиссар ставит боевую задачу и заканчивает призывом:

— Чтобы мне драться сегодня в три, в четыре, нет, в десять раз злее вчерашнего. Во-первых, надо расквитаться за командира Астахова и его храбрый экипаж. Во-вторых, надо уложить не меньше сотни фрицев за двоих наших раненых — Чиликина и Мещанчикова... У вас, товарищи, с вашими машинками уже есть славные дела. Ради дорогих кировцев, давших нам эти замечательные машинки, ради всех рабочих и колхозников, которые нам прислали подарки, ради Сталина давайте умножим эти дела.

— По машинам марш! — уже сухо и отрывисто скомандовал он и сам сел в машину Ефимова.

Когда комиссар упомянул о полученных по-

дарках, каждый танкист с волнением вспомнил день их раздачи. Сколько нежности, ласки, любви было в письмах, вложенных в посылки!

«Бейте фашистов беспощадно, деритесь храбро! Мы скоро приедем к вам на помощь», — писали ученики средней школы с Урала.

«На вас вся надежда, вам вся наша любовь и почтение», — написано детской рукой со слов неграмотного старика, колхозника из Челябинской области. Свое почтение старик подкрепил оригинальным подарком.

Это был большой кусок замороженного и обшитого холстом теста. Привезший подарки мастер цеха Челябинского завода тов. Попов рассказал, что у старика на сборном пункте сначала не приняли этот подарок. Ему пришлось пожаловаться в обком партии. На новый год этот подарок был вскрыт комиссаром в присутствии танкистов. В тесте оказался замороженный жареный гусь, а в животе у гуся... пол-литра водки.

Потехи было не только на наш батальон, но и на все соседние части.

Комиссар Харченко, показывая стариковского гуся, сказал тогда:

— Чуете, что это такое? Это кровная любовь, это преданность, объяснить которую даже слов нехватает. На эти подарки мы ответим уральцам своими подарками — боевыми успехами на фронте.

И комиссар весело добавил:

— А уж старик-уралец может быть уверен,

что за одного замороженного гуся сто замороженных фрицев будет обеспечено.

...КВ ушли в бой. Они целый день сражались на подступах к крупному населённому пункту, истребляли живую силу врага, пытавшегося несколько раз контратаковать наши войска. Танкисты с особым искусством утюжили залегшую в снегу немецкую пехоту. Фашистские стрелки и пулемётчики не успевали удирать от налетавших на них танков. В рыхлом снегу они тонули, как в глубокой тине, — вытащит одну ногу, застревает другая. А тут-то их как раз и настигает карающая стальная громада, вдавливая всем своим пятидесятитонным весом не только в снег, но и в землю.

Машина комиссара всем подавала пример. Да и вёл её самый лучший водитель — Константинов.

Во время боя в башню слева ударил тяжёлый немецкий снаряд. Он оглушил, контузил командира орудия Кустова и радиста Ведищева. Тогда, чтобы не прекращался пушечный огонь танка по крупному блиндажу, комиссар сам сгнал за орудие и дал десяток выстрелов, пока не уничтожил мешающую продвижению огневую точку.

Но вот в одном месте танки двинулись совместно с пехотой на штурм сильно укреплённого рубежа немцев. Надо было от имени танкистов обратиться к пехотинцам с коротким призывом не отставать, взять совместным ударом немецкие укрепления во что бы то ни стало.

Комиссар Харченко откинул верхний люк и, обращаясь к бойцам, крикнул на всё поле:

— Вперёд! За нами, храбрые пехотинцы! Смерть фашистским гадам!

Фашистский снаряд со звоном разорвался о командирскую машину. Люк сразу захлопнулся. Комиссар смолк. Машина в тот же миг рванулась в атаку, и пехотинцы, видя, что комиссар повёл их на штурм, с криком «ура» ринулись за четвёркой могучих танков.

В двадцатиминутной схватке решил исход боя. Танки уже свободно дефилировали по немецким блиндажам и окопам, пехотинцы прикалывали штыками сопротивляющихся фашистов.

— Вот это танкисты! — восхищались пехотинцы храбростью боевых друзей.

— Вот это славная пехота! — восторгались танкисты.

— А комиссар-то, комиссар-то какой! Герой настоящий!

...Танки вышли из боя и возвращались на сборный пункт для заправки и пополнения боекомплектом.

Головная командирская машина, как показалось мне, шла очень тихо и вяло, а из откинутого люка пока не видно было весёлого лица комиссара. И никому не понравилась эта медленная, тягучая походка танков, будто потерпевших аварию.

— Что случилось? — тревожно закричали мы, бросаясь навстречу.

Но голоса наши потонули в гуле моторов, как птичий крик во время грозы.

Машины стали и тут же были заглушены, как по команде. Танкисты разом показались из люков и неуклюжими движениями стали зачем-то снимать с себя кожаные шлемы.

И вот в сумеречной тишине прозвучали скорбные слова какого-то командира:

— Товарищи! У нас нет больше нашего комиссара!

У всех дрогнули сердца, в глазах заискрились слёзы.

Я видел, как плакали люди, не боящиеся смерти.

Комиссар Харченко был убит разрывом снаряда в открытом люке в тот момент, когда он звал пехотинцев на штурм. Слова, прогремевшие по всему полю: «Смерть фашистским гадам!» — были последними его словами.

Уже мёртвый, комиссар вёл бойцов в атаку. Механик-водитель Константинов умчал тело комиссара вперёд; люди видели, как белоснежная комиссарская машина, словно вихрь, врывается в глубину немецкой обороны, сокрушая всё на своём пути. В танке лежало бездыханное тело Харченко, но он оживал в том боевом вдохновении, которое охватило бойцов. Константинов понимал, что никто ещё не знает о смерти комиссара — все думают, что он жив и показывает своим примером, как нужно драться. И механик-водитель, стиснув зубы, бросал машину с недвижно лежащим комиссаром в самые опасные места. За ним, за танком комиссара, следовали другие машины, и эта сила была

столь неукротимой, что через час с лишним от немецких укреплений остались лишь обломки.

...Вечером состоялись похороны комиссара. Над могилой командир батальона Максимов призвал бойцов к беспощадному мщению немцам за смерть любимого комиссара.

Троекратный ружейный салют проводил комиссара в могилу.

В этот день вступили в партию отличившиеся в боях с врагами Родины Большунов, Тендитный, Кононов, Гордеев. О приёме в члены партии подали заявление Константинов, Гомозов, Кустов.

На смену погибшему большевику-комиссару в партию пришли им же воспитанные, преданнейшие молодые патриоты нашей Родины. За смерть героя-комиссара они отомстят стократно.

Х. ДВОЕ СУТОК В ОСАЖДЁННОМ ТАНКЕ

Командование батальона принимает все меры к тому, чтобы найти танк командира Астахова. Но идут уже вторые сутки, а его нигде нет, нет и на поле боя, где его видели в последний раз.

Неужели подбили и увели к себе немцы?

Снова и снова посылали разведку вперёд, к линии обороны немцев, но результатов никаких.

Машины снова ходили в бой, возвращались, и всякий раз первым вопросом вернувшегося экипажа было:

— Не слышно ли что про командира?

И опять те же отрицательные ответы. Танкисты никак не могли примириться с постигшим их горем.

Младший механик-водитель Кнутов переживал эту потерю особенно остро. Он и не скрывал своих чувств. Кнутов молча отходил к своей машине, облакачивался на гусеницу и тихо плакал. В машине остался его лучший друг, с которым он служил всё время в одной части, — Леонид Киреев. Они любили друг друга. Даже письма домой писали сообща. Припоминается, как в теплушке, в пути от завода к фронту, они лежали на нарах рядом и о чём-то подолгу говорили.

Так же, как и вчера, вернувшись из боя, стоял Кнутов около своей машины и грустил. Товарищи приглашали его обедать, но он упорно отказывался.

И вдруг радостная весть:

— Живы астаховцы!

Кто сказал, где сказал, пока неизвестно.

Кнутов сорвался с места и побежал на командный пункт. Сюда сбежались многие. В окружении танкистов перед командиром сидели на разостланном брезенте чёрные, худые, с провалившимися глазами раненный в руку Приданников и водитель Астахова Тендитный. Они рассказывали:

— Машина в позавчерашнем бою вырвалась далеко на фланг немецкой линии обороны и оттуда вела удачный фланкирующий огонь по всему переднему краю. Но вот тяжёлым враже-

ским снарядом разбито ведущее колесо. Машина вертится на месте. Увидев это, немцы обрушили на нас огонь всех своих батарей. В машине целый час стоял сплошной гром от ударяющихся о броню и рвущихся снарядов. Заглох мотор, застопорилась пушка. От своих войск нас скрывала роща, и мы не могли подать никакого сигнала. Наконец, немцы прекратили артиллерийский огонь и чуть ли не целым батальоном с гранатами и фугасками бросились к нашему танку.

— Только со ста метров стреляйте, — несколько раз предупредил нас Астахов.

Три наших пулемёта, наведённые на немцев, молчали. Ребята выгадывали метр за метром, секунду за секундой, чтобы побольше скосить.

В танк полетели первые ручные гранаты, и мы, точно по сговору, обрушили на фашистов трёхствольный пулемётный залп. Немцы сначала залегли, но затем продолжали подбираться ползком.

Мы били их по одиночке. Проволынили так несколько часов, старались не тратить много патронов, каждый сознавал, что теперь в каждом патроне — наша жизнь.

К вечеру немцы откатились на двести метров в свою сторону. Астахов приказал Кирееву:

— Покидай танк, ползи к своим, укажешь, где находимся.

Старший сержант Киреев, забрав пяток ручных гранат, открыл осторожно люк и осмотрелся. Кругом тишина. Он соскользнул на снег и пропал безмолвно в ночной темноте.

Ночью немцы небольшими группами подкрадывались к танку, но близко не подходили. Нас очень удивляла их сверх-осторожность: ведь темнота же им помогает, почему они не хотят ни поджигать, ни взрывать танк?

— К себе увезти собираются, — догадались мы.

Занималось утро, но ни Киреева, ни помощи не было слышно. Астахов снова приказал:

— Приданников и Тендитный, готовьтесь уходить к своим. Задание то же, что и Кирееву.

— Товарищ командир, разрешите остаться с вами до конца и погибнуть, если нужно, — попросили мы Астахова.

Но ведь вы знаете, какой он...

— Вот этого-то как раз и не нужно — погибать. Хватит вот нас двоих с Махалёвым. Уходите.

Снарядившись гранатами, мы тихонько покинули машину. Метров двести на животах ползли к лесу, а как попали в рощу, пустились по компасу бегом в свою сторону. Вот мы и пришли...

Как ни велика была радость в батальоне по поводу обнаружения танка, но Кнутов эту радость, конечно, не мог ещё разделять в полной мере. Судьба друга его Леонида Киреева пока ещё вызывала тревогу.

К подбитому танку снарядили небольшую экспедицию из трёх человек, среди которых был и Тендитный. Она должна была выбрать подходы буксировочных танков к машине Аста-

хова. Кроме того, этой тройке поручено пробраться в самый подбитый танк с мешком продуктов для Астахова и Махалёва.

Командир батальона, майор Максимов, написал Астахову записку: «Товарищ Астахов, гордимся вашим поведением. Мы поможем. Ночью или завтра эвакуируем. Держитесь. Будьте здоровы. Максимов».

Старший сержант Кнутов подошёл к политруку тов. Щербак и попросил включить и его в экспедицию. Политрук разрешил Кнутову снаряжаться и идти к танку.

Экспедиция ушла в сторону немцев. Немцы открывали суматошный пулемётный огонь всякий раз, как только замечали движение на горизонте. Всю ночь они перекрёстным огнём пулемётов, а иногда и выстрелами из миномётов прикрывали подход к танку. Танкисты заметили, что немцы проводили в это время вокруг подбитого танка какие-то странные инженерные работы.

Что бы это значило?

К утру немцев на поле совсем не стало, вокруг танка не было ни души.

Командир батальона решил, несмотря ни на что, приступить к эвакуации танка. Уже сорок восемь часов танк находился во вражеском окружении. И вот, когда буксировочные танки готовились выскочить на помощь Астахову из роши, в которой они притаились, точно из-под земли вырос сам Астахов.

— Товарищ командир, откуда?

— Из машины.

— А мы к ней.

— Сейчас нельзя. Погибнете. Танк окружён минами.

Оказывается, всю ночь немцы работали вокруг машины, закладывали в отдалении от неё (а не под неё) ящики с фугасами. Астахов разгадал тогда их коварный замысел: немцы хотели подорвать не его подбитую машину, а те, которые должны обязательно придти сюда для буксировки.

«Надо предупредить своих», — решил Астахов и отослал с этой целью последнего члена экипажа Махалёва.

Оставшись один, Астахов заметил, что из рожи к нему всё-таки намереваются подойти буксировочные машины. Немцы в это время нарочно спрятались, чтобы не мешать подходу танков к месту своей гибели.

Астахов принимает последнее решение: покинуть танк. Это очень тяжело — бросить родную машину. Он никогда бы этого не сделал, но ради спасения других машин и многих жизней дорогих ему товарищей он всё же покинул машину, предварительно испортив оружие и забрав с собой последний пулемёт. Он вовремя приполз к буксировочным танкам и предупредил их о грозящей опасности.

Через некоторое время появился и Махалёв. С помощью специального подразделения сапёров удалось немного позднее благополучно эвакуировать подбитую машину. Хитрая затея фашистов благодаря бдительности и сме-

лости' командира машины с позором провалилась.

Через несколько часов после этого, к великой радости всех экипажей КВ, а особенно Кнутова, нашёлся и пятый член экипажа — старший сержант Киреев. Отправленный с заданием командира, он сбился с пути и двое суток бродил по лесу, не зная, на своей ли он территории или в тылу у немцев. Санитары одного из стрелковых полков подобрали в лесу легко раненного в ногу Киреева.

За двое суток своего пребывания в самом логове врага экипаж Астахова истребил более сотни фашистов. А до того как он был подбит, раздавил две батареи, стоявшие на открытых позициях, и разрушил снарядами четыре дзота.

Немало тревожных минут и часов пережили мы за судьбу отважного экипажа.

И вот все астаховцы снова в сборе. Сидят в большой хате на полу, на брезенте, и любовно чистят механизмы танкового оружия. Точь в точь такими я их видел в цехе Кировского завода на сборке танков.

Сидели они тогда и перебирали да смазывали пулемёты, проверяли электроаппаратами различные танковые приборы.

— Ну, как, будут работать? — дружески спросил тогда зашедший в цех директор завода.

— Будьте уверены, товарищ Зальцман. Раз из ваших рук да в наши руки — заработают классически!

XI. ВПЕРЁД СО ЗНАМЕНЕМ СОВЕТОВ!

В освобождённых деревнях и сёлах нас первыми встречают партизаны. Немцы ещё не выбиты из деревни, ворвавшиеся в неё танки с пехотой крушат последние точки сопротивления, с чердаков и из подвалов ещё продолжают палить фашисты, а уж, откуда ни возьмись, рядом с танками, плечом к плечу с пехотинцами появляются люди с автоматами, гранатами и пулемётами в руках. Это — местные партизаны. Они помогают войскам выковыривать и уничтожать остатки фашистской нечисти.

Они знают все закоулки, погреба и подвалы деревни и дают там фашистов, точно клопов морят в собственной избе, в давно знакомых пазах и щелях.

Деревня очищена. К группе партизан с ещё не остывшими автоматами подбегает наш Беланчевадзе.

— Шатёрчик! — кричит он молодому мужчине в чёрном пиджаке, отдающему какие-то распоряжения.

Мужчина обернулся и долгим испытующим взглядом посмотрел на Беланчевадзе. Затем он весь вдруг загорелся, с детским восторгом воскликнул:

— Ильюшка! Ты ли это!

Друзья расцеловались. Бывшие студенты Московского технологического института узнали друг друга. Ласково звучит старая институтская кличка «Шатёрчик» — от слова шатёр, имевшего для них какое-то значение.

— Так ты партизан, значит, Шатёрчик? — спрашивает Беланчевадзе.

— Как видишь. Даже комиссар отряда. Вот познакомься: командир отряда.

— Анатолий, — подавая руку Беланчевадзе, представился командир отряда, невысокий, круглолицый, с командирской выправкой мужчины, с немецким автоматом за спиной.

— Где же вы побывать успели? — допытывался Беланчевадзе.

— Вот здесь и были, — широким жестом вокруг показал нам комиссар. — Вам продвигаться помогали.

— Как, нашим танкам?

— Вот именно. Тоня! Галя! Борис! Митя! — крикнул комиссар, и к нему подбежали молодые партизаны и партизанки. — Вот они как раз переходили фронт, разведали и порекомендовали вам путь, по которому вы сюда и добрались.

Мы сбросили рукавицы и крепко-накрепко с благодарностью пожали руки нашим молодым друзьям.

Трое из них оказались «сродни» нашим танкистам — бывшие шофёры, трактористы. А Тоня — бывшая швея, ныне лучшая автоматчица отряда.

— Мастерница художественной строчки по немцам, — шутливо рекомендовал её комиссар.

Партизаны рассказали о своих героических делах в тылу у немцев. У них погиб первый командир отряда, бывший директор маслоза-

вода, товарищ Томсон. Зато его смерть жестоко отомщена: отрядом убиты сотни фашистов.

Когда убили командира отряда, партизан, пожилой колхозник тов. С., решил украсть поруганное тело командира из деревни и похоронить его. Тов. С. пробрался в деревню, нашёл там, вблизи немецкого штаба, ещё не убранный труп командира. Он забросал гранатами окна штаба, а сам во время суматохи увёз на салазках тело командира. Любимый всеми командир был торжественно похоронен в лесу, в присутствии всего отряда. А на деревьях сделали зарубки, чтобы потом найти могилу и поставить достойный памятник герою.

...В освобождённом нами селе Подборовье состоялось собрание колхозников совместно с танкистами. Выбирали депутатов в сельский Совет.

К одной из уцелевших от немецкого разгрома хат пришли советские люди, пробывшие более трёх месяцев под игом фашистских вандалов. Большинство среди них — женщины. Немало стариков и ребят. Мужчины на войне.

Как и в былое время, стол президиума накрыт красной материей. На столе портрет Сталина.

Перед выборами депутатов в сельсовет зачитали акт о зверствах, учинённых фашистами в Подборовье.

Гневно звучит в морозном воздухе голос чтеца Чебыкина — радиста партизанского отряда:

— ...«Немцами сожжено за время своего властвования семьдесят восемь домов. Расстреляно и повешено сорок два человека: Демичев Иван Фёдорович — председатель сельсовета, Демичева Надежда Фёдоровна — активистка сельсовета, Сергухина Александра Тимофеевна, Иванова Валентина Николаевна, Захарова Степанида Яковлевна, Кушнарёв Николай Васильевич...»

Бойцы не могли спокойно стоять на месте, они сжимали кулаки, казалось, вот-вот они без приказа и команды сорвутся с места, бросятся к стоящим неподалёку машинам и умчатся снова в бой — стрелять, давить, крушить ненавистных палачей и разбойников, мстить за поруганную честь и жизни советских граждан.

Говорит жена красноармейца Карпычева. Плача и волнуясь от радости, она искренно приносит нам, бойцам Красной Армии, благодарность за подаренную ей и её односельчанам свободу.

— Мы всё время надеялись, что снова увидим белый свет и вас, наши родные. Знали, что нас освободят. И вот он! Он! — торжественно воскликнула женщина, указывая пальцем на портрет Сталина. — Он наш освободитель!

— Вы ведь, поди, прямо от него под наше Подборовье-то подкатили? — кивая на портрет, спросила у ближнего танкиста старушка.

И танкист не без гордости, конечно, подтвердил, что их действительно послал сюда товарищ Сталин.

Собрание выбрало депутатов в сельский Совет: Карпычеву, активно помогавшую партизанам, пятидесятидвухлетнего Алексеева, догола ограбленного немцами, Демичева — бывшего члена правления колхоза и партизана-радиота Чебыкина.

На имя товарища Сталина было составлено и всеми колхозниками подписано трогательное благодарственное письмо, которое заканчивалось словами:

«...И ещё раз низко кланяемся Вам, товарищ Сталин, вся наша округа со всеми сёлами и деревнями, колхозами и хуторами.

И несчётно раз шлём благодарение Вам — нашему отцу-освободителю — за то, что сбросил с нас трижды проклятую фашистскую немчуру.

Живи веки вечные, наш дорогой и родимый Сталин!

Пустькай живёт и крепнет и бьёт врагов нещадно днём и ночью, и на земле, и на небе, и на воде, и под водой наша могучая Красная Армия».

Представители этой могучей Красной Армии, принесшие освобождение тысячам советских людей, давшие им возможность восстановить свою родную советскую власть, теперь стояли тут же на собрании, гордые, радостно взволнованные.

— Да здравствует советская власть! — воскликнул кто-то.

— Да здравствует великий Советский Союз! — откликнулись десятки голосов.

И тоекратное «ура» танкистов, поддержанное голосами всех колхозников, разнеслось по всей округе, по лесам и долинам и покатилося вперед, в сторону немцев, как грозное предупреждение о скорой и окончательной их гибели.

ХИ. ГЕРОИЧЕСКОЕ ИМЯ

Это был ответственный день: надо было во что бы то ни стало решить судьбу вражеского узла сопротивления. Весь день шёл бой с переменным успехом. Наконец, назначена последняя решающая атака.

— Танкисты, не подведите! На вас будут смотреть с земли и с неба тысячи глаз, — ободряюще сказал бойцам начальник танковых войск тов. Вершинин.

В разгар самой атаки, когда головные машины с пехотой, посаженной на них, уже рвали первую линию проволочных заграждений, нас атаковала со стороны солнца большая группа вражеской авиации. То были штурмовики и истребители, но все с бомбовой нагрузкой.

От убийственного пулемётного огня истребителей и осколков разрывающихся бомб первые ряды нашей атакующей пехоты, на танках всё меньше становилось десантников-пехотинцев. Ещё новые заходы истребителей, и всей атаке грозил бы провал.

Именно в этот-то момент в строй немецких самолётов врезались два наших истребителя. Они ворвались сюда, как соколы в стаю ворон,

бросаясь вправо и влево, учиняя в небе великий хаос. Всей туче стервятников было уже не до земли. Надо было спасать каждому свою шкуру.

Этим воспользовались пехота и танкисты, чтобы со всё возрастающим темпом продолжать атаку врага.

— Горит! Горит! — истошно закричали вдруг со всех сторон не то встревоженные, не то обрадованные бойцы.

— Горит! — торжествующе закричал кто-то, и все увидели, как зажжённый фашистский самолёт, перевернувшись в воздухе, мелькнул крестами на плоскостях и свастикой на руле поворота.

Заковыляла в воздухе одна за другой ещё две вражеские машины, с трудом планируя на свои позиции. Но вот подбит один из наших самолётов. Он отваливает в сторону и спокойно, не снижаясь, идёт к себе в тыл.

— Один, один остался, а их-то, сволочей, семёрка целая! — кричит кто-то с тревогой.

В это время на земле, на самом гребне вражеской обороны, шла смертельная схватка. Танки КВ, проутюжив вдоль и поперёк ряды проволочных заграждений и освободив дорогу пехоте, громили вражеские доты и противотанковую артиллерию. Со всех сторон разносилось могучее «ура» бойцов, ворвавшихся в узел сопротивления.

А в небе в это время трагическая схватка: один против семи. Наш истребитель крутил их вокруг себя несколько минут. Под громкое

«ура» снизу он сбил ещё одного «Мессершмитта». И вдруг радостные крики оборвались: смертельно раненный сокол стал камнем падать вниз всё быстрее и быстрее... Расширились тысячи глаз, взметнулись тысячи рук — люди хотели поддержать падающую машину.

Войска уже целиком владели так называемым «недоступным» узлом сопротивления. Благодарили лётчиков, во-время подоспевших в атаку и выручивших всю боевую операцию, с великой горестью вспоминали трагический конец героя-истребителя. Но никто не знал его имени.

Часом позже узнали: лётчик, павший смертью героя на глазах у тысяч советских воинов, — сын знаменитого полководца Красной Армии, лейтенант Тимур Михайлович Фрунзе.

В глазах танкистов, этих суровых и таких же бесстрашных, как Тимур, людей, блеснули слёзы.

— Таня Фрунзе там, на заводе... как переживёт она всё это?.. — сокрушённо проговорил механик Кнутов.

— Она нас провожала с завода... Он нас провожал в бою... — взволнованно прозвучал чей-то голос.

Астахов встал с пенёчка, снял чёрный кожаный шлем. Встали и обнажили головы все танкисты.

Клятву — беспощадно мстить фашистам за смерть Тимура, воевать с врагами так же, как воевал герой Тимур и его отец Михаил Васильевич Фрунзе, произносит Астахов.

— Клянёмся! — гулко раздалось в ответ.

Комиссар батальона Ткаченко предлагает одному из танков КВ дать в память о героическом имя Тимура Фрунзе.

Экипажи наперебой просят присвоить им это имя.

— Нет, это имя получит только та машина, которая будет по примеру Тимура всех смелее, всех беспощаднее уничтожать фашистов.

Так началось соревнование за героическое имя.

ХИИ. СТАРАЯ РУССА

Два древних города, как два родных брата, стоят по обе стороны голубого Ильмень-озера: Старая Русса и Новгород. Белые зимние поля, снежные холмы — многое повидала эта земля на своём многовековом историческом пути. Здесь шумела новгородская вольница, развевались знамёна в кровавых битвах с захватчиками-иноземцами. Гул исторических схваток как бы звучит ещё среди этих полей. Древняя Россия. Великая, непобедимая, вечно молодая.

Город Русса в руках у немцев. С наших позиций он виден отчётливо: недавним пятидесятикилометровым броском через замёрзшее озеро Ильмень и его притоки — подлинный ледовый поход сквозь метель, глубокие снега, под свирепым ветром — мы подошли к городу вплотную, очутились под самыми его стенами.

Из трёхсот населённых пунктов Старорусского района нашими войсками освобождено

уже более половины. Лыжные отряды совместно с партизанами перерезали многие питательные железнодорожные и шоссейные магистрали, идущие с запада к Старой Руссе. Один из лыжных отрядов ворвался на окраину города в лагерь военнопленных и освободил несколько сот человек. Здесь были и военные и гражданские люди.

Освобождённые пленные прихватили с собой немецкого лагерного жандарма. Вот он сидит перед нами — долговязый, небритый, весь от макушки до сапог покрытый какой-то рыжей ледяной коркой.

— Что это за корка такая?

— А огуречный рассол, — отвечает один из пленных, — он от нас в бочку с рассолом спрятался... Мы его вытянули, пока привели — подмёрз.

Оказывается, услышав автоматные очереди лыжного батальона, пленные, не дожидаясь освобождения, подняли восстание. Выломали двери барачных, выбежали наружу. Жандармы пустились наутёк. Рядом был интендантский склад, и жандармы прятались в пустые бочки, кадушки с солёными огурцами. Пленные находили их здесь. Месяцы страшной жизни в плену, побоев, мучений, издевательств оказали своё влияние: дорвавшись до своих мучителей, люди стали истреблять жандармов. Только один уцелел. Его вытащили из бочки с рассолом и привели к нам: тот самый, что покрыт ледяной коркой. Теперь он сидит в

углу, подобострастно и испуганно глядя на окружающих.

— Пусть скажет спасибо, что не засолили, — заканчивает рассказчик под общих смех.

Рассказ следует за рассказом, каждому хочется поведать о своих муках. Вот Войтов Никита — худощавый дядька с хриплым голосом, длинной бородой и усами. На вид ему не менее четырёх десятков. Но Войтов — хлопец двадцати лет. Немецкий плен каждый месяц старит человека на пять лет. Хорошо, если только старит: люди умирают сотнями. Нетопленные землянки, голод...

— В декабре, — рассказывает Войтов, — повезли нас несколько сот человек на работу в Дно. Мороз лютующий. Посадили полуголых на открытые платформы. Говорим переводчику: замёрзнем, ведь голые. Смеётся, паразит: «Не сдохнете, голым работать легче, а сдохнете, тоже не беда».

Едем. Ну, от мороза и ветра стал, конечно, народ коченеть. Падают с ног — кто на платформу, а кто и совсем под вагоны. Таких охрана пристреливала.

Пленные отомстили жандармам сполна.

Пути снабжения старорусского немецкого гарнизона перерезаны нами со многих сторон. Гитлеровцам здесь с каждым днём становится всё тяжелее физически и морально.

Этому немало способствуют партизаны. Из небольшой группки, ядра районного актива, действовавшей в Старорусском районе с первых дней вторжения немцев, выросли крупные

отряды, среди которых знаменитый отряд «Ивана Грозного». Перед ним немцы испытывают почти мистический страх. Только за последний месяц в городе и пригородах истреблено партизанами сто девяносто шесть фашистов, двадцать три автомашины со снарядами, один штабной автобус, сбит один бомбардировщик, взорвано три железнодорожных моста и два склада. Партизанам и Красной Армии всемерно помогают жители самой Руссы и всего района.

Горожане и колхозники не склонили свои головы перед немецкими оккупантами. Когда фашисты объявили набор добровольцев для поездки «на полгода» на работу в Германию, ни один человек не откликнулся на призыв. Тогда глашатаи «добровольности» взялись за кнут. Согнали насильно людей, повели под стражей. Началось бегство: «добровольцы» удирали как кто мог и куда мог. Немало новых бойцов дал этот «набор» партизанским отрядам.

В городе, рядом с комендатурой, находится городская управа с белогвардейцем Быковым во главе.

— Долговязый такой, рыжий, слюнявый, худой, в новом, совсем неношенном костюме, — так рисуют городского голову жители, бежавшие от немцев.

— Пришёл я как-то к нему, — рассказывает гражданин Филиппов, — окажите, мол, медицинскую помощь, пострадал от взрыва. «Где, от какого взрыва?» — спрашивает.

«Да, — говорю, — господа немцы, их благородия, в одном месте гуляли, баловались, решили пошутить, да и кинули из окна в прохожих гранату. Осколок в меня и угодил». — «Что, — говорит, — ты действия господ офицеров осуждаешь? Ты критики захотел? Вон отсюда!».

Так я и зализывал свои раны, как собака. Во всём городе немцы открыли только одну амбулаторию, да и то платную: десять марок приём, а самая высокая зарплата в городе тридцать марок в месяц...

Ни одна школа в городе и районе не работает. Учителям под угрозой расстрела было приказано сжечь все до единого произведения русских классиков. Потом к русским присовокупили мировых и даже немецких классиков — всё в огонь.

Специальными афишами немцы объявили: Старая Русса — исконный немецкий город.

Желая, видимо, придать городу «немецкий» облик, гитлеровцы загнали скот в древний собор, повесили на перекрёстках главных улиц трупы замученных ими людей, открыли дома терпимости, куда силой затаскивают женщин и девочек-подростков. Да, после всего этого вид у города стал действительно немецким.

Впрочем, даже гитлеровские воротилы стали несколько в тупик от подобного онемечивания. Оказалось, что в городе за время немецкой оккупации заболело венерическими болезнями двадцать процентов всех женщин, загнанных немцами под угрозой расстрела в дома терпимости. Приказ, объявивший это, не отри-

цает, что болезнь занесена немецкими офицерами и солдатами. Приказ обращается к больным солдатам с настоятельным советом не насиловать женщин. Забота о населении? Нет, о самих себе: «Один больной солдат может сделать больными десятки других...» А несчастные женщины? Наплевать, вот ещё нежности!

Висит объявление: «При рождении девятого живого ребёнка или седьмого сына родители имеют право выбирать в крёстные Адольфа Гитлера или имперского маршала Германа Геринга».

А рядом на улице повешены две беременные женщины — Нилова и Бойцова. Тут же висит третья женщина — Прокофьева, после которой осталось четверо маленьких ребят. За что повешены эти женщины? Так, для острастки.

Так, для острастки, расстреляли гражданина Смелова. А его двухлетнего сынишку оставили на морозе умирать. Мальчугана подобрали партизаны, отёрли снегом ручки и ножки, взяли к себе в приёмышы.

Казням и издевательствам нет конца. На улицах и площадях трупы повешенных, покачивающиеся на зимнем ветру. Кто эти несчастные люди? Какие преступления они совершили?

Один защищал свою жену от немецкого офицера. На виселицу! Другого сочли партизаном за то, что он случайно оказался рядом, когда партизаны обстреляли немецкий патруль. На виселицу!

Так живёт население Руссы. Оно ненавидит

захватчиков. Оно страстно ждёт того часа, когда над городом снова взвьётся красное знамя, когда предатели, мучители, палачи получат по заслугам за каждую пролитую слезу, за каждую каплю невинной крови.

Город совершенно обнищал и изголодался. Никаких магазинов, рынков нет и в помине. Двести граммов хлеба на несколько дней — вот паёк. Среди населения участились заболевания. Тифозных немцы расстреливают или заставляют идти пешком через линию фронта: несите, мол, заразу советским войскам!

Акты вредительства и саботажа разлагают немецкий тыл. В результате народных диверсий на железных дорогах не проходит дня без катастрофы, аварии. Горят казармы, заселённые немцами. Недавно загорелся четырёхэтажный дом тайной полевой полиции — сразу с четырёх сторон. Сгорели все документы да, кстати, изжарилось четыре десятка матёрых фашистов.

Трижды меняли немцы местоположение своего аэродрома в Старой Руссе, и каждый раз он разрушался нашей авиацией: цель была указана друзьями снизу. Этим же способом были уничтожены три склада с горючим и один склад с боеприпасами.

Пройдите по улицам. Вы увидите группу людей возле немецкого объявления. Подойдите поближе. Рядом с немецким приказом наклеена подпольная газета Старорусского райкома партии «Трибуна». Именно её-то и читают горожане. Приблизится полицейский — переведут

глаза на объявление. Вот и поймай их за чтением недозволенной литературы! «Мы немецкий приказ читаем!»

Немцы до того обессилели в борьбе с уловками расклейщиков «Трибуны», что даже собственные свои объявления стали печатать на листках со штампом «Трибуна». Может быть, мол, это привлечёт читателей к объявлениям? Не привлекает.

На Ильмене и вокруг Ильменя фашисты получили немало ударов. Что ж, история подчас и повторяется. Всыпали на Ильмене, получают и на Чудском озере, так, как получили некогда их прадеды, псы-рыцари, от русского полководца Александра Невского.

XIV. ТАНКИ ПРОТИВ ТАНКОВ

В батальон прибыл полковник Катенин. В кожаном пальто, коренастый, добродушный, решительный.

Полковника знали все: командиры по давней совместной службе в танковых войсках, бойцы по участию с ним вместе во всех самых сложных недавних боевых операциях.

— Полковник приехал! — прокатилось по экипажам. — Весёлое дело привёз, наверное.

Тов. Катенин, собрав в лесочке командный состав, сообщил:

— Противник подбросил на наш участок фронта танковые части. Собирается совершить прорыв. Задача — не допустить прорыва, вступить в бой, преградить путь немецким танкам...

Лица танкистов засияли. В глазах — огоньки задора и буйного нетерпения. Ещё бы: бой с танками — это же настоящее счастье привалило! Батальон, правда, и без того беспрерывно в боях с вражеской пехотой, артиллерией, даже авиадесантами, но с танками, с хвалёными танками немцев — первая встреча.

— Вот померяемся силой...

Подготовка к предстоящему танковому бою развернулась в экипажах, как к большому празднику, но старший лейтенант Астахов был в огорчении: два танка из его пятёрки проходили сейчас полевой ремонт. Ремонтировалась и машина самого Астахова, получившая до сотни вмятин.

Астахов окончательно расстроился. Высаживать из танка кого-нибудь из командиров машин и самому сесть на это место ему не хотелось. Не участвовать же в бою он считал пределом позора.

— Вот что, Астахов, — подметив его настроение, сказал командир батальона, — будешь руководить боем танков с земли — с ближайшего к полю боя командного пункта пехотного начальника.

Астахов повеселел. В нём заговорил бывший пехотинец — командир роты. Уж тут он сумеет бросить танкистов в помощь пехоте в самый нужный момент, на самом нужном месте.

...Пять часов тридцать минут утра. Тёмно-синее, почти ночное небо ещё мерцало стайками серебристых звёзд. На запад уходил полный диск затухающей под утро луны. Воздух

был чистый и морозный, но уже с привкусом наступающей весны. В нём плавал запах оттаивающей в полдни сосновой смолы.

Скрываясь в небольшом леске, танкисты прогревали машины, жадно вдыхая после бензинового перегара этот здоровый лесной воздух. Все машины, разбитые на группы и занявшие исходные пункты для своих действий, были готовы к бою.

В пять часов тридцать пять минут с запада послышался завывающий гул немецких бомбардировщиков. Бомбёжка рубежей — предвестник вражеского наступления. Гул нарастал. Вот уже над нами громадная стая желтокрылых, чернопузых машин. Они строятся в круг для пикирования. Сейчас развернутся их чёрные утробы, и оттуда вывалится смертоносный груз. Но куда ещё попадёт этот груз?.. Утренние весёлые звёздочки, казалось, затухали, заслоняемые их силуэтами.

Первый, второй, третий самолёты, сделав последний разворот в небе, с визгом пикируют на окраину нашего леса. Десяток оглушающих взрывов... Ждём следующих... Но... уже нет ни взрывов, ни пикировщиков. На воздушную банду напала внезапно группа наших истребителей и увлекла их куда-то в сторону.

И небо, минуту назад опоганенное грязно-жёлтыми силуэтами фашистских «Юнкерсов», сразу чище стало, и звёздочки выглянули с ласковым мерцанием.

С командного пункта поступило приказание полковника Катенина продвинуться своими

маршрутами на несколько сот метров вперёд, подготовиться контратаковать противника.

Наши лётчики не дали фашистской авиации произвести необходимую обработку намеченного для прорыва участка. Теперь это захотела выполнить их артиллерия. Прикрываясь её огнём, на нашу линию обороны двинулась большими массами вражеская пехота. Сквозь треск пулемётов и разрывы снарядов донеслось глухое рычание танковых моторов.

— Ага, пошли и поросята немецкие, — подшучивает водитель Константинов. — Сейчас поджарим, дайте только вырваться.

Опытное ухо Константинова определило, что танков противника всего с полдесятка и что все они имеют средний и тяжёлый вес.

Астахов, получив в своё подчинение группу танков, безотлучно находился с командиром стрелкового батальона. Время от времени он информировал свою группу о ходе операции.

Превосходящим силам противника удалось потеснить наши войска на одном участке и даже занять одну деревню. От деревни, впрочем, давным-давно осталось одно название. Все дома и постройки уничтожены огнём. Но рядом был узел дорог, через который могли бы ринуться немецкие войска для развития успеха по прорыву. Этот узел и подступы к нему полковник Катенин и считал наиважнейшим участком, за который должны постоять прежде всего танкисты.

Из глубины немецкого тыла вынырнули и

помчались к деревне шесть немецких средних и тяжёлых танков. Через деревню — путь к узлу дорог.

— Пора, — решает полковник и, обменявшись многозначительным взглядом с командиром соединения, отдаёт приказание: — Группе Лукьянова, совместно с пехотой, атаковать деревню. Встретить танки.

Слева взрвели моторы — наша пехота пошла в атаку на деревню, её поддерживало шесть бронированных крепостей.

Загорелся жестокий бой. Немцы ни за что не хотели отдавать только что захваченный участок. По нашим машинам нещадно били противотанковые пушки и миномёты, с гранатами бросались солдаты — истребители танков. Однако нашего продвижения вперёд они не сумели остановить. Бой перешёл уже в самую деревню, а немецкие танки, стоящие позади неё, чего-то ещё раздумывали, не решались вклиниваться в пекло боя.

— Момент, черти, ловят! — восклицает Картенин и попутно бросает сигнаlistsу: — Передать Азобкову и Астахову, пусть не нервничают. Что у них там за вспышки какие-то? Будет момент, будет приказ, тогда и двинутся.

Азобков и Астахов командовали группами тяжёлых танков и сидели в засадах, готовые в любой момент броситься на помощь другим танкам.

Гранатами и штыками, с громогласным, покрывающим всё поле «ура», наши стрелковые батальоны вышибали немцев из деревни. Для

фашистских танков это и был, очевидно, подходящий момент: разбившись на две группы, они ринулись в обхват деревни, стремясь или зажать клещами всё, находящееся в ней, или прорваться таким путём на узел дорог. Танки Лукьянова заметили манёвр и, тоже разбившись на две группы, бросились наперерез немцам, открыв фланговый огонь с хода. И вот столкнулись в двух местах по две тройки. Силы равные, но уже с первых выстрелов успех был на нашей стороне: две немецкие машины на полном ходу загорелись, у двух подбиты гусеницы, а остальные две удрали обратно. У нас потерян один танк.

— Ну что же, пока молодцы, — удовлетворённо сказал Катенин.

Позже ему пришлось снова повторить свою похвалу, так как пехотные командиры сообщили, что именно танки помогли им окончательно занять деревню и что при этом танки подавили огнём и гусеницами девять немецких пушек.

Бой, между тем, не затихал. Атаки и контратаки не прерывались и с той и с другой стороны.

Но вот Астахов сообщает:

— Нас обходят восемь немецких танков.

С командного пункта летит приказание командиру танковой группы Шляпникову:

— Вступить в бой.

У Шляпникова тоже восемь танков. Второй раз сегодня равные силы. Но у Астахова благодаря очень близкому общению с пехотой и её разведкой новые данные.

— С запада в пяти — семи километрах замечено движение большой группы танков.

Катенин обеспокоен. Он торопливо переводит глаза с карты на местность, с местности на карту.

— Эшелонируют, дьяволы, не пускают все сразу. Не похоже это на них, — размышляет полковник.

— Ладно, будем бить поэшелонно!

Приказание Азобкову: как только вступят в бой восьмёрки, ударить по немцам с фланга. Приказание Астахову: заткнуть дорогу, выбросить всю группу туда, задержать подход третьей танковой группы немцев.

На поле с каждой минутой нарастал гул моторов пока ещё невидимых машин. Била артиллерия, рвались снаряды. Но вот смешалось всё сразу. На открытом месте, на срезе одной из высот, появились клином, как журавли на небе, восемь немецких танков. Они на предельных скоростях атаковали нашу пехоту. Но их самих атаковали прямо в лоб наши танки. Стремительное и яростное сближение. По секундам, точно соломинка на огне, тает расстояние между противниками, стремящимися как будто взять друг друга на таран. Немцы не выдержали, остановились. С двухсот метров они дали общий залп. Этот залп и был началом самого ожесточённого танкового боя. Началась сплошная пальба. Отдельные машины пытались маневрировать. Дым из пушек, дым из выхлопных труб заволакивал поле боя. Не поймёшь, где свои, где немцы.

Нужно было поскорее, в самый кратчайший срок, смять фашистскую восьмёрку. В успехе никто не сомневался, но нужно было это сделать скорее, пока Астахов сдерживает на лесной дороге основную немецкую танковую группу.

Теперь стало понятно, почему не держали больше в засаде тройку КВ Азобкова. Могли бы справиться восемь на восемь, но было дорого время. Грозные КВ обрушились на стаю немецких машин. Четыре немецких танка запылали ярким факелом на глазах у наших наступающих пехотинцев, которые приветствовали победу восторженными выкриками. Остальные четыре вражеских танка пустились наутёк, но их настигли и подорвали наши снаряды. У нас подбито два средних танка, все остальные готовы продолжать бой.

Однако продолжать его не пришлось. Шестнадцать немецких машин, шедших в третьей колонне, натолкнулись по дороге на заслон Астахова. У Астахова было всего три машины, у немцев в пять раз больше. Одним из КВ, вместо раненого Чиликина, командовал Мащев, бывший красноармеец-артиллерист в танке комиссара, ныне лейтенант.

— Товарищ Мащев, — сказал перед выходом из засады старший лейтенант Астахов, — будешь командовать танком кинжального действия. Помнишь, как лупил с Чиликиным противотанковые пушки? Теперь вот будешь стоять на дороге и жечь в лоб немецкие танки. Умрёшь, но не сойдёшь с места.

— Есть не сойти с места! — ответил Мащев и отправился со своим экипажем (Большунов, Мещанчиков, Кнутов, Пипа) занимать это почётное место.

...Когда на поле за спиной у Мащева происходил танковый бой, он действительно, как кинжалом, разил головные машины третьей немецкой танковой группы, пытавшейся прорваться к полю боя. Подбитые вражеские машины загородили дорогу своим же войскам. Обозлённые фашисты выкатили против Мащева два противотанковых орудия. Но танк, как могучая крепость, стоял непоколебимо — не отступал назад и не прекращал губительного огня. Храбрецов-танкистов немцы пытались взять даже пехотой, но её разогнали два танка-малютки, приданные танку КВ специально для прикрытия.

Новая серия противотанковых снарядов обрушилась на героическую машину. Механик Кнутов был оглушён страшным разрывом над самым его люком. Он попробовал выглянуть в щель и тут же что есть силы закричал командиру танка:

— Стой! Не стреляй! Пушка пробита!

Один из вражеских снарядов угодил в самый срез пушки и промял её. Сделай танкисты ещё один выстрел, и снаряд разорвался бы в стволе пушки, вызвав гибель и машины и экипажа.

«Плохие дела», — огорчённо подумал командир танка.

Продолжали драться с немцами из пулемётов.

Вскоре на помощь Мащеву подошли другие танки, но немцы уже откатывались от места боя далеко назад.

...У танка-крепости, кроме испорченного орудия, оказались разбитыми три катка. Мы пересчитали вмятины в броне от немецких снарядов, — их несколько десятков. Снаряды вгрызались в советскую броню самое большее на сантиметр, но пробить её насквозь были бесильны.

— Да, братец, тяжёлый у тебя случай, — сочувственно произнёс кто-то из товарищей.

— Танк без пушки не танк, а колода, — добавил другой.

Машина выбыла из строя. Ей нужен заводской ремонт — замена пушки. Мащев продолжал крепко ругать немцев, а сам всё ходил и ходил вокруг машины, пристально вглядываясь в изуродованный ствол.

Все знали: по изобретательности Мащев — второй Дормидонтов. Что-нибудь да придумает. И вот Мащев перед командиром роты Астаховым.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите отпилить у пушки конец ствола на двадцать два сантиметра. Будет стрелять — и на завод отправлять не надо.

— Это идея, — сразу же по достоинству оценил предложение Астахов.

Бывшему артиллеристу Мащеву не трудно было рассчитать, что танк и с укороченным

стволом сможет разить противника на самых дальних для него дистанциях.

Танк отвели в тыл. Пока ремонтная бригада меняла катки, Мащев, раздобыв ножёвок, принялся отпиливать повреждённый конец ствола. Двенадцать часов без перерыва работали танкисты. На раскаляемые ножёвки беспрестанно лили мыльную воду. По очереди отдыхали, ели, но ни на минуту не прекращали пилки.

На следующий день танк Мащева вместе с другими снова отправился в бой и продолжал разить фашистов, на этот раз из пушки-обреза. Экипаж подбил тяжёлый танк и танкетку противника, увеличив также число уничтоженных за эти два дня немцев. А всего на нашем участке фронта лежало две тысячи пятьсот фашистских трупов.

ХV. „ТРОФЕЙ“

Танки КВ ворвались в деревню. Кругом раздавалась ружейная пальба, пулемётный треск, гранатные взрывы. Две или три хаты в середине деревни, подожжённые отступающими немцами, пылали яркими кострами. Гигантские языки пламени, раскачиваемые порывистым ветром, слизывали тяжёлый иней с соседних тополей.

Командир танка Калиничев, проезжая мимо горящих хат, подумал: «Самих бы немцев поставить сюда вместо тополей, чтоб целовались с огнём, пока глаза не лопнут...»

Глаза командира снова устремлены вперёд, вдоль задымлённой улицы, в закоулки, где продолжали шнырять и сопротивляться упорные фрицы. То и дело он подавал водителю Дормидонтову команду: «Стоп! Стреляю!» и тут же посылал снаряд под угол какого-нибудь каменного погреба, где укрылись немцы. Меткое попадание, и погреб уже не погреб, а могила для его обитателей.

И вдруг среди этого бурлящего моря огня и смерти водитель Дормидонтов увидел мечущегося от хаты к хате громадного пса. Это был большой, красивый, с рыжим отливом пойнтер. Он, как затравленный, бросался то к пустым избам, то к пробегавшим мимо него обезумевшим немцам.

— Вот он у меня сейчас прыгнет лапками кверху! — крикнул стрелок-радист Шишов, прильнув к пулемёту.

— Да ты что, очумел? Это же собака, а не фашист, — сердито ткнул Шишова в бок Дормидонтов.

На миг Шишов замедлил спуск курка, а раздавшаяся затем звонкая очередь — пришлась как раз по двум немецким гранатомётчикам, выскочившим из-за угла дома.

— Вот твои собаки, по ним и целясь всегда, — не отрываясь от смотровой щели, весело бросил Шишову Дормидонтов.

Бой на улице заметно стихал, а рыжий пёс всё ещё бегал по деревне, обнюхивая трупы убитых немцев. Он потерял своего хозяина.

Бой затих. Деревня была наша. Дормидон-

тов при первой же возможности попросился у командира машины «сходить посмотреть собачку».

Не прошло и двадцати минут, как на пороге хаты, где мы расположились, появился Дормидонтов с покорно сопровождавшим его рыжим псом. Танкисты подняли весёлый галдёж:

— Где это такого пленника подхватил? Ай да Женька!

— А ну, Фриц, Фриц, иди сюда!

— Рыжий, дай лапу, подними лапу!

Чистокровный пойнтер, несмотря на ярко выраженную в его теле громадную силу, дико и трусливо поводит во все стороны глазами, будто он и в самом деле чувствовал себя пленником.

Неведомо чем обольстил его на улице Дормидонтов, только пёс жался сейчас к ногам Евгения, доставая головой до самого его пояса и подозрительно озираясь на всех остальных.

Дормидонтов погладил собаку рукой и знаком пригласил сесть рядом с собой. Пойнтер послушно сел, но ещё был в тревожном состоянии. Он вздрагивал от времени до времени всем своим гладкошёрстным телом, большая его голова рывком поворачивалась в сторону шума, раздававшегося из толпы. Отвисшие уши чуть приподымались, в громадной пасти сверкали белой эмалью острые клыки. Хорошо откормленный, гладкий пёс весь лоснился от ушей до кончика хвоста. Умные светлоричные глаза его всё ещё выражали испуг и тревогу.

— Собака, ребята, немецкая. Вот номер и

надпись на ошейнике, — показал Дормидонтов на белый медальончик в форме щитка со штампованным номером и надписью.

— Офицера какого-нибудь, — заметил кто-то.

— Не иначе, — согласился Константин, — валяется где-нибудь в подворотне, собака поганая, а благородный пёс его вот греется вместе с нами.

Все рассмеялись.

— Да, но я его спас от смерти. Шишов же хотел угробить его вместе со всеми собаками. Танкисты с упрёком посмотрели на Шишова.

— И как же тебе не стыдно, Шишов? Таковую хорошую собачку и вдруг с фашистами сравнивал...

— Так вот, ребята, — продолжал Дормидонтов, — за собакой буду ухаживать я. Командир уже разрешил держать её в батальоне.

— Тогда давай ей кличку дадим, — предложил кто-то, и со всех сторон, как дождь, посыпались предложения:

— «Фашист», «Бандит», «Адольф», «Гитлер», «Геббельс»!

— Нет, ребята, это всё не годится, — перебил друзей Дормидонтов, в его синих глазах замелькали весёлые искорки. Притворно серьёзным и упрекающим тоном он протянул: — Товарищи! Ну разве к лицу собаке носить такое имя? Это же оскорбление для неё.

Громкий взрыв хохота покрыл слова Дормидонтова.

— Так как же нам её назвать?

— Это наш трофей. Так давайте и назовём её «Трофей», — сказал Евгений.

— «Трофей», «Трофей»! — затараторили ребята, и всем сразу очень понравилось это имя.

...С того памятного зимнего дня, когда пёс попался к нам в плен, минуло несколько месяцев. «Трофей» безотлучно в батальоне. Он быстро привык к своей новой кличке, очень сдружился с Дормидонтовым и страшно скучал без него во втором эшелоне, когда тот был занят в боях.

Танкисты полюбили «Трофея», и «Трофей» полюбил их. Всем нравилось, что пёс никогда не приставал и не просил ни у кого пищи, пока не наступало время обеда или ужина по распорядку. Когда наступал обед, «Трофей» отправлялся со своим хозяином к полевой кухне и там ел, что дадут, из своего жестяного тазика. Когда Евгения не бывало, «Трофей» ходил на кухню один, и повар угощал его обедом.

Пёс не ел хлеб даром. Когда очередное подразделение танкистов отправлялось в караул, им неизменно сопровождал «Трофей». Оставаясь с часовым, он бегал вокруг танков, заглядывая под них, удалялся на небольшие расстояния в сторону, принимался, прислушивался, нет ли кого постороннего...

— Службистая собака, — хвалили танкисты.

— А что если она у тебя с поста к своим, к немцам, убежит? — подтрунил раз кто-то над Дормидонтовым.

«Надо приручить собаку покрепче», — решил Дормидонтов и принялся за дрессировку её.

«Трофей» научился таскать из роты во второй эшелон донесения, переносил в зубах пулёмётный диск, обёрнутый в тряпку, носил за ремень автомат.

— А вот за обедом тебе его слабо послать. Не вытерпит — съест дорогой, — ехидничали ребята.

Уезжая в бой, Евгений нежно прощался с другом: жал ему лапу, трепал по шерсти, клал в рот кусок сахара. Когда все пять танков КВ одновременно возвращались из боя и подходили к своей базе, «Трофей» срывался с места и безошибочно мчался к танку Дормидонтова.

— «Трофейчик», милый мой, полезай сюда, — ласково звал из люка Дормидонтов, заглушив машину.

«Трофей» одним махом прыгал на танк, просовывал морду в люк и нежно тёрся там о шлем и чумазое, почти неузнаваемое лицо своего друга и хозяина.

— А вот обед не принесёт, съест, — подзадоривали товарищи.

— Сейчас же посылаю. Через десять минут будет здесь.

Среди танкистов поднялся великий спор: принесёт или съест?

Дормидонтов дал «Трофею» в зубы котелок и указал в сторону кухни, находившейся за километр в лесу. По команде «пошёл» «Трофей» вильнул хвостом и мгновенно исчез в лесной чаще. Ребята, собравшиеся было за обедом, с

захватывающим нетерпением ждали возвращения собаки.

И вот на опушку резво выскочил «Трофей». Подбежав к Дормидонтову, он покорно поставил у его ног котелок с мясной гречневой кашей, прикрытой пергаментной бумагой.

— Что я вам говорил!? — торжествовал Дормидонтов.

— Bravo! Bravo, Женька! Bravo, «Трофей»! — восторгались ребята и с весёлым говором и смехом отправились на обед.

...День ото дня бои становились всё ожесточённой. Иногда танк Дормидонтова не возвращался на базу по два-три дня подряд, и тогда изнывающий от тоски «Трофей» не находил себе места. Он уже делал несколько попыток убежать на передовые линии, но, не обнаружив нигде следов своего хозяина, скучный и голодный возвращался обратно.

Был, однако, случай, когда неугомонному «Трофею» удалось по следам танков прорваться на поле боя. В это время наши танки дрались с танками немцев.

Танкисты заметили «Трофея», видели, как он запутался от взрывов среди машин и, наконец, убежал в сторону немцев.

Пять дней пропадал «Трофей», и все считали его погибшим или (чего Дормидонтов ни за что не хотел слушать) перебежавшим к немцам. Дормидонтов переживал это как большое горе. Он не верил, что «Трофей» ему изменил, — «Трофей», наверно, погиб...

И вдруг по батальону пронеслась радостная весть: «Трофей» вернулся!»

Дормидонтов первый выскочил из блиндажа, чтобы скорее увидеть любимца. «Трофей» прибрёл весь грязный, осунувшийся, прихрамывая на одну ногу. Все лапы у него были окровавлены, покрыты мелкими ссадинами, очевидно, от осколков весеннего льда, в который он провалился во время своего путешествия.

— Мой бедный «Трофейчик»! — обнял за шею своего друга Дормидонтов.

Жалобно скуля, «Трофей» вилял хвостом и плотно-плотно прижимался к хозяину.

Шишов первый разразился упрёками по адресу «Трофея»:

— Ага, собачий сын, не сладко пришлось тебе у старых хозяев?! Пришёл голодный, как немец. Это тебе не прежнее время. Вот не будешь удирать больше.

— Как ещё эти собаки не съели его, бедного, — сокрущённо добавил кто-то.

— Значит, пёс совсем от них отрешился, раз не захотел больше водить с ними компанию, — заметил Константинов.

Через несколько дней «Трофей» снова поздоровел, повеселел, у него зажили все лапы, и он готов был снова выполнять какие угодно поручения своего хозяина.

Однажды ночью вся пятёрка танков КВ была вызвана по тревоге на передовые позиции. Экипажи бросились к машинам, мгновенно завели их и ждали команды, чтобы выступить в бой. Дормидонтов, как всегда, успел ещё выйти из

машины и проститься за лапу с вертевшимся тут же «Трофеем». Ласковые слова «Трофею» бросали и остальные члены экипажа — Калинин, Шишов, Соловьёв, Писарев. Они пользовались преимущественным уважением «Трофея» перед экипажами других машин. Пёс прекрасно понимал, что это постоянные и самые близкие друзья его хозяина. А сами ребята в шутку называли его даже шестым членом своего экипажа.

Танки ушли в бой.

Немцы решили отбить только что отнятый у них выгодный водный рубеж. Для этого они предприняли мощную атаку. В этот-то бой и были вызваны наши танки. После двухчасового боя противник показал спину. Пятёрка КВ дралась превосходно. Всеобщее восхищение вызвала машина лейтенанта Калиничева с большим номером на башне 512. Виртуоз-водитель Евгений Дормидонтов залетал на ней то в тылы, то во фланги немецким боевым порядкам. Экипаж этот давно славился своим мастерством давить немецкие пушки и миномёты. Раздавить пушку тоже ведь надо умеючи, иначе порвёшь самые крепкие гусеницы.

Так вот, Дормидонтов сейчас и давил их внезапными заходами то справа, то слева. Лёгкий нажим на пушечное колесо, и пушка уже не пушка, а стальной труп — не надо давить ни ствола, ни лафета.

Танк Калиничева раздавил до десятка мелких и средних вражеских пушек и не меньшее количество миномётов. А когда началось пре-

следование противника, то машина кинулась далеко вперёд.

...Бой закончился, но танк командира Калиничева и водителя Дормидонтова из боя не вернулся. Как ни вертелся вокруг, как ни обнюхивал «Трофей» все остальные вернувшиеся машины, хозяина не находил. Хозяин остался где-то на поле боя.

Судьба этой машины час за часом вызывала всё большее беспокойство командования и танкистов. На обозреваемом пространстве между нашими передовыми частями и немецкими танка не было видно.

— Слишком глубоко заскочил к немцам и там, наверное, подбит, — мрачно сказал Астахов.

Прошло уже два часа, три, десять, двенадцать, а танка Калиничева всё нет и нет. Несколько пар разведчиков-танкистов и пехотинцев ходили вперёд, подбирались к немецким позициям, но машину нигде не обнаружили — как сквозь землю провалилась.

В батальоне кто-то вдруг предложил послать «Трофея» поискать машину. Он её издали узнает, а немцы не тронут его. Он с бляхой.

Рано утром, когда на востоке ещё только только прорезалась первая полоска розового света, «Трофея» вывели к окопу, показали на один из танковых следов, идущих в сторону немцев, и сказали:

— Ищи.

Умный пёс пустился во всю прыть вперёд искать своего любимого хозяина.

Через несколько часов «Трофей» появился на сборном пункте машин. Первого попавшегося танкиста он схватил зубами за комбинезон и стал тянуть за собой.

— Нашёл, неужели нашёл?! — удивлялись и радовались танкисты.

Разведчики Валин, Аровский и Нальченко отправились за «Трофеем», потащившим их в сторону передовых. Путь собаки пролегал далее прямо к немцам, откуда изредка раздавались ружейные и пулемётные выстрелы. Идти было не безопасно. Но «Трофей» настойчиво рвался вперёд. Отбежав шагов десять и не видя позади себя людей, он, обозлённый, с отрывистым тывканьем возвращался обратно и как бы снова приглашал следовать за собой.

Ребята решили немного продвинуться. Крадучись, они поползли между мелкими кустами за «Трофеем». Но не проползли и трёх десятков метров, как «Трофей» остановил их сам. Прильнув к земле и положив передние лапы на что-то чёрное, он повернул голову в сторону разведчиков. Бойцы приблизились. Перед ними лежал труп танкиста в комбинезоне, шлеме и перчатках. Это был Ваня Писарев — артиллерист из танка Калиничева — Дормидонтова.

— Ванюшка, как же ты здесь? — скорбно, полушёпотом проговорил один из разведчиков.

Писарев был весь изрешечен пулями. За пазухой у него оказались документы, записные книжки всего экипажа. Очевидно, он пробирался ночью из танка, чтобы известить об аварии, и был убит немцами по дороге. «Живы

или не живы и где они сейчас?» — вот вопрос, который волновал разведчиков. Хотя бы записочка какая-нибудь! Ничего.

Среди пачки бумаг и документов был большой дерматиновый бумажник Дормидонтова. «Трофей», с беспокойством обнюхивавший каждую новую вещь, извлекаемую из комбинезона Писарева, вдруг вырвал из рук бойцов этот бумажник и со свирепым рычаньем отбежал в сторону. Никакие силы не могли заставить его в эту минуту расстаться с драгоценной ношей. Он держал её в своей страшной пасти и, ошестинившись, бегал в отдалении вокруг разведчиков.

Ещё минута, другая, и «Трофей», сорвавшись с места, вдруг вихрем полетел в сторону немцев.

— Куда его понесло? Взбесилась собака! — растерянно воскликнул Аровский.

— Да разве не понимаешь? Он же по следу Писарева поскакал. Танк найдёт сейчас, — уверенно заявил Нальченко.

Ребята залегли и стали ждать, что будет дальше. Прошло несколько минут, и они были замечены и обстреляны немцами. Пришлось отойти назад.

Через час с тем же бумажником в зубах появился «Трофей». На этот раз он сам положил ношу к ногам разведчиков и застыл в выжидательной позе.

Бумажник раскрыт, и перед глазами разведчиков... — о, счастье!.. — обрывок записки с подписью командира танка Калиничева.

«...хоть сколько-нибудь. Хотя бы с «Трофеем». Мы ещё живы. Расстреливаем последние. Набили штук сотню гадов, но не сдаёмся и никогда не сдадимся.

Калиничев».

Вот когда все вспомнили об умении «Трофея» таскать диски, автоматы. Будто предвидел Дормидонтов своё несчастье, обучая собаку этому делу.

Разведчики тут же добыли у пехотинцев один диск и завернули его в тряпку. Диск — «Трофею» в зубы, и пёс уже знал, что ему надо делать. Пулей помчался он в направлении, указанном ему рукой, по своему свежему следу.

Три рейса с дисками в зубах совершил к танку умный и смелый пойнтер. Машина находилась, очевидно, километрах в трёх в глубине территории противника. В третий раз «Трофей» вернулся с опалённой в нескольких местах шерстью и запиской, прикреплённой к ошейнику.

«Дорогие товарищи! Спасибо вам, спасибо «Трофею»! Вот какая собака! Она помогла нам подстрелить ещё с полсотни кровавых собак. Прощайте, ребята. Последние минуты. Обливают бензином. Умрём, но победа за нами! Передайте привет родным. «Трофея» спускаем в нижний люк. Он такой, он прорвётся. Прощайте.

Калиничев, Дормидонтов, Шишов, Соловьёв».

...Через неделю мы погнали немцев дальше и заняли то место, где находился танк № 512.

У него были перебиты обе гусеницы, его облили горючим и подожгли.

Так погиб беззаветно преданный Родине героический экипаж танка КВ, одного из пятёрки, совершившей славный путь от Урала до Старой Руссы.

Так окончилась прекрасная жизнь весельчака и любимца всего батальона Жени Дормидонтова.

На поле, как чёрная скала, высится сейчас стальная могила четырёх героев-танкистов. Бойцы часто приходят сюда и, сняв шлемы, подолгу молча стоят здесь. С бойцами всякий раз прибегает и четвероногий друг Дормидонтова, любимый всем батальоном пёс «Трофей».

ХVI. КУЗНИЦА БЕССТРАШИЯ

Рота КВ Астахова, как и весь танковый батальон, теперь не только воюет, но и учит воевать других. Батальон — своеобразная фронтовая танковая академия.

Командование фронтом, учтя особые заслуги и богатый опыт максимовского батальона в борьбе с немецкими войсками, решило пропустить через него танковые резервы фронта, тренировать здесь водителей, радистов, артиллеристов, командиров танков и танковых подразделений.

— Будете превращать бойцов и командиров-танкистов в подлинных мастеров своего дела. Так требует нарком, — заявил командиру

батальона полковник Катенин. — От участия в боях не освобождаетесь.

Учить других?! А ведь давно ли танкисты батальона, прибывшие на фронт, считались молодыми? Вспоминается первая их встреча с бывалым фронтовиком-танкистом майором Сегеда, его рассказы о бесстрашии, о способах уничтожения немцев.

— А если танк подожгут? — робко спросил тогда майора один из танкистов.

— Чинить надо. Немедленно ремонтировать.

— А если ещё стреляют?

— Под огнём ремонтировать и снова в бой.

— Но могут же поранить?

— Э, дружок, — насмешливо, но не зло посмотрел Сегеда на молоденького танкиста, — на войне даже убивают... Вот как. Разве вы не слышали об этом?

Бойцы рассмеялись.

С тех пор не прошло и полгода, а сколько изменений, сколько отнятых у врага километров и селений, сколько вмятин в броне от вражеских снарядов. Немало горьких дней и часов пережила за эти месяцы рота КВ лейтенанта Астахова: ранены командир танка Чиликин, Кононов, Машев, убит в решающем сражении отважный комиссар Харченко, сожжён заживо героический экипаж танка Калиничева — Дормидонтова.

А бои всё идут и идут, а счёт подвигов каждой машины всё растёт и растёт. Сотни и тысячи уничтоженных оккупантов, десятки раздавленных и подбитых пушек, танков и дзотов.

врага. Рота закалялась в огне Отечественной войны. Каждый воин становился всё более суровым, бесстрашным мастером своего дела.

...Механики-водители, артиллеристы, радисты, командиры танков и танковых подразделений, прибывшие в батальон на учебно-тренировочный сбор, не без удовольствия узнали, что начальником сбора назначен известный своими подвигами на фронте командир пятёрки КВ старший лейтенант Астахов.

Первая встреча Астахова с участниками сбора была дружеской, но не обошлась без взаимного конфуза. Астахов знал, что пришедшие танкисты или потеряли в боях свои танки, или же, выйдя из вражеского окружения, дрались в стрелковых частях.

— Кем и на какой были машине? — спрашивает он сержанта Вершинина.

— Механиком-водителем.

Вершинин перечисляет несколько систем машин, на которых он ездит.

— Кем воевали теперь?

Танкист немного смущён, но продолжает твёрдо отвечать:

— В пехоте был, товарищ старший лейтенант. Сначала стрелком, потом миномётчиком, потом ранен в ногу под Клином.

— «Пеший по танковому» — значит, как в наставлении. Ну ладно, вот теперь опять в машину сядете, у нас их много стало. Да какие ещё!

— Очень радуюсь, товарищ старший лейтенант. Большое спасибо. Скорее бы только...

Младший сержант Гут после танка также успел побывать в пехоте, был разведчиком, затем истребителем вражеских танков. Другие танкисты были связистами, миномётчиками, артиллеристами. Все они с увлечением рассказывают о том, как воевали в этих войсках, но в то же время и не скрывают того, как у них «сердце замирало» от зависти и досады, когда мимо проходили танки. Крепко стосковалась душа танкиста по родной машине. Недаром в первый же день своего прибытия в батальон они прежде всего бросились к машинам и пробыли около них до поздней ночи.

После беседы танкисты попросили Астахова показать им машины его роты и прежде всего его личную машину, в которой он, как им известно, пробыл двое суток в окружении немцев.

Вот тут-то и пришла очередь смутиться самому Астахову: его танк находился в ремонте и в последнее время в боях не участвовал.

— Я его вам ещё покажу по-настоящему, — пообещал Астахов. —

...Одна из лёгких танковых рот ушла сегодня в бой, а в остальных с утра горячая учёба. Учатся и те, кто пришёл на переподготовку, и те, кто воюет каждый день.

Мы на занятиях у Астахова. Он сидит внутри танка, окружённого небольшой группой командиров. Это тоже слушатели. Они поочередно влезают в машину к Астахову через верхний люк и спустя некоторое время вылезают через люк механика-водителя. Это называется у Астахова «пропускать через танк».

Раскрасневшись и щурясь от резкого дневного света, каждый «пропущенный» с восхищением делится впечатлениями о качестве оборудования, в особенности вооружения.

— Молодцы кировцы, спасибо уральцам, что хочешь сделают, — только бей крепче — не жалей немцев, — вырвались горячие слова благодарности у танкиста — лейтенанта тов. Белоконь.

По программе участники сбора проходят тактику, материальную часть, вождение, боевые стрельбы, наконец, в качестве экзамена — «учебное» участие в настоящем бою. Вышел с победой, значит, сдал экзамен. Получай диплом, получай машинку для самостоятельного управления.

Старший механик-водитель Константинов, прозванный нами «профессором вождения и материальной части», преподавал теперь эти предметы механикам-водителям.

Рядом в лесу ремонтная база танков. Все там знают Константинова, он знает всех ремонтников.

— Будем помогать танки чинить. Учёба — лучше некуда, — объявил Константинов своим слушателям и, захватив инструменты, повёл слушателей в лес.

...Из боя вернулся танк КВ лейтенанта Ефимова. Термитным снарядом у него разворотило основание башни. Экипаж не пострадал, но башня заклинилась, и стрелять из пушки стало невозможно. Ремонт очень серьёзный, со съёмкой башни, с заваркой травмированной брони.

— Сами сделаем этот ремонт, пусть учатся ребята, — заявил командир батальона Максимов.

И вот экипаж Ефимова вместе с курсантами уже за работой. В батальоне нет подъёмного крана, но зато много рядом растущих крепких дубов. Между двумя дубами был установлен танк, и с него сняли и подвесили многотонную башню. Пробойна искусно заварена самими танкистами. Тяжело раненный танк через несколько дней готов к бою.

«За самоотверженную работу по ремонту подбитой машины, а также за умелое обучение на этом танкистов сбора объявляю экипажу Ефимова благодарность», — гласил приказ командира батальона.

Курсанты поздравляли командира машины. Довольный Ефимов отвечал на поздравления:

— Хотя комбат и не объявил вам благодарности, зато вы сами себе скажите спасибо, что у вас будет теперь на чём учиться и на чём сдавать экзамен. На себя, стало быть, работали.

Занятия по тактике и взаимодействию войск проводят пехотные и танковые командиры, а чаще всего сам Астахов.

— Забрать ручные гранаты и автоматы. Выходим по тревоге в бой, занятия по тактике. Немцы танков подбросили. Посмотрим, как с нашими машинами сойдутся.

Группа танкистов, возглавляемая Астаховым, ночью прибыла на передовые и окопалась в районе командного пункта командира полка.

Под утро развернулись события. Немцы подготовили контрнаступление, которое должны были поддержать их танки и авиация. После авианалёта на наш передний край бросилась немецкая пехота и танки. Их встретил шквальный огонь пехоты и артиллерии.

— За танками, за танками следите! — в который уже раз предупреждал ближайших к нему соседей по окопу Астахов.

Часть немецких машин, шедших на наши войска, сразу же была подбита противотанковыми пушками. Остальные вступили в единоборство с девяткой наших танков, выскочивших из леса. На поле танковый бой. Всё заволокло дымом. На командном пункте первые жертвы, стоны раненых. Астахов приказывает танкистам перевязывать раненых, держать наготове гранаты и автоматы.

С этого момента он фактически становится помощником командира полка, ведущего бой. В нескольких метрах от командира разбит узел связи. Астахов отдаёт распоряжение нескольким своим бойцам помочь в установлении связи. Он организует из танкистов круговую оборону командного пункта. Никто уже не думает о том, что он пришёл сюда на какие-то занятия. Здесь все бойцы — участники ожесточённого боя.

Вдруг застонал от боли командир полка майор Павлов. У него пулевые ранения в обе ноги. Скорее бинты, носилки... Астахов перевязал майора, а за ним ещё пятерых командиров и отправил их в тыл.

Вот где пригодилась ему учёба у жены — фельдшерицы Лены Астаховой! Пусть она теперь гордится там, на Урале, что и её труды не пропали даром.

Астахов в течение целого часа заменял командира полка и руководил боем, пока не установил связь и не вызвал на командный пункт заместителей выбывших из строя командиров.

Наши войска успешно отразили контрнаступление немцев, сами перешли в наступление и продолжали продвигаться дальше на запад.

В этот день танкисты успели побывать и на затихшем поле боя, где только что дрались танки с танками. Здесь застыли, как гробницы, меченные крестами, четыре фашистских машины. Оживлённо копошились у двух наших подбитых танков их экипажи.

Ученики и учителя узнали друг друга. Обрадовались.

— Помочь, что ли?

— Нет, мы уже кончаем. Сейчас тронемся. Вон лучше немцам воскреснуть помогите, — весело крикнул из люка механик-водитель Трофимов.

«Курсанты» подробно ознакомились с немецкими машинами, осмотрели пробоины в них, запомнили наиболее уязвимые места.

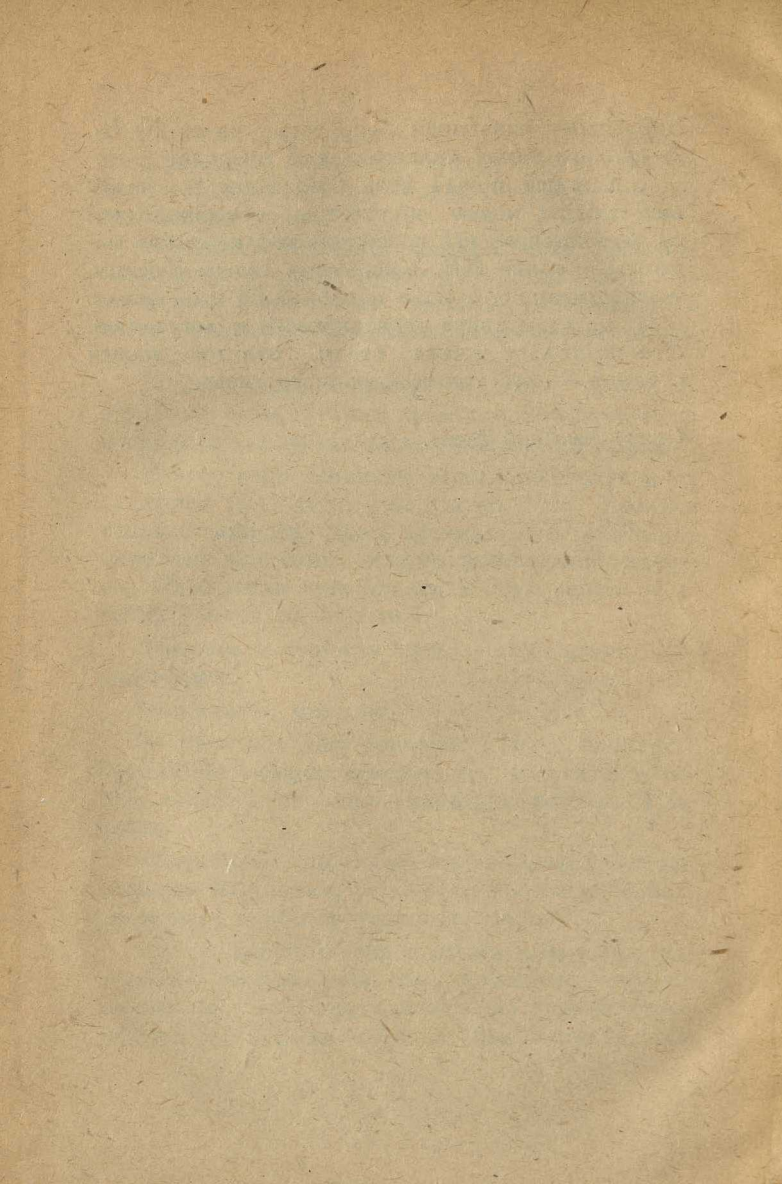
На следующий день с этими машинами поочерёдно знакомились все остальные группы танкистов. Кладбище фашистских танков стало фигурировать даже в расписании занятий, под

«скромным названием «полевой класс № 6».
А сколько таких «классов» ещё впереди!

...Каждый новый день боёв приносит нам новые победы, новые километры освобождённой от фашистского ига советской земли. Белые мамонты — танки КВ, рождённые седым Уралом, торжественно и сурово проходят по этой земле.

В каждом танке десятки тысяч килограммов. Это не только тонны стали, отлитой нашей страной, — это тонны народного гнева.

«Северо-Западный фронт.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

В тылу врага. Дневник военного корреспондента 9

Белые мамонты. История пяти „КВ“ . . . 179

Редактор З. Гусева

Обложка худ. М. Валукина

Технический редактор Г. Горенштейн

Корректор А. Мурашова

Подписано к печати 23 октября 1948 г.

ФЛ09342. Заказ 200. Объем 9^{7/8} л. п. л.

Тираж 8.000

Типография Пензенского областного
издательства

Пенза, ул. Кирова, 65

C

onb-1

cmk-1

gk-2

AB-5

gus-2

Цена 4 рубля

3898.6

2020037236